

ЗВЁЗДЫ СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ГРИГОРИЙ
АДАМОВ

ТАЙНА ДВУХ ОКЕАНОВ

ПОБЕДИТЕЛИ НЕДР

Григорий Борисович Адамов
Тайна двух океанов.
Победители недр (сборник)
Серия «Звезды советской фантастики»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25918400

*Тайна двух океанов. Победители недр / Григорий Адамов: АСТ; Москва;
2017*

ISBN 978-5-17-104914-0

Аннотация

«Тайна двух океанов». 1930-е годы – канун Второй мировой войны и конфликты с Японией. Новейшая подводная лодка «Пионер» отправляется из Ленинграда во Владивосток для усиления Тихоокеанского флота. Советским морякам приходится противостоять не только знакомому противнику: японским боевым кораблям и внедрившимся в экипаж диверсантам, но и океаническим стихиям и неведомым чудовищам, считавшимся вымершими еще десятки миллионов лет назад. Военный переход превращается в удивительное путешествие по совершенно незнакомому и таинственному подводному миру.

«Победители недр». Существует проект – создать на более чем десятикилометровой глубине термоэлектростанцию, которая, работая от тепла земли, обеспечила бы людей неисчерпаемым

источником энергии. Ради его осуществления четыре смельчака в специальном аппарате отправляются в подземную экспедицию.

Григорий Адамов – один из самых популярных советских писателей-фантастов. Его романы обладают не только увлекательными сюжетами, но и значительными сведениями о тогдашних достижениях науки и техники, что делает их особенно интересными.

Содержание

Григорий Адамов	6
Тайна двух океанов	9
Часть первая	9
Глава I	9
Глава II	24
Глава III	54
Глава IV	70
Глава V	85
Глава VI	105
Глава VII	117
Глава VIII	135
Глава IX	154
Глава X	166
Глава XI	179
Глава XII	195
Глава XIII	211
Глава XIV	224
Часть вторая	239
Глава I	239
Глава II	261
Конец ознакомительного фрагмента.	266

**Григорий
Борисович Адамов
Тайна двух океанов
Победители недр**

© Григорий Адамов, наследники, текст, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Григорий Адамов

Григорий Борисович Адамов родился 6(18) мая 1886 года в Херсоне. Он был седьмым ребенком рабочего-деревообделочника. Семья была столь бедна, что он даже не закончил гимназию: не хватило денег на оплату обучения. Ему приходилось давать частные уроки детям из обеспеченных семей. Родители, всегда беспокоившиеся о его образовании, ожидали, что он сдаст экзамены экстерном, продолжит учебу и в конце концов станет врачом.

Но Григорий Адамов увлекся политикой. В пятнадцать лет он вступил в кружок революционной молодежи, а потом – в большевистскую партию. Хранил нелегальную литературу, занимался агитацией, выполнял различные поручения местного комитета. Перед самой сдачей экзаменов, узнав от товарищей о готовящемся аресте, он покинул Херсон.

Григория Адамова несколько раз арестовывали, ссылали в Архангельск, откуда он бежал. В Севастополе он участвовал в уничтожении документов по делу мятежных матросов броненосца «Князь Потемкин-Таврический», в агитации на кораблях Черноморского флота, за что на три года оказался в тюрьме. Освободившись, в 1911–1914 годы он работал в херсонской социал-демократической газете «Юг».

Революцию 1917 года Григорий Адамов встретил в Москве. Он работал в Наркомпроде, в Госиздате. С 1930 го-

да стал писать профессионально, публикуясь в различных изданиях. Будучи корреспондентом газеты «За индустриализацию», много ездил по стране. В 1931 году у него вышел сборник «Соединение колонны», посвященный строителям первых пятилеток.

А в 1934 году Григорий Адамов начал писать фантастику. В ноябрьском сборнике журнала «Знание – сила» был напечатан его рассказ «Рассказ Диего». Затем вышли «Оазис солнца» и «Авария». Все три рассказа посвящены электростанциям будущего.

В 1937 году появилось первое большое произведение Григория Адамова – роман «Победители недр». Существует проект создания на более чем десятикилометровой глубине термоэлектростанции, работающей от тепла земли и способной дать людям неисчерпаемый источник энергии. Для передвижения под землей создан специальный снаряд, и четыре смельчака отправляются в нем в глубь планеты. Их приключения и являются основой сюжета.

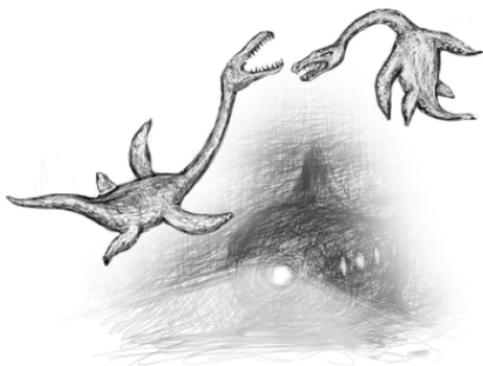
В 1938 году вышла знаменитая «Тайна двух океанов». История перехода сверхсовременной подводной лодки «Пионер» из Ленинграда во Владивосток для усиления Тихоокеанского флота. В это время нависла угроза широкомасштабной войны с Японией (в июле – августе 1938 года произошли бои у озера Хасан, в мае – сентябре 1939 года – на реке Халхин-Гол), и тема борьбы с внешним и внутренним врагом оказалась очень востребована. С другой стороны, детальное

описание жизни подводников и красочный рассказ об океанских глубинах нашли горячий отклик в сердцах читателей. В 1957 году по книге сняли одноименный двухсерийный кинофильм.

В 1938 году Григорий Адамов начал работу над третьим романом под названием «Изгнание владыки». Сюжет посвящен осуществлению идеи перенаправить один из рукавов Гольфстрима в сторону Арктики с тем, чтобы смягчить суровый климат Севера. Из-за начавшейся Великой Отечественной войны роман был опубликован только в 1946 году, уже после смерти автора.

Григорий Адамов был одним из самых популярных советских писателей-фантастов середины прошлого века, особенно у юных читателей: его герои были молоды, полны оптимизма и не пасовали перед опасностью, встававшей на пути их приключений. Кроме того, его романы обладали не только увлекательными сюжетами, но и значительными сведениями о тогдашних достижениях науки и техники, что делало их особенно интересными.

Тайна двух океанов

Часть первая Необычайный корабль

Глава I Прерванный разговор

До рассвета оставалось уже немного. Из комнаты на четырнадцатом этаже, сквозь щелку между плотными портьерами, во влажную темноту двора пробивалась слабая, едва заметная полоска света.

Маленькая настольная лампа под низким черным абажуром бросала яркий конус света на небольшой участок гео-

графической карты, разложенной на столе. Все кругом терялось в густом сумраке.

Два человека склонились над картой. Их лица были неразличимы, в полумраке мерцали лишь глаза: одни – узкие, косо поставленные, тусклые, равнодушные; другие – большие, горящие, глубоко запавшие в черноту глазниц. Смутными контурами проступали фигуры этих людей.

Сидевший у стола, небольшого роста, коренастый и сильный, с выправкой военного, поднял голову и, не снимая пальца с точки в центре Атлантического океана, спросил:

– Точные координаты Саргассовой станции неизвестны?

– Нет, капитан.

– Я вас неоднократно просил, Крок, не называть меня так.

Крок выпрямился. Он был очень высокого роста, широкий в кости, с длинными руками.

– Простите, Матвей Петрович, – проговорил он глухим голосом. – Я все забываю об этом.

– Ваша забывчивость может нам когда-нибудь очень дорого обойтись. Если вы для меня Крок, и только Крок, то и я для вас – запомните раз и навсегда! – всего лишь якут, инженер, Матвей Петрович Ивашев.

Матвей Петрович говорил очень правильным русским языком, с твердыми, ясными окончаниями слов, с той правильностью, которая легче всего выдает иностранца.

– Слушаю, Матвей Петрович. Больше этого не будет. – Слегка поклонившись, Крок продолжал: – Повторяю, коор-

динаты пока мне неизвестны. Я их узнаю лишь на месте. Думаю, что станция будет где-то здесь, в этом районе.

Он положил в ярко освещенный круг на карте широкую руку с длинными сильными пальцами и остро очиненным карандашом обвел небольшое пространство к востоку от Багамских островов.

– Ну, этого, конечно, мало. Как только точные координаты станут вам известны, сообщите их «Леди Макбет». Она укажет вам, когда следует пустить пояса. Ваши позывные – ИНА2, позывные «Леди Макбет» – ЭЦИТ.

– Слушаю, Матвей Петрович. Ей известно, что гидроплан должен будет взять меня?

– Конечно... (Кроку почудилась на лице Матвея Петровича тень любезной улыбки.) Мы не допустим, чтобы Анна Николаевна заплакала прелестные глазки по своему жениху.

Крок сдержанно поклонился, помолчал, потом нерешительно проговорил:

– Я хотел бы, Матвей Петрович, еще раз повторить наши условия; я обязан сообщить вам координаты первой длительной остановки – и больше ничего. Вы, со своей стороны, должны были добиться немедленного освобождения Анны Николаевны. Надеюсь, что теперь, после того как я согласился на эти условия, она свободна?

– Я уверен в этом... Как только мы с вами договорились, я немедленно послал радиограмму. Что же касается наших условий, то мы ждем от вас только сообщения координат

длительных остановок по всему пути следования судна. – Крок вздрогнул и торопливо, с тревогой в голосе сказал:

– Как? По всему пути следования? Но ведь речь шла только о первой станции! И после первого же моего сообщения меня должен был взять гидроплан с «Леди Макбет». Я не понимаю, Матвей Петрович... Вы ставите теперь новые условия. Мы об этом не говорили.

– Ну, Крок, разве это так уж важно? Главный штаб внес это незначительное изменение, предусматривая различные случайности, которые могут помешать нам использовать ваше первое сообщение. Стоит ли из-за этого спорить? Единственным неприятным последствием для вас может явиться лишь отсрочка на несколько дней перехода на наше судно.

– Нет, нет, Матвей Петрович! – взволнованно возразил Крок. – Выходит, что я должен систематически информировать вас. Это не то... Это слишком...

– Какая разница, дорогой Крок? – пренебрежительно усмехнулся Матвей Петрович. – Один раз или два-три раза. По существу, это ведь одно и то же. Впрочем, если это вас не устраивает, у меня есть еще время сообщить главному штабу о вашем отказе. Анна Николаевна, вероятно, с горьким недоумением примет свое возвращение в только что оставленную ею неуютную обстановку...

Большими шагами Крок несколько раз прошелся по комнате, нервно потирая рукой бритый подбородок. Наконец он остановился у стола и хрипло сказал:

– Матвей Петрович, я не возражаю. Но я хочу быть уверенным. Вы должны мне дать слово дворянина... слово самурая, что с этого момента Анна Николаевна совершенно исключается из игры и что при всех обстоятельствах я буду снят с судна до его прибытия в конечный пункт.

– Крок! Вы можете не сомневаться, что ваши желания будут исполнены в точности. Даю вам слово! Кстати, Крок, когда вы должны закончить свой рейс? Вы понимаете, насколько нам необходимо это знать в связи с вашим вторым требованием?

Крок молчал, опустив голову. Полоска света упала на его высокий лоб; мелкие капельки пота сверкали на нем. Крок достал платок и вытер пот, тяжело дыша и продолжая молчать.

– Ну? – настаивал Матвей Петрович, не дождавшись ответа. – Чего вы стесняетесь? Как мы сможем подготовить ваш переход на наш корабль, не зная сколько времени в нашем распоряжении?

– Я не знаю, – глухо ответил Крок, не поднимая головы и опускаясь на стул по другую сторону стола.

– Этого не может быть! – резко возразил Матвей Петрович, ударив ладонью по карте. – Вы требуете от меня обязательств, не давая мне возможности выполнить их! Это нелогично. И, наконец, какая разница между информацией о координатах и информацией о сроке прибытия? Почему вы первую можете давать, а от второй отказываетесь? Типичная

противоречивость широкой славянской души.

Матвей Петрович с досадой откинулся на спинку стула, перекинул ногу на ногу и забарабанил пальцами по столу.

– Перестаньте жеманничать и ломаться, Крок! – решительно продолжал он после минутного молчания. – Я должен знать срок. Если вы не скажете, то наше соглашение аннулируется. И не только соглашение. Мы больше не будем заинтересованы в вашем благополучии. Не забывайте, что все ваши расписки старик Абросимов передал в наше распоряжение. И ваша записка ко мне тоже в надежной сохранности... Ну! – досадливо и с нетерпением закончил Матвей Петрович. – Срок! Срок! Стоит ли ссориться друзьям из-за такого пустяка!

Крок порывисто встал со стула, быстро прошелся два раза по комнате и, резко остановившись у стола, запинаясь, произнес:

– Хорошо... Но я не уверен... Я слышал, что срок назначен на двадцать третье августа...

Словно от удара электрического тока, Матвей Петрович привскочил и тут же медленно опустился на стул. Коричнево-желтое лицо его окаменело, глаза спрятались под опущенными раскосыми веками.

– Вот как! – пробормотал он, видимо с трудом подавляя волнение. – Двадцать третье августа? Это... это очень интересно...

Помолчав, он продолжал уже спокойнее:

– Теперь все ясно, любезный Крок. Конечно, до двадцать третьего августа мы успеем снять вас с судна. «Леди Макбет» или другой наш корабль даст вам своевременно знать об этом... – И, словно забыв о присутствии Крока, устремив глаза в пространство, он медленно и задумчиво повторил: – Двадцать третьего августа... Что это? Случайность?.. Или им стало известно?..

Наконец Матвей Петрович встряхнулся, взял карандаш и, поиграв им, переменял разговор:

– Что вы думаете, Крок, делать, когда приедете к нам? Ведь вы будете богатым человеком... – И, сдержанно улыбнувшись, добавил: – Обладателем прекрасной жены... и не менее почтенного тестя.

– Не знаю еще, Матвей Петрович, – глухо и неохотно ответил Крок. – Может быть, уеду в Америку. Меня неоднократно приглашали туда на работу.

– О Крок! – обиженно сказал Матвей Петрович. – Если вы намерены продолжать работать, неужели вы думаете, что вас, талантливого инженера, специалиста по реактивным двигателям, недостаточно оценят в моей стране? Я надеюсь, когда вы поживете у нас, вы перемените свое мнение и свои намерения... Ну-с, а теперь вернемся к делу. – Матвей Петрович наклонился над картой и продолжал: – В следующем, самом удобном пункте – Гибралтаре – вас будет ждать...

Внезапно, не закончив фразы, он поднял голову и прислу-

шался. Встревоженный Крок повернул лицо к дверям и замер на месте. В наступившей мертвой тишине донеслись отдаленные, чуть слышные шорох и движение.

Матвей Петрович мягко, неслышно, как кошка, вскочил со стула.

– Внимание! – прошептал он. – Все документы и бумаги о походе – на стол!

Он выхватил из бокового кармана несколько тонких бумажек с рядами цифр, чертежами, рисунками и швырнул все это на стол. Потом, бросившись в один из углов комнаты, быстро, но тихо выдвинул из высокой шифоньерки ящик, сгреб в горсть все его содержимое и тоже бросил на стол.

Крок в это время дрожащими руками шарил в своих карманах, доставая оттуда бумажки. Его движения совсем не были похожи на быстрые, четкие, уверенные движения Матвея Петровича. Крок беспорядочно хлопал себя по карманам, хватал со стола то одну, то другую бумагу, пробегал ее глазами, совал обратно в карман и через мгновение вновь выхватывал оттуда, чтобы опять положить на стол.

– Вы уверены, что это... что это... к нам? – спросил он глухим, прерывающимся шепотом.

– Да! – коротко бросил Матвей Петрович и, нагнувшись, вытащил из-под кровати большой эмалированный таз.

В передней послышался короткий звонок. Крок пошатнулся и оперся рукой о стул. Даже сквозь полумрак комнаты можно было различить, как побледнело его лицо.

– Бросайте все эти бумаги в таз! – приказал Матвей Петрович.

Крок почувствовал, что его руки сразу сделались вялыми и непослушными. Он захватил бумаги со стола и побежал с ними к тазу. Несколько бумажек, трепеща и колыхаясь, упали на пол.

– Вы с ума сошли! – прошипел Матвей Петрович, подбирая бумажки. – Вы нас погубите!

Раздался второй, длительный и резкий, звонок.

– Подоignite бумаги и скорее надевайте плащ!

Матвей Петрович, обнаруживая неожиданную силу, начал придвигать к дверям тяжелый книжный шкаф. Из передней послышался гулкий удар, другой, и потом треск дерева. Спички ломались, вспыхивали и тухли в дрожащих руках Крока.

– Проклятие! – выругался Матвей Петрович. – Вы всегда будете таким трусом? Давайте спички! Наденьте плащ – и в окно! Живо!

Шкаф уже стоял у дверей, когда передняя наполнилась сдержанным шумом и топотом ног. Послышался повелительный голос:

– Ивашев, откройте! Мы знаем, что вы здесь!

В углу комнаты вспыхнуло яркое пламя и на мгновение осветило сутуловатую фигуру Крока, закутанную в черный широкий и длинный, до пят, плащ, и плотную, коренастую фигуру Матвея Петровича.

Матвей Петрович одним прыжком очутился у стола, потушил лампу и толкнул Крока к окну.

– Ваша жизнь теперь дороже моей, – прошептал он, вкладывая ему в руку шнур с петлей. – С вашей жизнью связан успех всего дела, победа или поражение моей родины. Спасайтесь! Я их задержу здесь, сколько смогу, и последую за вами. Прыгайте и сейчас же дерните за петлю!

Он раздвинул тяжелые портьеры и открыл окно. В лицо пахнуло влажной свежестью, мелкие брызги покрыли подоконник. Вдали, из черноты ночи, сквозь дождь и водяную пыль, пробивались редкие, окруженные оранжевым ореолом огни окраинных улиц Ленинграда.

Дверь, удерживаемая тяжелым шкафом, уже трещала под натиском.

Крок стоял на подоконнике, переминаясь с ноги на ногу и судорожно вцепившись одной рукой в раму окна. Под ним чернела пропасть в четырнадцать этажей.

– Да прыгайте же, черт вас возьми! – почти задохнувшись от ярости, прорычал Матвей Петрович и, рванув Крока за руку, изо всей силы толкнул его во тьму.

Со сдавленным криком Крок полетел вниз, и сейчас же что-то хлопнуло, как пробка, вылетающая из бутылки с шампанским.

Матвей Петрович выглянул из окна, прислушался, кивнул головой и резко повернулся к дверям. В слабом свете замирающего бумажного костра он заметил, как шкаф угрожаю-

ще качнулся под напором из передней. Поворошив на бегу бумажную кучку в тазу, Матвей Петрович кинулся к баррикаде.

В то же мгновение мощный удар сорвал двери с петель и опрокинул высокий, тяжелый шкаф. Грохот, треск, звон разбитых стекол заполнили комнату. Через сорванные двери по упавшему шкафу вбежали люди. Вспыхнувшие лампы осветили рассыпанные по полу книги и осколки стекла, среди которых неподвижно лежал на полу, наполовину придавленный шкафом, Матвей Петрович. Кровь из разбитой головы залила его лицо, руки были раскинуты.

– Ерофеев и Петров, освободите раненого! – послышалась команда. – Максимов! Вызвать медкарету! Коваленко, ко мне! Помогите тушить огонь! Сорвите портьеру!

Молодой командир, со знаками различия лейтенанта государственной безопасности, подбежал к тазу. Выхватив из рук Коваленко портьеру, он набросил ее на горевшие бумаги.

– Придержите портьеру, пока совсем не потухнет, – обратился он к своему помощнику. – Не прижимайте бумаг, чтобы не испортить золу...

Лейтенант повернулся к раненому, который лежал уже на широком кожаном диване. Ерофеев и Петров смывали кровь с его головы. Через минуту послышался легкий стон. Матвей Петрович открыл глаза, и первое, что он увидел, был молодой командир, склонившийся над ним и пристально всматривавшийся в его лицо.

– Здравствуйте, капитан Маэда... Как вы себя чувствуете?

Матвей Петрович приподнял голову, быстро оглядел комнату и, закрыв глаза, откинулся на подушку.

– Я протестую... против этого дикого нападения... Требую немедленно доставить меня в консульство, – проговорил он слабым голосом.

– Квартира советского подданного инженера Ивашева, насколько мне известно, не пользуется правами экстерриториальности, – улыбнувшись, ответил лейтенант. – Вам следовало открыть двери и назвать себя, капитан. Может быть, мы сумели бы тогда сделать церемонию нашего знакомства менее болезненной.

Матвей Петрович ничего не ответил и продолжал неподвижно лежать с закрытыми глазами.

– Кажется, потерял сознание, – заметил Ерофеев.

В комнату вошел Максимов.

– Медкарета через десять минут прибудет, товарищ лейтенант, – доложил он.

– Отлично! Они его приведут в чувство, а пока сделайте ему первую перевязку. Потом займитесь обыском в этой комнате. Ерофеев, Петров и Коваленко – в остальных. Сергеев останется со мной. Все найденные бумаги – сюда, на стол. Делать все максимально внимательно и быстро!

Он повернулся к углу. Укрытый портьерой таз совершенно перестал дымить. Глаза лейтенанта внезапно остановились на шевелившихся от ветра портьерах другого окна. Он

быстро бросился туда:

– Сергеев, это вы раскрыли окно?

– Нет, товарищ лейтенант. Оно, вероятно, было и раньше раскрыто.

Подбежав к окну, лейтенант резким движением раздвинул портьеры и выглянул наружу. Внизу, в плотной черноте, не видно было земли.

Лейтенант захлопнул окно:

– Сергеев, лампу сюда!

Под ярким светом настольной лампы лейтенант через сильную лупу сантиметр за сантиметром внимательно изучал подоконник.

– Здесь кто-то стоял... совсем недавно... Дождь даже не успел смыть следа, – тихо проговорил лейтенант.

Перочинным ножом он осторожно снял с подоконника крохотную лепешку, черную и тонкую, не больше десятикопеечной монеты, и переложил ее на ладонь.

– Табак... зола... земля... – Понюхав и секунду подумав, добавил: – Из окурка, приставшего к каблуку или подошве.

– Ясно, товарищ лейтенант, – сказал Сергеев, светя лампой, – кто-то тут определенно стоял.

– Да, но кто именно? – задумчиво спросил лейтенант. Он опять стал осматривать подоконник через лупу.

– Здесь стоял человек... – все с большим убеждением и пристально всматриваясь в подоконник, тихо говорил лейтенант, – здесь стоял человек очень высокого роста, с очень

большими ногами... Но кто же он? И куда девался? Неужели по веревке спустился с четырнадцатого этажа? Это невымыслимо!

Лейтенант опять раскрыл окно и через лупу начал рассматривать наружный карниз. Никаких следов, царапин, повреждений на нем не было.

– Сергеев, спуститесь с Максимовым и осмотрите двор внизу, под этим окном.

Лейтенант вынул записную книжку, вырвал листок, завернул в него тонкую спрессованную лепешку из земли и табака и положил пакетик в книжку. Покончив с этим, лейтенант принялся за таз. Сняв портьеру, он увидел под ней груды полюбгоревших бумаг, записок, книжек, фотоснимков. Лейтенант осторожно вынимал все уцелевшие пепельные листочки и, внимательно просматривая их, раскладывал на столе, на географической карте.

Кружок, очерченный карандашом восточнее Багамских островов в Саргассовом море, привлек его внимание. Задумавшись на минуту, он взял один из полюбгоревших листков. На нем видны были обрывки записей географических широт и долгот – градусы, минуты, секунды. Лейтенант углубился в изучение листка.

Внезапно он уронил его на стол, резко повернулся и вскочил. В следующее мгновение два тела, свившись в клубок, покатались на пол. Возле них, коротко звякнув, упал финский нож.

Еще через минуту капитан Маэда лежал со стянутыми за спиной руками.

Лейтенант позвал Ерофеева. Вдвоем они перенесли капитана на диван.

Возможно, что на этот раз японец действительно потерял сознание.

Вернулись Сергеев и Максимов. Они принесли большой черный плащ, застегнутый на многочисленные пуговицы. Множество тонких упругих и длинных – от воротника до низа – прутьев образовывало как бы внутренний каркас огромного зонтика. К нижним концам этих прутьев были прикреплены крепкие шелковые шнуры, которые сходились на внутреннем кольце, сделанном из широкого шелкового пояса.

– Где вы это нашли? – спросил лейтенант, с недоумением рассматривая странную находку.

– Как раз под этим окном, товарищ лейтенант, – ответил Сергеев. – Оно висело на дереве. Запуталось в ветвях.

– Теперь все понятно, – сказал лейтенант. – Это портативный парашют. С его помощью скрылся из этой комнаты второй – может быть, самый опасный преступник.

С улицы донесся громкий вой сирены: пришла медкарета. Капитана Маэду в сопровождении Ерофеева и Коваленко отправили в тюремную больницу.

Лейтенант и оставшиеся бойцы продолжали тщательный обыск.

Глава II

Подводные встречи

Бой подходил к концу.

Каракатица теряла силы. Уцепившись двумя руками за тонкий выступ скалы, она пыталась остальными восемью обвить скользкое, змеиное тело мурены. Обычно серая с зелеными полосками и пятнами окраска каракатицы, так хорошо скрывавшая ее на фоне покрытой водорослями скалы, теперь, в разгар битвы, непрерывно менялась от ярости и страха, и по телу пробегала дымка всех оттенков. Кольцо упругой кожи у основания рук растянулось, и из него выглядывал темно-бурый попугайный клюв – большой, твердый, острый, способный прокусить до мозга голову даже крупной рыбы. Два больших круглых глаза сверкали то розовым, то голубым, то серебристо-зеленым огнем. Как всегда на охоте за рыбами, каракатица пыталась подтянуть врага своими хватательными руками, усеянными бесчисленными присосками, к челюстям, чтобы прокусить ему череп. Но враг этот – большая двухметровая мурена – был слишком велик, ловок и силен. Ярко-желтая передняя часть рыбы, толстая и круглая, мелькала в неуловимо быстрых движениях. Бесчисленные острые зубы рвали тело головноногого то с одной, то с другой стороны.

Старая, опытная каракатица, великан среди подобных ей,

с честью выходявшая до сих пор из многих сражений, впервые встретила с таким неотразимым нападением. Она истощила уже почти весь запас чернильной жидкости, которой окрашивала вокруг себя воду до черноты. Она уже потеряла правый плавник и две руки, начисто отрезанные острыми зубами мурены. В этот критический момент она попробовала применить свое старое, испытанное средство в борьбе с длинномордыми рыбами. Взмахнув, как бичами, одновременно всеми шестью свободными руками, четыремя короткими она обвила тело мурены, а две хватательные попыталась захлестнуть вокруг ее пасти. Но одна рука попала в пасть мурены и через мгновение бессильно повисла, извиваясь, как червяк. Другой рукой ей все же удалось сильно сжать страшные челюсти врага. Мурена яростно билась в этой петле. Ее длинное цилиндрическое тело свивалось в кольцо, потом разворачивалось, и темный хвост с ужасной силой бил по каракатице, прильнувшей к скале. Понадобилось всего три таких удара, чтобы оглушенная каракатица ослабила петлю на пасти мурены. Еще несколько ударов – и пасть открылась, затем сомкнулась; длинная рука отделилась от головы и, свертываясь и развертываясь, медленно пошла ко дну.

Каракатица отцепилась от скалы и, окутав себя чернильным облаком, попробовала спастись бегством. Это ей, однако, не удалось. Вероятно, слишком мало чернильной жидкости оставалось уже у нее в кармане, и облако поэтому полу-

чилось очень прозрачным.

Через минуту, когда оно растаяло, можно было видеть торопливое и яростное пиршество мурены.

Вдали, в зеленовато-синем сумраке, мелькнуло темное, длинное и гибкое, как хлыст, тело с острой щучьей головой. Широкая пасть была полна крючковатых зубов, на конце челюсти торчали два громадных, похожих на клыки зуба. Сверкнуло серебристое брюхо.

Мурена заметила опасность лишь в последний момент. Едва успела она поднять кверху голову с раскрытой пастью, как ее толстая круглая шея почти скрылась в широкой пасти пришельца. Барракуда – страшилище антильских вод, – словно молния, поразила мурену.

Извиваясь и свиваясь, как две стальные пружины, огромные рыбы клубком вращались, почти касаясь дна, вздымая тучи песка и ила. Во все стороны летели поднятые мощными струями воды шоколадные голотурии, похожие на огурцы с высокими мясистыми пупырышками; черные морские ежи, круглые, как хлебы, с растопыренными во все стороны длинными острыми иглами; желтые, зеленые, ярко-красные морские звезды, пятилучевые и многолучевые; офиуры с длинными, тонкими, как плети, лучами; разноцветные, покрытые слизью губки, «гигантские мокрицы», по двадцать – тридцать сантиметров в длину. Расползались задом наперед раки; торопливо, бочком, убегали крабы на высоких, как ходули, ножках, высоко неся свои толстые, мощные клешни. Рыбы

разноцветным дождем летели подальше от этого страшного места.

Барракуда не выпускала мурену из своих как будто окаменевших челюстей. Она все глубже погружала свои ужасные зубы в тело жертвы. Наконец, с силой встряхнув мурену, она вырвала из ее толстой шеи огромный кусок мяса и мгновенно проглотила его. С глубокой раной, оставляя за собой широкую, расплзающуюся полосу крови, мурена бросилась в бегство. Но с неуловимой стремительностью барракуда настигла и яростно принялась рвать и терзать свою добычу.

* * *

Павлик шел вслед за зоологом, поднимаясь по крутому склону подводной горы. Ему все мерещились длинные, острые зубы барракуды, ее широкая пасть, ее неподвижные круглые глаза, полные, казалось, холодной ярости. Он боязливо оглядывался по сторонам.

Его мягкие волосы, обычно гладко причесанные, с ровным боковым пробором, сейчас немного растрепались и слиплись от испарины. Большие серые глаза сделались круглыми. Тонкое, с острым подбородком лицо было бледно. Мелькавшие повсюду тени пугали его. Сгущенный зеленоватый сумрак расселин, гротов, провалов в нагромождении скал, колеблющиеся гирлянды водорослей, заросли морских лилий – все грозило неожиданным, страшным, беспощад-

ным. Он едва волочил ноги. Его шаги поднимали со дна легкими серебристыми облачками белый коралловый песок. Он наступал на голотурии, мирно глотавшие ил, на морские звезды, медленно ползавшие по дну, на мраморно-белые мешковидные асцидии, лопавшиеся под его тяжелыми подошвами, на известковые трубочки червей, высунувших кверху свои перистые жабры с тончайшим ветвистым узором кровеносной системы...

– Ну вот, – сказал выступавший впереди зоолог, – карьера мурены кончилась в два счета. Из зубов барракуды редко кому удается спастись.

– А нам она... ничего не могла бы сделать, Арсен Давидович... если бы мы не спрятались в расселину? – слегка заикаясь, спросил Павлик.

Зоолог усмехнулся и по привычке поднял руку, чтобы погладить свою великолепную ассирийскую бороду, но рука прошла только по гладкой металлической груди скафандрра.

– Против наших скафандров бессильны зубы не только барракуды, но даже владыки подводных глубин – кашалота, – ответил он. – И я затащил тебя в расселину не потому, что боялся: мне просто не хотелось мешать актерам на сцене. Но и самому Скворешне я не советовал бы встретиться во время купания, в одних трусах, с барракудой. Это, пожалуй, самая страшная рыба, самый дерзкий хищник антильских вод.

Зоолог вдруг остановился, опустился на колени и, при-

стально всматриваясь во что-то на дне, позвал:

– Павлик! Замечательное зрелище! Иди сюда скорее, бичо!

Голос его в крохотном радиоприемнике, спрятанном в шлеме Павлика, звучал весело и возбужденно. Сквозь прозрачный шлем Павлику видна была большая бритая голова в таком же шлеме, крупный нос, мохнатые черные брови и иссиня-черная блестящая борода, терявшаяся за воротником скафандра. Спереди каждого шлема сверкал серебром рефлектор небольшой, но мощный, как маленькое солнце, круглый выпуклый фонарь. Металлический, цвета вороненой стали, скафандр на спине и груди раздувался, делая маленького зоолога похожим на фантастического горбатого карлика. В этих горбах у него и у Павлика заключались небольшие, но огромной емкости электрические аккумуляторы, механизмы для движения, запасы кислорода. На гибком металлическом поясе висели кортик, еще один маленький переносный фонарь, топорик на длинной рукоятке, круглый сверток и что-то вроде длинного, плоского патронташа. Справа у пояса висел квадратный плоский ящичек с ручкой и коротким дулом, как у браунинга. К ручке ящичка тянулся из спинного горба гибкий резиновый шнур. На левой руке в металлическую манжету скафандра под прозрачными кружочками были вделаны три самых необходимых для подводных путешествий прибора – часы, компас и глубомер.

Павлика поражала больше всего неожиданная гибкость этой металлической одежды. И теперь, когда зоолог без напряжения, легко и свободно нагнулся, встал на колени, поднял руку и поманил ею Павлика, мальчик не смог удержаться, чтобы не потрогать металлическими пальцами свою металлическую грудь. Это было чудесно и восхитительно, это вызывало чувство безопасности и спокойствия. «Даже зубы кашалота бессильны против наших скафандров», – повторил он слова зоолога и, уже совсем повеселевший, торопливо подошел к нему, слегка напрягаясь, чтобы преодолеть сопротивление воды.

Не спуская глаз с какого-то яркого пятна, медленно двигавшегося по дну, зоолог вытянул руку:

– Тихонько, Павлик! Не спугни их! Нагнись и смотри.

– Рак, Арсен Давидович! – сказал Павлик, присмотревшись. – Но почему он наполовину спрятался в какую-то раковину? И что это за цветок он несет на себе?

Несмотря на шестидесятиметровую глубину, Павлик прекрасно видел, что делается на дне и чем занят этот странный рак.

День над поверхностью океана, очевидно, был яркий, безоблачный. Время близилось к полудню. Тропическое солнце уже высоко поднялось. Его лучи с каждым часом пронизывали чистую прозрачную воду все более вертикально и потому меньше отражались ею и глубже проникали в нее. Белоснежный коралловый песок, устилавший дно, как прекрас-

ный рефлектор возвращал воде доходивший до него солнечный свет.

– Этот цветок живой, – сказал зоолог. – Актиния – животное. Она – хищник, самый настоящий, отъявленный хищник. А под нею в раковине действительно рак, но не обычный, а рак-отшельник. Смотри, он совсем вылез из раковины. Видишь: скорлупа, как твердый панцирь, покрывает лишь его грудь, голову и клешни. Вся остальная часть его тела мягкая и совершенно беззащитная. Поэтому рак всегда старается найти подходящую раковину какого-нибудь моллюска, чтобы спрятать в ней свое длинное голое брюшко. Он всюду таскает ее за собой, как домик, а при малейшей опасности скрывается в ней целиком.

– Смотрите, смотрите! – закричал Павлик. – Рак вылезает из своего домика! Какой он смешной! Одна клешня огромная, а другая маленькая!

Павлик залился веселым смехом. Зоолог тоже рассмеялся.

– Какая она красивая, эта актиния! – продолжал восхищаться Павлик. – Она похожа на астру. Правда, Арсен Давидович? Только лепестки гораздо длиннее, извилистее и совсем фиолетовые... таких астр не бывает.

– Правда, правда, бичо. Только это не лепестки, а щупальца. Живые, подвижные. Видишь, как они колышутся вокруг рта актинии, на вершине ее ствола? Да ты посмотри кругом: их тут масса, этих актиний, и самых разнообразных.

Павлик поднял голову. Действительно, все скалы и обломки камней были усеяны этими яркими, пышными подводными цветами. Высокие, до тридцати – сорока сантиметров, и низкие, почти плоские, то с длинными, развевающимися, как распущенные волосы, то с короткими, как будто подстриженными, щупальцами, красные, зеленые, пурпурные, фиолетовые, желтые, со всеми оттенками и переходами этих красок, – они представляли живой, неправдоподобно яркий для человеческого глаза цветник.

Кругом шныряли или медлительно и важно плыли рыбы необыкновенных, самых фантастических и неожиданных форм. Несколько небольших губанов на всем ходу внезапно, как по сигналу, остановились над прозрачным шлемом зоолога. Красноватые бока рыб по всей длине, от вытянутой головы до широкого закругленного хвоста, были расписаны густо-синими полосами, длинный спинной плавник с острыми, колючими лучами пестрел разнообразными красками. Чуть пошевеливая хвостом и плавниками, медлительно раскрывая и закрывая свои толстые, как будто припухшие губы, губаны словно о чем-то посоветовались, потом опустились ниже и повисли неподвижно со всех сторон вокруг шлема зоолога. Казалось, они внимательно рассматривали и изучали сквозь шлем это странное, необычное в подводном мире существо, лениво обмениваясь мнениями по поводу него.

Павлик не знал, на что раньше смотреть, чем больше восхищаться. Он сделал невольное движение руками. В один

миг губаны разлетелись и затерялись в небольшой стайке своих родственников, которые усердно отдирали ракушки от соседней скалы и задумчиво перетирали их своими тупыми, плоскими зубами.

Медленно проплыла прозрачная, как будто вылитая из чистейшего стекла, розовато-фиолетовая медуза. Ее студенистое колокольчатое тело по нижнему краю было окаймлено нежной бахромой, а из середины его спускались, развеваясь, как пучок разноцветных шнурков, длинные щупальца. Медуза плавно неслась, непрерывно сжимая и раздувая края своего колокола.

Возле одного из этих нежных созданий мелькнула маленькая серебристая рыбка, и миг картина изменилась.

Щупальца прилипли к спине рыбки, рыбка замерла, словно парализованная; стрекательные нити, выброшенные из щупалец, вонзились в ее тело, впущенный яд моментально оглушил ее. Щупальца сжались, подтянулись под колокол, ко рту медузы, и в следующее мгновение Павлик увидел уже сквозь ее прозрачное тело темные очертания перевариваемой рыбки; целиком она не поместилась в желудке медузы, и хвост торчал еще через рот наружу.

– Бичо, смотри, что делает рак-отшельник!

Павлик оглянулся. Рак совсем вылез из своей завитой, как рожок, раковины. Сгибая и разгибая голое розовое брюшко, он подполз к другой такой же раковине, но побольше, сунул в нее клешню и вытащил несколько песчинок.

– Что он делает? – спросил Павлик.

– Сам поймешь сейчас, бичо. Мне тоже в первый раз удастся видеть эту операцию не на картинках, а в натуре, собственными глазами.

Рак-отшельник вновь исследовал клешней внутренность раковины и, видимо, остался доволен. Вполз брюшком вперед в раковину и посидел в ней немного, устраиваясь там. Потом он вылез и подполз к прежнему своему жилищу. Красавица актиния, с невысоким цилиндрическим стволом, окрашенным в темно-красный цвет с чернильными полосами и пятнами, стояла свежая, роскошная, то сжимаясь, то разжимаясь и далеко распустив вокруг себя свои длинные фиолетовые, с фиолетово-красными концами щупальца. Щупальца играли, шевелились, извиваясь, окружая вершину ствола букетом гибких цветистых змеек. Две маленькие рыбки, не то в веселой игре, не то в погоне друг за другом, мелькнули серебристыми каплями, задев щупальца актинии. В одно мгновение обе рыбки оказались опутанными клубком щупалец – беспомощные, не в силах даже шевельнуть хвостом. В следующий момент клубок с добычей исчез в широко раскрывшемся на вершине ствола, в центре венца щупалец, ротовом отверстии. Еще момент – и над актинией вновь распустился очаровательный цветок с красивыми, нежными, слабыми на вид лепестками.

Пораженный этой невиданной охотой и коварством, прикрытым красотой и изяществом, Павлик с разгоревшимися

глазами машинально повторял:

– Вот здорово! Какая красивая злючка! Какая злючка красивая!

Зоолог сделал попытку пожать металлическими плечами:

– Не злая, бичо, и не добрая. Она просто живет и борется за жизнь. А к капусте и к кондитерскому печенью ее никто не приучал.

В это время к актинии подполз рак и, приподнявшись, начал ощупывать края ее плоской круглой подошвы, которой актиния прикрепилась к раковине. Потом он ловко и с большим знанием дела, при помощи своих острых ножек, начал отделять подошву актинии от раковины. Он немало потрудился, прежде чем актиния, которая никак не протестовала против действий своего сожителя, очутилась в его обеих клешнях, высоко приподнятая над дном. Рак медленно полз к новому жилищу, бережно неся свою красавицу. Приблизившись к раковине, он поставил на нее актинию, крепко придавил ее подошву к изогнутой поверхности и долго придерживал ее клешнями в таком положении. Павлик следил за этим переездом на новую квартиру, затаив дыхание, боясь пошевелиться. Минут через десять, когда рак отнял клешни, великолепная актиния прочно стояла на новом месте во всей красе, распустив вокруг себя свои гибкие, нежные щупальца.

Становилось все светлее. Прямые лучи солнца легко пронизывали воды Саргассова моря, прозрачайшего во всем Мировом океане. Подъем шел довольно круто, но хорошо отрегулированные воздушные мешки делали почти нечувствительным вес скафандров и людей. Воздуха в мешках оставалось как раз столько, чтобы было достаточно упора для ходьбы по дну и для преодоления сопротивления воды. Двигаться было легко, неустойчиво.

– Что же это такое, Арсен Давидович? – спросил Павлик зоолога, как только, оставив рака-отшельника с его актинией справлять новоселье, они двинулись дальше вверх по склону подводной горы. – Зачем этому раку его актиния? Неужели он так любит цветы?

Зоолог взял Павлика под руку и пошел рядом с ним.

– Дело не в цветах, Павлик. – Это симбиоз. Сим-би-оз... Совместная жизнь животных или растений, принадлежащих иногда к совершенно различным классам. Целью симбиоза часто является защита, помощь при добывании пищи и разные другие услуги – следовательно, сотрудничество в борьбе за существование. Каждый из них помогает другому некоторыми своими способностями, которых этот другой лишен.

– Чем же помогает актинии рак? Она ведь и сама умеет так ловко охотиться.

– Это верно. Но актиния почти не способна самостоятельно передвигаться. Между тем, чтобы лучше питаться, надо двигаться и искать пищу. Невыгодно всегда оставаться на месте и ждать, когда добыча сама к тебе придет. На спине же рака, постоянно находящегося в движении, актиния идет навстречу добыче, активно ищет ее.

– Оседлала, значит, рака и разъезжает себе! Хитро придумала!

– Не так хитро, как это тебе кажется, бичо. Ты ведь видел: не она цеплялась за рака, а тот сам, чуть не силой, перетащил ее на свой новый домик. Активной стороной является здесь рак. Он ищет себе актинию, иногда даже двух-трех. Он вступает в бой с другими раками, чтобы добыть себе подругу.

– Какую же пользу она приносит своему коню?

– Во-первых, она его укрывает собой от врагов. У рака их немало. А если на нем не одна, а две-три сожительницы, то его под ними почти совсем не видно и он может считать себя в достаточной безопасности. Кроме того, если бы даже какая-нибудь небольшая рыба, любительница раков, заметила его под актиниями и, по неопытности, захотела его добыть, то она немедленно познакомилась бы со стрекательными нитями, которые актиния выбрасывает из своего тела и щупалец. И рыба эта получила бы довольно чувствительный ожог, который может оглушить и парализовать небольшое животное и причинить боль даже крупному. Во-вторых, у актинии, разъезжающей на раке, охота большей частью на-

столько удачна, что и ему почти всегда перепадает кое-что со стола его подруги. А когда рак набредет на какую-нибудь добычу – труп рыбы или другого животного, – то нередко и он угощает свою наездницу.

– А правда, Арсен Давидович, как это у них здорово получается! Настоящие товарищи! У всех животных только борьба и война, и только у рака с актинией – дружба.

– Да нет же, Павлик! Симбиоз совсем уж не так редко встречается в животном и растительном мире. Я мог бы привести тебе много примеров, иногда просто неожиданных и удивительных...

Внезапно зоолог остановился, выпустил руку Павлика и, отбежав в сторону, поднял что-то со дна. Павлик увидел, что ученый рассматривает большую черную, замысловато завитую раковину, засунув металлический палец меж ее створок.

– Какая тяжелая... – бормотал зоолог. – Словно кусочек железа... Как странно...

– Что это, Арсен Давидович?

– Павлик! – воскликнул вдруг зоолог, с усилием раскрывая створки и пристально разглядывая заключенное между ними студенистое тело. – Павлик, это новый вид класса пластинчатожаберных. Совершенно неизвестный в науке. Нет, Павлик! – Он задыхался от восторга. – Это не новый вид, нет-нет! Павлик, душа моя! Это новый класс! Да, да! Новый класс! У этого пластинчатожаберного есть голова! Ты понимаешь? Это уже не *Lammelibranchiata*. Это теперь будет но-

вый класс: *Lammelibranchiata cephala* Lordkipanidze.

Зоолог уже успел сделать здесь, на дне Саргассова моря, немало таких открытий, которые могли взволновать и гораздо менее впечатлительного ученого, но до сих пор он не мог еще привыкнуть к сюрпризам, которыми так щедро дарил его океан. Однако, дав свое имя новому классу мягкотелых, он сейчас же начал с недоумением осматривать дно вокруг себя.

– Что же это значит? Положительно странно... – бормотал он. – Очень странно... Куда же они девались?

Ничего не понимая, Павлик машинально кружил вместе с зоологом среди множества раковин, иглокожих, асцидий, усеявших грунт, то шаря глазами по дну, то недоумевающе взглядывая на своего ученого друга. Наконец он спросил:

– Да что вы ищете, Арсен Давидович? Мы здесь скоро передадим все придонное население.

– Как! – выпрямился зоолог во весь свой небольшой рост. – Неужели ты не обратил внимания? Ведь я не нахожу здесь больше ни одного экземпляра этого удивительного моллюска! Что я буду делать с единственным экземпляром, который я держу в руках? Кто мне поверит, что это законный представитель нового класса? К тому же он еще вялый, дохлый какой-то. И я предвижу, что все отнесутся к нему как к случайному уродству. Что же мне теперь делать? Продолжать здесь поиски нельзя – мы опоздаем.

Зоолог сел на небольшую скалу и растерянно смотрел на

свою драгоценную уникальную раковину. Павлик тоже был очень огорчен – не столько научно-методическими затруднениями, сколько убитым видом ученого, к которому он успел сильно привязаться.

– Знаете что, Арсен Давидович? – воскликнул он вдруг. – Давайте заметим это место, а потом, освободившись, вернемся сюда со Скворешней, Маратом, Цоем и будем искать организованно. Право!

– Великолепно! – воспрянул духом зоолог. – Ты совершенно прав. Мы еще поищем! И тому, кто найдет второй экземпляр этого моллюска, я подарю все, что он пожелает. А теперь – за работу! Воздвигнем памятник месту сему. А моллюска этого спрячь в сумку – моя уже переполнена. Когда вернемся домой, дадим его Цою для описания и анализа.

Нагромоздив высокую кучу камней и заметив окружающие ее скалы, они двинулись дальше.

Зоолог задумчиво проговорил:

– Как много нового и необычного! Как много неожиданного приходится мне встречать здесь, в этих недоступных людям глубинах! Ты должен быть благодарен своей судьбе, Павлик, которая дала тебе возможность участвовать в этой первой в истории научной глубоководной экспедиции. С помощью этих чудесных скафандров и ты вместе с нами ознакомишься со всеми тайнами, скрытыми в неизвестных глубинах океана. Я помню, когда советские летчики и полярники впервые сели на Северный полюс, наши ребята горько

жаловались, что вот, мол, для них уже не осталось на карте земного шара никаких «белых пятен», что все уже стало известно и им, советским ребятам, открывать ничего не придется. А о таком гигантском, можно сказать – сплошном «белом пятне», как глубины Мирового океана, забыли! Об океане, который занимает почти три четверти земной поверхности! О его таинственных, полных чудес глубинах – забыли! Но ненадолго... Нет, ненадолго! Мы первые ласточки здесь. За нами сюда пойдут теперь сотни и тысячи исследователей и опять первыми среди них будут наши, советские, потому что только в наших советских скафандрах можно опускаться сюда и работать...

Несколько минут они шли молча среди снующих вокруг рыб, каждый задумавшись о чем-то своем. Наконец Павлик, подняв лицо, спросил:

– Арсен Давидович, вы это серьезно сказали? Насчет кашалота. Неужели и он не смог бы раскусить наши скафандры? Вы, наверно, шутили?

– Нисколько не шутил, Павлик. Ведь в наших скафандрах мы можем опускаться на самые большие океанские глубины. На тысячу, пять тысяч, даже десять тысяч метров. А это будет посильнее и пострашнее, чем челюсти кашалота.

– Ну что вы, Арсен Давидович! Смееетесь? – недоверчиво посмотрел Павлик на зоолога. – Там же ведь только вода! Мягкая... А кашалот! Ого! Он так стиснет зубами! Вы же сами говорили мне, что зубы у него вот какие! – Павлик

развел руки почти на полметра. – В такой пасти скафандр лопнет, как орех...

Зоолог искоса посмотрел на Павлика и усмехнулся:

– Ты руки не разводи, бичо, так далеко. Хватит и четверти метра. И то достаточно страшно. А вода... да, она мягкая... А знаешь ли ты, бичо, сколько весит кубический метр воды?

– Знаю, – уверенно ответил Павлик: – одну тонну.

– Ну вот. А столб воды высотой в десять метров над площадью в один квадратный метр весит десять тонн, или, как говорят, давление такого столба равно десяти тоннам, а над каждым квадратным сантиметром – одному килограмму. Это давление равно давлению всего столба воздуха, или атмосферы, над площадью земной поверхности в один квадратный метр или квадратный сантиметр. Поэтому говорят еще, что давление десятиметрового столба воды равно давлению одной атмосферы.

– Да, я это знаю, Арсен Давидович. Это огромная тяжесть, но мы ее не чувствуем, потому что внутри нашего тела находится воздух под таким же давлением.

– Отлично. Тогда тебе нетрудно будет понять, что чем глубже мы опустимся под воду, тем больше она будет давить на нас. На глубине ста метров давление этой, как ты говоришь, мягкой воды будет равно ста тоннам на каждый квадратный метр площади, или десяти атмосферам. Поверхность человеческого тела в среднем равняется двадцати тысячам квадратных сантиметров, и давление воды на этой глубине

на все тело человека достигает около двухсот тонн; на глубине пяти тысяч метров оно уже равно десяти тысячам тонн. Ты понимаешь? Это такое давление, под которым не только человек, но и железный пустотелый цилиндр сплющится. В нашем же скафандре человек останется цел и невредим.

– Значит, он из стали? – спросил Павлик.

– Если бы он был из стали, то нужно было бы сделать его из таких толстых пластин, что человек в таком тяжелом скафандре даже на глубине пятисот метров не мог бы шагу ступить по дну. В таких бронированных скафандрах водолазы до сих пор работают на глубинах до восьмисот метров и их передвигают по дну с места на место при помощи лебедок и на цепях. Да и работа там какая! Рукава и штаны толстые – ни согнуть, ни разогнуть руку или ногу. Из рукавов торчат клещи, ломик, топор, которыми управляет изнутри рука водолаза. Много ли так поработаешь?

Павлик опять, как раньше, легко поднял руку, потрогал металлические краги на ноге и весело сказал:

– А наши скафандры – просто прелесть! Легкие, удобные. А из чего же они сделаны? Не из стали, значит?

– Нет, не из стали, а из замечательно легкого сверхтвердого сплава, который недавно изобрели советские металлурги. Несмотря на то, что наши скафандры приготовлены из очень тонких листов этого сплава, они способны выдерживать колоссальное давление на глубинах до десяти тысяч метров. Этому, правда, помогает и очень остроумный подвижной

каркас скафандра, его, так сказать, скелет из того же материала. Кроме того, наши молодцы-металлурги придумали способ делать небольшие пластины из этого сплава гибкими. Такие пластины вставили в скафандр в местах сгибов на плечах, локтях, пояснице, коленях, ступнях, пальцах рук.

– И не только это, Арсен Давидович! – с восхищением в голосе сказал Павлик. – А как мы быстро носимся под водой! Как настоящие рыбы! Даже скорее – как птицы! И телефон, и свет, и оружие. И даже горячий шоколад! – Павлик счастливо рассмеялся. – Хотите закусить? Пожалуйста! Бульон, какао. Можете водичкой запить.

– Одним словом, каждый сам себе ресторан, – улыбнулся зоолог.

– Походный ресторан! Кафе на колесах, то есть на ногах. До чего додумались! Как же это все получается, Арсен Давидович?

– Очень просто, бичо. В заднем ранце, на спине, – несколько маленьких аккумуляторов с большим запасом электричества. Там же – патроны с запасом жидкого кислорода на сорок восемь часов; поглотители углекислоты, влаги и других вредных продуктов дыхания; крохотный, но мощный моторчик для винта, который дает нам движение. А в переднем, нагрудном ранце – термосы с горячим бульоном или какао и с водой. От термосов идут ко рту резиновые трубки с твердыми наконечниками; рядом с термосами – небольшая радиотелефонная станция, при помощи которой

можно связаться и разговаривать одновременно с несколькими другими такими же станциями на расстоянии до двухсот километров. В шлеме около ушей расположены наушники, а внизу, у подбородка, – микрофон. На шлеме против лба водолаза – мощный электрический фонарь, луч которого прорезает воду на семьдесят пять метров вперед. И всеми этими приборами и механизмами ты управляешь с помощью разных кнопок, рычажков и маховичков, которые находятся на щитке управления в твоём патронташе на поясе... Но все это ты должен и без этой лекции знать, иначе ты не мог бы сейчас бродить со мной тут, под водой.

– Ну да! Я, конечно, уже знаю это. Я хотел только узнать, как все это действует. Как, например, собирается в аккумуляторах так много электричества? Как действуют наши боевые электрические перчатки? Чем стреляют наши ультразвуковые пистолеты?

– А! Вот тебе чего надо, бичо! Это вопросы посерьезнее, – ответил зоолог. – Но, к сожалению, их придется отложить. Видишь, мы уже у коралловых рифов. Скоро придем к Скворешне.

Впереди, сквозь стеклянную прозелень вод, начали проступать, как опушка леса, смутные очертания кустиков и мелких деревьев: низкорослых, безлистных, из одних стволов и ветвей, скрюченных и узловатых, то толстых, со вздутиями, точно кактусы, то тонких и прямых, как ивовые прутья.

– Впрочем, – продолжал зоолог, – очень возможно, что

Скворешня уже кончил здесь работу и перешел на другое место. Надо узнать.

Он нажал едва заметный выступ на патронташе. Передняя стенка откинулась вниз и повисла на петлях, обнаружив внутри патронташа ряд кнопок с выпуклыми цифрами на них и рычажков над дужками с делениями.

На ходу зоолог сдвинул одну из кнопок немного вниз, закрепил ее на новом месте и нажал.

Зоолог прислушался и остановился. На лице его возрастало недоумение, смешанное с беспокойством.

– Настройся на Скворешню, – обратился он к Павлику. – Нажми кнопку номер двенадцать. Ничего не понимаю... Что там такое происходит?

Павлик поспешно открыл свой патронташ и настроил радиоприемник еще на одну станцию. Под его шлем ворвался свистящий шум прерывистого дыхания, перемешанного с потоком хриплых ругательств, криков, разговора из невозможной смеси украинских и русских слов:

– Отдай!.. Отдай, чертова скотина!.. А, трясця тебе... Советского добра захотела?.. Меня не потягнешь... Нет, брат... Не выйдет! – Потом – как дровосек на рубке леса:

– Ах-х-х! Вот тебе! Ах-х-х!

Потом отчаянный крик:

– Тпру-у-у! Стой! Стой! Куда понесла, гадюка!

Зоолог не выдержал.

– Скворешня! Что случилось? – громко, с тревогой в го-

лосе закричал он. – С кем вы деретесь?

– Лорд! – послышался в шлемах зоолога и Павлика задышающийся голос.

– Скорее ко мне!. А то эта тварь... шланг разорвет. Спешите, спешите!.. Ах-х-х! Ах-х-х! Вот живучая скотина!..

– Мы бежим! – закричал зоолог. – Держитесь!

Он побежал вперед, к опушке коралловых зарослей.

– За мной, Павлик! Режь воду плечом! Плечом вперед! Не отставай! Винт не стоит запускать, уже недалеко.

Бежать было, однако, довольно трудно. Вода сопротивлялась, мягко пружинила. Все же через минуту зоолог и Павлик ворвались в чашу.

Как ни был Павлик озабочен и даже испуган, но на мгновение он застыл в немом восхищении. То, что издали, из зеленой густой тьмы, казалось похожим на голый скрюченный кустарник, вблизи, на свету, оказалось сказочно пышным садом. Все стволы и ветви без листьев были сплошь покрыты живыми цветами, звездочками с вытянутыми, как язычки, лепестками всех красок и тончайших оттенков – от нежно-розового до кроваво-красного, от прозрачно-голубого, как дымка, до эмалево-синего и от желто-оранжевого, как золото, до густо-зеленого, как изумруд. Это были кораллы – то маленькие, тоненькие, извивающиеся веточки, прилепившиеся на боках скалы, то обширные колонии из миллионов крошечных животных-цветков, покрывших своими тельцами мощные отмершие массы предшествующих поколений. И

крупные пестрые чашечки цветов у подошвы этих колоний были тоже кораллы, и даже пестрый мох между ними состоял из миллионов и миллиардов крошечных живых цветков.

Сад жил и укрывал в себе – в своих расселинах, тоннелях, гротах, больших и крохотных пещерах, в сплетениях своих стволов и ветвей – большую, яркую, кипучую жизнь. Тучи блестящих, словно отлитых из пестрого, разноцветного металла, рыб – от самых крохотных сардин до крупных, ярко раскрашенных рыб-попугаев – носились, словно тропические птицы, в коралловой чаше. Красивые прозрачные рачки лазили по веткам. Бесчисленные красные, желтые, оранжевые морские звезды медленно передвигались по дну, по скалам, по коралловым стволам, подтягиваясь своими ножками к ближайшим предметам.

Разноцветные офиуры, ближайшие родственники морских звезд с длинными, тонкими, гибкими, как плети, лучами почти кувыркались на коралловом мху, ища добычи. Черные морские ежи, с рассеянными по всему круглому телу голубыми пятнышками, целыми стадами ползали повсюду. Полчища самых разнообразных ракушек и морских улиток местами сплошь устилали дно и коралловый мох. Яркие пучочки и ажурные веточки жабер трубчатых червей выглядывали из их тонких трубочек. Мириады крохотных, окрашенных в яркие и блестящие цвета рачков, червяков, морских паучков, улиток ползали, прыгали, выбегали и вновь прятались в мельчайших щелях, ямках и трещинах, среди цвети-

стой роскоши этих каменных животных.

Застыв на месте, Павлик смотрел широко раскрытыми глазами на эту феерию, на эту бесшумную кипящую жизнь. Но совсем близко от него, при первом его грубом вторжении, вся эта жизнь мгновенно замерла, скрылась, исчезла. Закрылись коралловые цветы, втянулись внутрь их лепестки, спрятались в глубине чаши крохотные рыбки, червяки, паучки. Серая, бесцветная, мертвая пустыня окружала Павлика.

Он поднял голову и над собой, у отвесной скалы, увидел стаю крупных рыб. Это были скарусы – рыбы-попугаи. Красота и гармония их расцветки могли привести в восторг самого строгого ценителя живописи. Природа, казалось, использовала все цвета, все оттенки и переходы, какие только можно было найти на ее богатой, неисчерпаемой палитре красок, чтобы перед этими морскими попугаями потускнела красота самых ярких тропических птиц.

Рыбы-попугаи висели головами вниз, тихо шевеля серовато-фиолетовыми, в нежных красноватых пятнах хвостами, окаймленными белой полосой. Они старательно объедали маленькими толстогубыми ртами нежные коралловые веточки на скале. Порою одни из них с наполненным ртом долго и рассеянно, как жвачку, прожевывали пищу. Немного выше Павлик заметил трех крупных рыб-попугаев, окруженных небольшой стайкой мелких сине-полосатых губанов. Павлик сразу не понял, что делают эти губаны вокруг смиренно висевших в воде огромных по сравнению с ними скару-

сов. Ему показалось сначала, что губаны вцепились в них со всех сторон и хотят разорвать на части. Но, приглядевшись, Павлик неожиданно и громко рассмеялся.

– Парикмахерская! Рыбья парикмахерская! – закричал он, не в силах удержаться от смеха.

Округлые головы попугаев, их щеки и жаберные крышки с плотно сидящими крупными яйцевидными чешуями были покрыты слоем белой коралловой пыли. Казалось, что толстые расфранченные, разодетые в пух и прах баре отдали в распоряжение услужливых парикмахеров свои откормленные, густо напудренные морды. Губаны нежно и осторожно снимали эту коралловую пыль со щек и жабер попугаев, своих богатых родственников, и, очевидно, с наслаждением поедали ее.

В смех и возгласы Павлика, в непрекращающийся поток украинско-русской брани и возмущенных криков Скворешни под шлем Павлика ворвался голос зоолога:

– Чему смеешься, бичо?

И через минуту молчания послышался его тревожный оклик:

– Павлик! Павлик! Где ты? Куда ты девался?

Павлик оглянулся. Он был один. Успокоенная его неподвижностью, вновь расцвела и закипела вокруг него жизнь. Сколько он простоял здесь, зачарованный и окаменевший в этом великолепном, непередаваемой красоты саду? Минуту или час? Где Арсен Давидович? Как найти его теперь в этой

чаще? Как выбраться отсюда?.

Арсен Давидович! – дрожащим голосом послал он робкий призыв в зеленое безграничное пространство вокруг себя. – Арсен Давидович!

– Говори, Павлик! – послышался ответ. – Говори, говори! Я слушаю! Где ты? Отключи Скворешню. Он мешает.

– Я среди кораллов. Я отстал от вас, Арсен Давидович, только на минутку. Я не знаю, куда идти...

У него скривились губы, и он неожиданно всхлипнул. Впрочем, он сейчас же закашлялся, так что со стороны нельзя было точно разобрать в этих звуках.

– Бичо, ты не пугайся, стой хладнокровно, не сходи с места. Я недалеко: мы, наверно, только минут пять как разошлись, не больше. Посмотри вокруг себя, Павлик. Я шел через кораллы напролом. Посмотри, не видно ли моих следов: сломанных веток, кустов... Осмотрись внимательнее, бичо.

– Да... нет... Арсен Давидович, – говорил Павлик, беспомощно оглядываясь вокруг. – Они все одинаковы, ветки и кусты. Они все как изломанные... ни... ничего не видно... Арсен... Арсен Давидович... – Последние слова Павлик произнес почти шепотом, прерывающимся голосом.

– Ну, и это не страшно, бичо. Ты только не пугайся. Стой на месте, никуда не ходи. Я сбегая к Скворешне, помогу ему, а потом – к тебе. Через пятнадцать – двадцать минут я вернусь.

– Хорошо, Арсен Давидович...

– Стой неподвижно, никто тебя не тронет. На всякий случай надень перчатки.

У Павлика сжалось сердце от этих слов.

– Хорошо, Арсен Давидович... на... надену...

– Помни, как обращаться с ними. Включи ток. Лучше всего обнимай врага плотно, обеими руками, обеими ладонями, плотно... Я уже бегу к Скворешне, говорю с тобой на ходу и буду говорить, чтобы тебе не было страшно одному. Если увидишь что-нибудь подозрительное, скажи мне.

Пока зоолог продолжал разговорами развлекать Павлика, мальчик снял сверток с пояса и с трудом, не сгибающимися от страха пальцами развернул его. В руках у него оказались две белые резиновые перчатки не совсем обычного вида: они состояли из трех пальцев – для большого, указательного и одного общего для трех остальных. На вздутой ладони была видна выпуклая металлическая пластинка, и широкие длинные раструбы должны были далеко заходить за кисти рук. Павлик натянул перчатки на руки и пристегнул раструбы особыми кнопками к рукавам скафандра.

«Обнимай врага обеими ладонями», – повторил он про себя.

Он оглянулся вокруг. Какие враги? Кто они? Это, должно быть, что-то ужасное... Барракуда... Акула... Кто еще тут бывает? Барракуда... Акула... Обнять акулу...

Почти не слушая зоолога, он с замирающим сердцем следил за каждой тенью, появлявшейся вдали, в зеленом сумра-

ке.

Проплывали то в одиночку, то целыми стадами разноцветные, нежно пульсирующие медузы. Мелькали рыбы, сверкая яркими красками. Проносились огромными стаями маленькие крылоногие моллюски с широкими плавниками и почти совершенно прозрачными, тонкими и нежными, как хрящ, раковинами. Креветки – изящные и тонкие морские рачки – стремительно охотились за ними и исчезали вместе с ними. Вдали мелькнула голубая искорка, скакнула вверх, упала вниз, встретила с красной, синей, зеленой... Уже их сотни, тысячи, этих разноцветных, как драгоценные камни, скачущих вверх и вниз, во все стороны искорок. Вот уже все вокруг исполосовано, исчерчено миллионами и миллиардами сверкающих и горящих нитей и точек. Как будто густой дождь из крошечных пурпурных, сапфировых, изумрудных золотых искр вихрем носится кругом. Это был танец сафирин, крохотных рачков из отряда веслоногих.

Раскрыв рот от восхищения, забыв и страх, и одиночество, Павлик смотрел кругом, ослепленный чудесным зрелищем, машинально отвечая иногда на вопросы зоолога.

Внезапно из-под ног Павлика взвилось огромное четырехугольное существо, бархатисто-черное, плоское, как железный лист. В одном его углу видна была большая раскрытая пасть, над ней, на бугорке, два сверкающих глаза. Два других угла волнообразно и быстро, как крылья, изгибались. С последнего угла свисал тонкий, как хлыст, хвост с торча-

щим кверху длинным острым шипом. Это был скат. Он на лету поймал проплывшую слишком близко от его убежища рыбу, проглотил ее и упал на дно. Там он быстро, в несколько приемов взметнул тучу песка, и, когда она осела, скат исчез под ним.

Павлик этого уже не видел. Появление двухметрового чудовища было так неожиданно, что, подняв руки, в смертельном испуге он кинулся в сторону, к высокой, как скала, отмершей колонне кораллов.

Едва лишь он успел отскочить, как что-то огромное, длинное, заостренное спереди взметнулось из-за большого соседнего куста и бросилось на него со стремительностью артиллерийского снаряда. Он почувствовал страшный удар в грудь, под его протянутой рукой пронеслась ужасная пасть, полная зубов, и огромные холодные глаза. Мелькнула мысль: «Обнять...»

Руки сомкнулись вокруг какого-то скользкого толстого бревна. Павлик почувствовал еще более сильный, потрясающий удар, затем все исчезло, провалилось во тьму...

Глава III

После сражения

– Швыдче, швыдче, товарищ Лорд! Я держу ее за хвост, чтоб ее черти взяли! Силы мои кончаются, будь она проклята!

– Скворешня! Что это такое?

Зоолог выбежал из чащи водорослей. Он увидел необычайную картину. На открытой поляне, в ярком зеленоватом свете, возле нескольких машин, работавших под прозрачными, как будто из стекла сделанными колпаками, стояла гигантская фигура человека в металлическом скафандре и огромном шлеме. Изогнувшись в виде огромного, мощного лука, он одной рукой держал петлю из толстого гибкого кабеля, соединявшего два колпака с работающими машинами. В петлю вцепилась зубами двухметровая акула, которую человек крепко держал рукой за толстую часть тела, у самого хвоста. Рыло акулы далеко выступало над широкой пастью, ее темно-серая жесткая шкура была похожа на напильник, большие круглые глаза, тупые, бессмысленные, горели белесовато-розовым огнем бешенства. Зоолог сейчас же узнал сельдевую акулу, баснословная прожорливость которой приводила в изумление еще древних наблюдателей. Обычную пищу этой акулы составляют сельди, когда они тучами поднимаются из глубин и идут к берегам для нереста. Она преследует всех рыб, каких только в состоянии одолеть. Своей знаменитой родственнице, прославленной разбойнице морей и океанов – обыкновенной акуле, или мокою, – сельдевая акула уступает лишь по размерам и силе.

Акула, которую гигант с невероятным напряжением сил держал за хвост, извивалась, сгибалась и разгибалась, но не выпускала из пасти захваченного ею кабеля.

Ноги Скворешни по щиколотку ушли в песок. Красное от усилий лицо было покрыто по́том. Акула с бешенством дергала кабель во все стороны, но не в состоянии была вырвать его из руки гиганта.

Выхватив из ножен кортик, зоолог бросился к акуле.

– Перчатки, перчатки, Лорд! – завопил Скворешня, мотаюсь вслед за бешеными движениями акулы. – Кортиком ничего не сделаете!

Зоолог остановился. В одно мгновение перчатки были натянуты на руки, кнопки застегнуты, и в следующий момент две ладони слегка сжали акулу с обоих боков. Акула вздрогнула, как от удара электрического тока, судорожно свилась почти в кольцо, с невероятной силой распрямилась, отбросив Скворешню и зоолога, как котят, в разные стороны. Потом она разжала пасть и, вздрагивая, опустилась на дно.

Зоолог сейчас же вскочил на ноги, но Скворешня поднялся с грунта медленно, с усилием.

– Как это произошло, Скворешня?

– Фу-у-у... Дайте отдышаться... Если бы вы опоздали на две-три минуты, плохо было бы... машинам... Эта сумасшедшая рыбина с голоду приняла кабель за что-то съедобное и вцепилась в него. Понимаете, Арсен Давидович, что было бы с агрегатами, если бы она вырвала кабель из-под колпаков?! Давление ворвавшейся воды уничтожило бы эти нежные машины. Я сделал из кабеля петлю в том месте, где она его схватила, и пружинил, принимая на свою руку все

удары акулы. Сначала я эту скаженную скотину бил по морде, по глазам; она только мотала головой, но кабель не выпускала и страшно дергала его, работая хвостом. Тогда я поймал другой рукой хвост. Ну и силища!

– Почему же вы не пустили в ход свои перчатки?

– Да потому, что боялся выпустить из рук кабель. Черт ее знает, что она наделала бы в этот момент! А где же Павлик? Я слышал ваш разговор. Он где-то отстал от вас?

Зоолог забеспокоился.

– Ах, батюшки! – закричал он. – Я совсем забыл о нем. Павлик! Павлик! Что же ты молчишь? Павлик!..

Он с тревогой посмотрел на Скворешню!

– Вы тоже не слышите ответа?

Гигант заволновался. Как всегда в такие минуты, Скворешня немедленно обращался к дикой смеси украинских и русских слов, которую он называл «ридной мовой». Многие обстоятельства приняли участие в формировании этой «мовы» и убеждении Скворешни в том, что это его родной язык: и Воронежский район, в одном из полуукраинских, полуобрусевших сел которого он родился, и воспитание в русской школе-десятилетке, и большая любовь к русской литературе, особенно к русским поэтам, которая жила в нем одновременно со страстной любовью к Шевченко, Коцюбинскому, и, наконец, служба во флоте – сначала в надводном, а потом, и до сих пор, в подводном.

– Ни, ничего не чую, – сказал он, громко сопя, и с нескры-

ваемым раздражением добавил: – Де ж вы хлопчика загубылы, товарищ Лорд?

– Он отстал в коралловой чаше, когда я спешил к вам, Скворешня... Павлик! Павлик! Отвечай же!.. Он молчит... С ним что-то случилось, – сказал зоолог. – Бежим, Скворешня!

– Треба було до його вертаться, а не до мене бигты. Чорты б мене не схопылы, колы б ще десять хвылын лишку дали. Запускайте винт, а я зараз за вами.

Он открыл патронташ на поясе и нажал одну из многочисленных кнопок на длинном щитке управления. Послышался голос:

– Говорит старший лейтенант Богров. Что скажете, Скворешня?

Скворешня, по привычке, выпрямился, подтянулся и сказал:

– Спешу доложить: находящийся на борту корабля мальчик Павлик, направляясь вместе с товарищем Лордкипанидзе к месту работы на пункте номер шесть Коралловой отдели, отстал в пути от товарища Лордкипанидзе, затерялся в коралловых зарослях и перестал отвечать на вызовы. Товарищ Лордкипанидзе, спешивший по моему вызову ко мне на помощь по случаю нападения на кабель и на меня акулы, сейчас находится здесь. Прошу разрешения отправиться на поиски мальчика, а также прислать мне смену на пункт.

– Хорошо, Скворешня, – послышался торопливый от-

вет. – Немедленно отправляйтесь на поиски. Смену пришла, не дожидайтесь ее.

– Есть, товарищ старший лейтенант!

Он схватил лежавшую на грунте небольшую лопатку и быстро закидал кабель песком. В это время зоолог открыл щиток управления на поясе и нажал кнопку. Из нижней части горба на спине выдвинулся толстый стержень, раскрылся, как цветок, и превратился в небольшой винт. Одновременно развернулись металлические краги на ногах и превратились в плоскости горизонтального и вертикального рулей. Зоолог передвинул рычажок, винт быстро завертелся, и ученый, полулежа и сомкнув ноги, понесся вперед, рассекая шлемом воду и ступнями ног управляя рулями. Через минуту, как огромная торпеда, мимо него пронесся Скворешня. Как ни был озабочен и расстроен зоолог, он не мог удержаться от невольного возгласа восхищения при виде стремительно несущейся вперед мощной фигуры Скворешни.

– Какое прекрасное изобретение Крепина! – прошептал он.

– Что вы сказали?

– Так, ничего... – смутился зоолог.

Ему казалось непростительным думать сейчас о чем-либо другом, кроме Павлика.

– Скорее, Лорд! Скорее!

Зоолог поравнялся со Скворешней. Передвинув еще на несколько делений рычажки и увеличив число оборотов вин-

та, они уже в совершенно горизонтальном положении понеслись еще быстрее. Рыбы в испуге едва успевали бросаться в стороны от этих странных, необычайных для подводного мира существ. Небольшая каракатица на мгновение замешкалась и сейчас же расплющилась о плечо зоолога. Выпустив густое чернильное облако, распустив в предсмертной агонии свои десять рук, она опустилась на дно, кружась в образовавшемся позади зоолога водовороте. Несколько длинных, извивающихся угрей потоком воды были притянуты к скафандру Скворешни. Испуганно вертя змеиными головами с красноватыми глазками, они соскользнули к его ногам и там были разрезаны на несколько частей острыми краями рулей. Мелькнула небольшая акула, бросилась было наперекрест к этим необыкновенным существам, но сейчас же, изогнувшись дугой, взмыла вверх, к светлым водам поверхности.

Опустив на винты предохранительные решетки, зоолог и Скворешня, как два тяжелых снаряда, ворвались в заросли гигантских саргассовых водорослей, которые тянулись вверх, к поверхности. Неглубоко проникавшие в грунт корни водорослей, служившие не для питания растения, а только для его прикрепления ко дну, легко отрывались под напором их скафандров. Наполненные воздухом пузырьки, сидевшие, как виноградинки, на золотистых стволах и у основания листьев, непрерывно лопались, воздух из них вырывался, и вода, казалось, кипела на всем пути их стремительного бега.

Кончились водоросли. За открытой поляной начиналась коралловая чаща.

– Где же его тут искать? – обратился к зоологу Скворешня.

– С той стороны.

Умерив скорость, они сделали несколько зигзагов по окраине коралловых зарослей, напряженно всматриваясь в густое сплетение ярких, переполненных жизнью кустов и веток. Павлика не было видно. Они опустились ниже, пронесли над чащей, почти задевая вершины, срывая со скал нежные цветущие коралловые веточки, пузырьчатые гирлянды водорослей.

– Павлик! Павлик! Где ты?

– Отвечай, бичо! Мы здесь.

Вдруг Скворешня сделал резкий поворот вокруг самого себя, нырнул вниз головой к подножию высокой коралловой колонны и вскрикнул:

– Вот он! Лежит! Сюда, Лорд! Сюда! Какой ужас! Смотрите, с кем ему пришлось сражаться!

Пораженный зоолог несколько мгновений стоял неподвижно.

– Меч-рыба! – закричал он наконец, бросаясь на колени перед лежавшим на песке Павликом.

Огромная, не менее трех метров в длину, рыба со стройным и мощным телом, с высоким серповидным спинным плавником и таким же изящно вырезанным хвостом прида-

вила Павлика всей тяжестью, наполовину закрыв его. Шероховатая кожа ее на спине была ярко окрашена в странную смесь красного и голубого цветов, но на всем остальном теле господствовал синий цвет самых разнообразных оттенков: брюхо было синевато-белого цвета с красивым серебристым блеском, плавники – серо-синие, хвост – сине-черный и даже круглые крупные глаза – темно-синие.

У нее, как и у большинства рыб, – темные и светлые краски: при взгляде сверху трудно было различить темную спину, сливающуюся с цветом воды; при взгляде снизу в идущем сверху свете как бы растворялось светлое брюхо рыбы. Но самым замечательным у этой рыбы был меч – длинный, плоский, острый. Этот меч, который представлял не что иное как продолжение верхней челюсти рыбы, тянулся не менее чем на семьдесят пять сантиметров впереди нее, являл собой грозное оружие. Меч огромной рыбы, сразивший Павлика, почти целиком ушел в скрытую водорослями расселину коралловой колонны, возвышавшейся над местом, где разыгралась эта подводная драма.

– Неужели она убила его? – проговорил дрожащим голосом зоолог, всматриваясь в бледное лицо Павлика, в его плотно закрытые глаза.

– Нет, он жив. Лорд! – твердым голосом сказал Скворешня, поднимаясь с колен. – Меч-рыба могла бы его убить, только разрушив скафандр. Этого, как видите, не случилось – скафандр совершенно цел. Хай живе наш хлопчик! Зато и

пришил же он ее! На месте! Як з пушки.

Руки Павлика с натянутыми на них перчатками были судорожно обвиты вокруг круглого тела рыбы, пониже ее спинного плавника.

Скворешня осторожно развел руки мальчика в стороны.

– Приподнимите рыбу, – сказал зоолог, – я вытащу из-под нее Павлика.

Это было быстро сделано. Зоолог со всех сторон внимательно обследовал скафандр мальчика и не нашел никаких повреждений. Лишь плоский, продолговатый ящичек, похожий на браунинг и висевший на правом боку, был сорван с пояса и держался на одном шнуре.

Зоолог еще раз пристально всмотрелся в бледное, безжизненное лицо Павлика и увидел, как тонкая, нежная кожа на его правом виске чуть заметно пульсировала.

– Он жив, Скворешня! Он жив!

– А я вам что сказал? – с радостной улыбкой ответил гигант, не сводя глаз с лица мальчика.

Зоолог быстро открыл щиток управления на поясе мальчика и нажал одну из кнопок.

– Небольшая добавочная порция кислорода, – проговорил он, – поможет ему скорее прийти в себя. Вот и щеки порозовели. Отлично!.. Павлик! Павлик! Ты слышишь меня, бичо? Отвечай! Отвечай мне!

Глаза мальчика открылись. Одно мгновение он смотрел, ничего не понимая, на зоолога, потом внезапно страх пере-

косил его лицо, однако, увидев склонившегося над ним улыбающегося Скворешню, он сейчас же ответил ему слабой улыбкой.

– Ну вот, все в порядке, – продолжал зоолог. – Теперь немножко какао из термоса, и будет совсем хорошо.

Он нажал в патронташе мальчика другую кнопку, и тотчас в шлеме Павлика из-под воротника поднялась черная изогнутая трубка и закругленным своим концом остановилась как раз у его губ.

– Выпей, выпей, бичо, – ласково говорил зоолог, – тебе станет лучше.

Павлик взял трубку в рот и несколько раз глотнул. Случайно взглянув при этом в сторону от себя, он вдруг увидел чудовищную тушу меч-рыбы и, резко приподнявшись, застыл в ужасе. Скворешня рассмеялся и положил ему руку на плечо:

– Ты теперь, Павлик, герой! Смотри, какую ты рыбину один убил! Молодец, хлопчик!

– Я даже не успел ее рассмотреть, – с бледной улыбкой слабым голосом ответил Павлик. – Она так быстро бросилась на меня...

– Ну, теперь домой, скорей домой, Скворешня! – заторопил зоолог.

– Есть домой, товарищ Лорд! – весело откликнулся Скворешня.

Через минуту под спинными мешками зоолога и Скво-

решни уже вращались винты. На огромных руках гиганта, как в колыбели, уютно устроился Павлик. Стремительно пересекая воду, все трое понеслись над пологим спуском дна в темные глубины океана.

* * *

На глубине шестисот пятидесяти метров луч прожектора казался огромным ярко-голубым тоннелем, высверленным в плотной, непроницаемой бархатно-черной тьме. Его далекий конец ослепительно сиял, словно капля расплавленного металла, между тем как ближайший походил на широкий раструб, постепенно разъедаемый и поглощаемый тьмой.

Зоолог и Скворешня с Павликом на руках неслись на двух десятых полного хода вдоль светового тоннеля, держась несколько в стороне от него. Слабый голубой отблеск ложился на их лица и металлические скафандры. В самом тоннеле, как на прозрачном серебристом экране, извивались силуэты рыб. Они внезапно возникали на нем, играли, как будто опьяненные потоками необычайного света, или подолгу, как зачарованные, неподвижно висели, потом исчезали столь же внезапно, как будто растаяв.

Зоолог отвернулся от луча прожектора, и ему показалось, что он видит со всех сторон вокруг себя странное, усеянное необычайными звездами черное небо, чуть светлевшее вверху, над спиной.

Эти звезды – голубые, красные, зеленые, серебристые – летали во всех направлениях, то вспыхивая, то потухая, то в одиночку, отдельными лампочками, то свиваясь в сверкающие кольца, сплетаясь в жемчужные диадемы, то распрямляясь в разноцветные мигающие гирлянды.

И в луче прожектора, и в сияющих вокруг точках, пятнах и линиях зоолог узнавал или угадывал известных ему животных – случайную добычу глубоководных драг, тралов и сетей и редких гостей морских биологических и зоологических станций, лабораторий. Но чаще всего он становился в тупик, впервые наблюдая множество странных созданий, никому еще не известных.

Сколько еще неожиданного таят в себе эти безграничные глубины океана! Что значат самые хитроумные способы лова для сильных, быстрых и ловких обитателей глубин! Кого приносят на поверхность эти жалкие орудия слепой охоты, кроме самых медлительных или самых небольших и слабых существ, населяющих эти таинственные, полные загадок толщи океана!

Все, с чем зоолог успел уже ознакомиться с помощью чудесного корабля за короткий срок работы, показало ему насколько ограниченны, скудны, случайны сведения, которыми располагала до сих пор наука о море, его жизни и о жизни в нем. Только теперь, с появлением этого корабля, океанография, физика и химия моря, его биология начнут выходить из состояния младенчества. Грудь зоолога расширилась

от восторга при мысли, что именно он – первый, кто непосредственно изучает море и его жизнь в настоящей, естественной обстановке.

Огромная тень, напоминая силуэт гигантского кашалота, показалась во мраке, едва вырисовываясь на фоне слабо отраженного света, распространявшегося вокруг прожектора.

– Ну, вот мы и дома, – сказал через некоторое время зоолог. – Вызываю подлодку.

Все расстояние, отделявшее место сражения Павлика с меч-рыбой от подводной лодки, эти десять километров, зоолог и Скворешня проделали всего лишь за десять минут.

Они приблизились к подлодке со стороны ее правого борта, из середины которого с убийственной силой бил луч прожектора мощностью в двенадцать миллиардов свечей. Световой тоннель был здесь как будто наполнен расплавленным ослепительной белизны металлом. Ни одно живое существо не могло выдержать яркости этого света на расстоянии до ста метров от прожектора. Те же, которые случайно попадали в его луч, моментально ослеплялись и, надолго парализованные, беспомощно падали на дно.

Обменявшись по радиотелефону несколькими словами с центральным постом подлодки, зоолог и Скворешня медленно подплыли под самый прожектор. От гофрированного борта подводного корабля отвалилась и горизонтально легла, держась на петлях, ровная металлическая площадка, от-

крытая спереди и отгороженная перилами с боков. Одновременно позади площадки раздвинулся борт и открылась кубическая камера, наполненная зеленоватой водой и желтым светом нескольких электрических ламп. Остановив и убрав винт, Скворешня первый ступил на площадку и, держа на руках Павлика, вошел в водяную камеру. Следом за ним вошел зоолог и нажал четырехугольную, сиявшую красным светом кнопку справа от выходного отверстия. Площадка поднялась и закрыла вход. Толстые металлические двери сдвинулись и прижались друг к другу краями с такой силой, что с трудом можно было различить линию их схождения. Вода начала быстро убывать. Обнажились металлические стены. У незаметного теперь выхода на наружной стене виднелся ряд кнопок с головками, сверкавшими разноцветными огнями. На противоположной стене было видно несколько вделанных в нее приборов с циферблатами, стрелками, градуированными стеклянными трубками.

Через десять – пятнадцать секунд на полу камеры не было и капли воды. Зоолог и Скворешня продолжали неподвижно стоять.

– Какое давление, Лорд? – нетерпеливо спросил Скворешня.

Зоолог подошел к приборам и посмотрел на одну из стрелок.

– Уже восемнадцать атмосфер, – ответил он. – Сейчас давление воздуха делается нормальным, и можно будет раз-

даться.

Переминаясь с ноги на ногу, он смотрел не отрываясь на приборы, потом открыл патронташ на поясе и нажал одну из кнопок. Тотчас же присосы, державшие шлем на воротнике скафандра, втянули в себя воздух, и зоолог быстро снял шлем с головы.

Вслед за тем он вынул из патронташа медную иглу на длинном тонком шнуре и, нажав крохотную кнопку на рукоятке иглы, провел ее острым концом по ложбинке на средней линии скафандра – сверху вниз, затем по обеим ногам до ступни и, наконец, кругом талии. Скафандр раскрылся по всем этим линиям, и зоолог начал постепенно освобождаться от отдельных частей своей металлической одежды. Ту же операцию проделал Скворешня над Павликом.

В это время во внутренней стене раздвинулись двери, и в камеру вбежал молодой сухощавый и смуглый моряк в белой форменке и черных брюках. Смоляно-черные волосы на его голове были гладко расчесаны, с ровным белым пробором на боку, но на темени вызывающе торчала непокорная жесткая прядь.

– Что с Павликом? – крикнул он, бросаясь к Скворешне.

– Ничего, Марат Моисеевич, ничего! – весело отвечал Павлик, вырываясь из рук Скворешни и подбегая к молодому краснофлотцу.

– Ну-ну, ничего... – возразил зоолог. – Раздевай его скорей, Марат, и неси в госпитальный отсек, я сейчас же осмот-

рю его.

В камеру торопливо вошел молодой человек в белом кителе – коренастый, черноволосый, с темно-желтым монгольского типа лицом. Его узкие, косо поставленные глаза с тревогой осматривали раздевавшихся водолазов.

– Цой! Цой! – радостно встретил его Павлик, не давая ему вымолвить слова. – Я принес тебе интересного моллюска! Я здоров, и ничего особенного! Арсен Давидович говорит, что это новый моллюск. Только он больной какой-то. Арсен Давидович хочет, чтобы ты его исследовал.

– Батюшки! – рассмеялся Цой, показывая два ряда великолепных белых зубов. – Сразу с три короба наговорил! Значит, здоров! Ну, идем сначала в ремонт, герой!

Все пятеро вышли из камеры и очутились в мире сверкающего металла, необычных, молчаливо работающих машин и механизмов, тишины и безлюдья.

Глава IV

Гибель «Диогена»

Несмотря на чудовищной силы ураган, который несся из холодных областей Баффинова моря и Гренландии, на помощь «Диогену», первоклассному пароходу, совершавшему срочные рейсы между Шербургом и Нью-Йорком, по первому его сигналу о бедствии в течение двух-трех часов собрались десятки пароходов. Гигантские волны, достигавшие

высоты тринадцати метров, сглаживались потоками нефти и разбивались подводными воздушными волноломами. Паровые, дизельные, электрические катера и глиссеры сновали взад и вперед, перевозя людей с гибнущего судна. Первые жертвы были доставлены на «Марию-Антуанетту», раньше всех появившуюся и приступившую к спасательным работам. Среди этих пострадавших находился советский гражданин Иван Федорович Буняк, тяжело раненный глыбой льда, сорвавшейся с айсберга. Буняк возвращался из Канады на родину после шестилетней работы на посту советского консула в Квебеке. В момент столкновения «Диогена» с айсбергом он стоял со своим сыном у борта верхней, пятнадцатой, палубы и с ее двадцатипятиметровой высоты, под мерное покачивание гиганта-парохода, спокойно любовался бессильным бешенством стихии. Айсберг вынырнул из предрассветной мглы совершенно неожиданно. В таких низких широтах ледяные горы никогда не наблюдались, и только семидневным постоянством урагана можно было объяснить появление айсберга на пути «Диогена».

В эту ночь как раз испортился инфракрасный фотоаппарат с левого борта, и он не смог своевременно предупредить о приближении ледяной горы. Ураган был так силен, а масса айсберга столь велика, что удар по борту «Диогена» получился необычайно мощный. Весь левый борт парохода был исковеркан, продавлен, водонепроницаемые переборки смяты, а верхние палубы засыпаны и проломлены огромными

глыбами льда.

Лежавшего без сознания Буняка команда передала на катер с «Марии-Антуанетты», и никто не заметил отсутствия мальчика, его сына. Айсберг, наделавший столько бед, величественно удалялся, слегка покачиваясь на бесновавшихся вокруг него громадных волнах, и никто не догадался посмотреть, что делается в его многочисленных впадинах, провалах, пещерах и гротах...

Когда работы по спасению пассажиров и команды закончились, раненые, в том числе и находившиеся без сознания, были опознаны. Переключка, устроенная по радио между всеми спасенными, установила, что не хватает трех человек, среди них – Павла Буняка, четырнадцати лет, сына советского подданного Ивана Буняка. Решили, что все трое при столкновении упали в море и погибли. Все же несколько быстроходных катеров обследовали в течение пятнадцати минут ближайшее пространство вокруг ушедшего под воду «Диогена» и вернулись ни с чем.

Под грустный прощальный рев гудков своих многочисленных собратьев «Диоген» с потухшими котлами медленно погружался в темные глубины океана. Пароходы разошлись, развозя спасенных в разные порты европейского побережья.

* * *

Океан утихал. Длинные пологие валы вздымались и мед-

ленно катились вдаль. После жестокого урагана спрятавшаяся было в глубинах жизнь вновь закипала на поверхности. Все чаще и чаще из ультрамариновых волн выпархивали стайки летучих рыб. Расправив свои плавники, длинные и острые, словно ласточкины крылья, они проносились с сухим шуршанием над валами и вновь скрывались в чистой лазури океанских вод.

Вслед за ними, как орудийные снаряды, взлетали в воздух зелено-красные бониты, великолепные золотые макрели, то эмалево-синие, то пурпурные, но все с золотисто-желтыми хвостами.

Огромные, двух- и трехметровые, тунцы в охотничьем азарте показывали время от времени над поверхностью вод свои жадно раскрытые круглые рты или мощные черно-синие спины. Охота разгоралась. Стаи летучих рыб непрерывно взлетали и падали. И ни охотников, ни дичь не смущали плававшие то тут, то там среди волн совсем необычные и странные для этих мест предметы: деревянные скамьи, легкие плетеные кресла, решетчатые ящики с капустой, с апельсинами, обломки досок, японская лакированная этажерка, белая, наполовину застекленная дверь, тюфяки с морской травой, спасательный круг, обрывки соломы – тревожные признаки бедствия, грустные, осиротевшие спутники человека.

Вот одна из дорад, больше метра в длину, после неудачного прыжка через клетку с мертвыми курами с громким

плеском упала обратно в воду, но с быстротой молнии вновь устремилась за своей жертвой. Она все сильнее и сильнее разгонялась, скользя по поверхности, словно глиссер, и, когда летучка, теряя силы, спускалась по стометровой дуге своего полета, дорада одним ударом хвоста вдруг оторвалась от волны, взлетела на несколько метров вверх, наперерез летучке, и в одно мгновение намеченная жертва исчезла в огромной круглой пасти.

Солнце бросало уже свои последние лучи на круглые гребни валов, когда к дорадам, бонитам, тунцам присоединилось стадо острорылых дельфинов. Жестокая игра жизни и смерти возобновилась с новой силой.

Эта полная движения и красок картина совсем не привлекала, однако, внимания трех человек, пытливо осматривавших все пространство вокруг, вплоть до далекого горизонта. Они стояли на овальной ровной площадке, огороженной легкими перилами, на вершине небольшого холма из гофрированного металла, окрашенного в сине-зеленый цвет. У переднего конца площадки, почти у самых перил, холм круто уходил вниз, в воду. Позади площадки на протяжении двух-трех десятков метров холм полого спускался к воде, как спина огромного кита, и сразу терялся в ее чистой, прозрачной синеве. На этой спине, словно отодвинутая на затылок шапка, помещался закругленный сверху горб из того же гофрированного металла. Сбегавшая волна порой обнажала еще на несколько метров пологую спину холма, показывая, что она

тянется и дальше, под водой.

Холм покачивался на затихавшей мерной зыби, то показываясь на гребнях волн, то скрываясь в провалах между ними. Люди стояли на площадке, как будто не ощущая качки.

Двое из этих людей, одетые в ослепительно белые с золотыми пуговицами кители, с золотыми шевронами на рукавах и «крабами» на фуражках, молча осматривали горизонт и гребни далеких валов, глядя в странные инструменты, похожие одновременно на бинокли и подзорные трубы.

Третий, широкоплечий гигант, ссутулившись, стоял у перил, позади начальства, в позе медведя, старающегося соблюдать дисциплину и почтительность. На нем были белоснежная форменка и фуражка-бескозырка. Длинные усы, обкуренные над губами, светлыми, белокурыми витками свисали ниже подбородка; маленькие глаза на широком, гладко выбритом курносом лице смотрели немного насмешливо, с добродушной хитрецей. И он не отрываясь, внимательно и зорко оглядывал поверхность океана, не обращая внимания на игру хищников со своими жертвами.

Солнце скрылось. Быстро, на глазах, сгущались сумерки, как будто снизу, из океана, поднимался гигантский, все более плотный, все гуще синеющий занавес.

Дорады, бониты, дельфины прекратили свои прыжки. Однако охота, вероятно, еще продолжалась под поверхностью. Станки летучих рыб по-прежнему, с легким потрескиванием расправляя плавники, взлетали, опускались и, чуть при-

коснувшись к гребню волны, вновь поднимались над водой. То одна, то другая из них в быстро опускающейся темноте с громким хлопающим ударом падала на это странное судно, на его площадку, ударялась о его гофрированные бока и, оставляя на них кровь и серебристую чешую, падала в воду. Высокий человек в белом кителе опустил наконец свой странный бинокль и махнул рукой.

– Ничего не видно, Лорд, – сказал он на чистейшем русском языке, вгоняя колена подзорной трубы в пространство между трубками бинокля. – Очевидно, мальчик в самом деле погиб. Мы напрасно лишь теряем время.

Несмотря на сгущавшиеся сумерки, было хорошо еще видно его лицо с золотым загаром, светлая острая бородка и начисто выбритая верхняя губа. Слегка изогнутый, с горбинкой нос из-за отсутствия усов казался крючковатым, как клюв хищной птицы. Глаза серые, немигающие, всегда полуприкрытые тонкими, с синевой веками, еще более усиливали это сходство.

Маленький плотный человек с большой головой и великолепной черной бородой, которой позавидовал бы любой древнеассирийский царь, посмотрел на говорившего.

– Все-таки нам следует убедиться в этом, капитан, – произнес он, также складывая свой зрительный прибор. – Тем более, что потерянное время наш «Пионер» легко наверстает. Ведь мы видели только два погружавшихся в глубины трупa. Где же третий?

– Не знаю, Лорд, не знаю. Может быть, он остался на «Диогене» и тот увлек его с собой. Мне очень жаль мальчика, но мы не можем больше оставаться здесь. Пойдемте, – предложил капитан и, повернувшись, медленно, словно нехотя, направился к открытому люку, видневшемуся у заднего конца площадки.

В этот момент гигант вздрогнул, выпрямился и, чуть наклонившись вперед, поднял предостерегающе руку.

Капитан и Лорд остановились. Гигант, как будто превратившись в статую, напряженно прислушивался.

Тихий плеск воды у гофрированных бортов судна лишь подчеркивал тишину над почти уснувшей поверхностью океана.

– В чем дело, Скворешня? – нетерпеливо прервал молчание капитан.

– Разве вы не слышали? – взволнованно прогудел гигант. – Там человек кричит...

– Что? – Капитан оглянулся и обвел взором темные засыпавшие волны. – Вам послышалось, Скворешня!

– Я вполне уверен, товарищ командир, – вытянулся во весь свой рост Скворешня. – Я слышал крик... Стоп! – прервал он самого себя и выбросил руку в том направлении, что и раньше, напряженно вглядываясь куда-то в темноту поверх головы капитана.

Издали донесся долгий и слабый, как пение комара, звук.

– Крик! – прошептал Лорд. – Я слышу крик, капитан!

– Да-да! Но не там, где указывает Скворешня, а с правого борта.

– Нет, товарищ командир, я не ошибся, – почтительно возразил Скворешня. – Крик был прямо по носу.

– Проектор бы зажечь... – нерешительно сказал Лорд.

– Ни в коем случае! – категорически возразил капитан и быстро подошел к перилам на переднем конце площадки.

Их верхние прутья здесь утолщались и расширялись в виде овального щитка, усаженного кнопками, крохотными рычажками, небольшими штурвалами – все с разноцветно фосфоресцирующими в темноте цифрами и значками.

Капитан нажал одну из кнопок. Из правого, покатога борта судна вырвалось что-то темное, широкое и продолговатое, закругленное сверху и снизу. С тихим свистом и жужжанием оно взлетело, как торпеда, кверху и тут же скрылось в темноте. Одновременно посередине щитка на перилах засветился тусклым серебристым светом небольшой круглый экран.

– Инфракрасный разведчик! – радостно произнес Лорд и смолк, устремив глаза на экран.

Капитан также пристально смотрел на этот маленький серебристый круг, медленно поворачивая штурвал в четверть оборота направо и налево. На светлом фоне экрана мелькали какие-то расплывчатые тени: что-то похожее на ящик, потом что-то плоское, с четырехугольными пятнами, нечто вроде кресла, скамьи... Не было сомнения: все, что видели здесь

люди на поверхности океана при свете заходящего солнца, все плававшие вокруг судна остатки и обломки кораблекрушения – все теперь, в темноте, вновь появлялось одно за другим знакомыми, хотя и расплывчатыми тенями на этом матово-серебристом экране.

– Какое гениальное изобретение! – восторженно проговорил Лорд, не сводя глаз с экрана. – Я все никак не могу привыкнуть к этому чудесному разведчику. А вот и айсберг!

– Да, – произнес капитан, – но море вокруг него пустынно, и никаких обломков уже не видно на экране. Откуда же донесся к нам этот крик?

– Может быть, мы плохо рассмотрели обломки под разведчиком? – предположил Лорд.

– Вполне возможно, – согласился капитан. – Придется более густо прочесать этот сектор и держать снаряд поближе к воде.

Через десять минут инфракрасный разведчик, описывая густую сеть суживающихся зигзагов почти у самой поверхности воды, вернулся к площадке судна и, опять удаляясь, тем же путем пронесся над айсбергом. Все было напрасно. Нигде не удалось заметить и признака человека.

– Что же это значит? – в недоумении спросил Лорд. – Неужели мальчик послал нам свой последний призыв, а потом сорвался и пошел ко дну? Как это ужасно!

Внезапно из ночной тьмы опять донесся далекий и тонкий крик. Теперь он звучал с какой-то новой, полной отчаяния

силой. Три человека на площадке на мгновение окаменели. Потом Скворешня воскликнул:

– Он на льдине! Он на льдине, товарищ командир!

– Но до айсберга, судя по ходу разведчика, больше трех километров, Скворешня. Мы не слышали бы крика на таком расстоянии, – возражал капитан.

– Не знаю. Я не могу объяснить, но он там, только там! Больше ему негде быть! – взволнованно говорил Скворешня.

– Хорошо, – сказал капитан, – я направляю снаряд к льдине.

В центре экрана опять появился айсберг. Огромная ледяная гора величественно поднималась из воды, тускло поблескивая многочисленными гранями. Она была изрыта гротами и провалами, украшена причудливыми пиками, колоннами, башенками. Послушный движению штурвала в руках капитана, гигантский айсберг медленно поворачивался на экране то одной, то другой стороной. Экран отражал то грохот, то площадку, то темную впадину, тускло отсвечивающую ребрами и плоскостями. Некоторые из них были густо усеяны темными и серыми пятнами, которые, как только к ним приближался глаз человека, начинали шевелиться, превращались в птиц, порой беспокойно взлетали и тотчас же садились на прежнее место.

– Наш разведчик разбудил этих чаек, фрегатов и глупышей, – заметил Лорд. – Может быть, его заметит мальчик, и это ободрит его... Вот он, вот он! – закричал он вдруг, скло-

няясь над экраном.

Капитан резко повернул маленький штурвал в обратную сторону, и айсберг вдруг метнулся на экране, наклонился, исчез, вновь появился и устойчиво встал. На одной из его площадок, почти над обрывом, перед широким, словно оркестровая раковина, входом в грот видно было небольшое темное и длинное пятно. Пятно это быстро, на глазах, росло, увеличивалось и через несколько секунд превратилось в небольшую фигуру человека, распростертого на площадке.

– Это он, товарищи, он! – взволнованно говорил Лорд.

– Даю одну десятую вперед, – послышался твердый и четкий голос капитана. – Вызвать глиссер! Приготовиться к спуску!

– Есть вызвать глиссер, приготовиться к спуску!

Скворешня повернулся к ближайшей толстой стойке перил и нажал кнопку на ней. На верхнем конце стойки откинулась крышка, и Скворешня достал из отверстия небольшой микрофон, за которым тянулся провод. Вполголоса он передал кому-то распоряжение, вставил микрофон на место и закрыл крышку.

Между тем капитан прикоснулся к одной из кнопок на переднем щитке и перевел по дужке на несколько делений вправо крайний рычажок.

Металлический холм вздрогнул и двинулся вперед все быстрее и быстрее. Вода с легким плеском огибала его широкий и круглый нос, скользила по многочисленным про-

дольным ложбинкам на его боках и смыкалась позади.

Не сводя глаз с экрана, на котором застыло изображение айсберга с фигурой человека, капитан слегка повернул сверкавший белым светом штурвал. Судно послушно переменяло курс на несколько градусов к югу.

Из люка появились два человека в форменках и бескозырках. За ними показались два ящика: один – побольше, продолговатый и плоский, другой – поменьше, почти кубический. Люди стали неподвижно по сторонам люка, каждый со своим ящиком у ног. Из открывшейся возле люка щели поползла вниз, плотно прилегая к бокам судна, гибкая металлическая лестница и остановилась, как только ее нижняя перекладина погрузилась в воду.

В этот момент потянул легкий ветер, и неожиданный свет стал вдруг разливаться по поверхности океана. Он появлялся то тут, то там, то возникая из глубин, то опускаясь туда зеленовато-голубыми, синевато-зелеными светящимися туманностями из множества мелких нежных искорок. Они переливались красными оттенками, сливались в большие пятна, захватывали все большее и большее пространство, разгорались на мелкой ряби под ветерком, как масса пылающих шаров. И вдруг вся поверхность океана вспыхнула, как будто она покрылась слоем раскаленных добела железных опилок; в следующее мгновение она превратилась в расплавленное жидкое серебро с загорающимися в нем звездочками, шарами, овалами из кроваво-красных рубинов, зеленых изумру-

дов, синих сапфиров. Стало светло, но все выглядело при этом странно, по-новому, неузнаваемо: свет лился отовсюду, со всех сторон, и теней не было.

– Пирозомы! – восторженно воскликнул Лорд. – *Puzozoma atlantica*! Самое яркое из светящихся животных. Какое прекрасное зрелище!

Металлический холм неся вперед, взметая впереди себя и по сторонам волны холодного пламени. Внезапно у самого подножия холма из этого жидкого пламени взвилось длинное, гибкое тело, все как будто облитое серебристо-голубой парчой, изогнулось красивой дугой, нырнуло и скрылось. За первым сейчас же последовало второе, потом третье, четвертое, и через минуту стадо дельфинов в стремительном фантастическом танце окружило судно и следовало за ним, не отставая.

Громкий возглас Скворешни оторвал Лорда от этой картины и вернул его к действительности:

– Человек на льдине!

На расстоянии двухсот метров от судна высился гигантский айсберг. Он поднимался, словно объятая пламенем гора, нестерпимо яркая, переливаясь всеми цветами радуги, как чудовищный бриллиант, полный внутреннего огня. На ослепительно белой площадке айсберга под входной раковиной грота с большой отчетливостью виднелась неподвижная темная фигура человека.

Позади судна, на расстоянии нескольких десятков метров

от площадки, под водой вдруг сильно забурлило, и судно почти тотчас же остановилось.

– Глиссер на воду! – скомандовал капитан. Один из стоявших у люка людей поставил свой ящик на бок и нажал замок. Ящик раскрылся и через минуту превратился в небольшой резиновый глиссер на сложном каркасе из блестящих металлических прутьев, полос и пластинок. Из второго ящика тем временем был извлечен небольшой электромотор со складным винтом и прикреплен на корме глиссера.

Еще мгновение – и глиссер, соскользнув на пылающую воду, со Скворешней у руля и двумя его товарищами на борту, неслышно понесся к айсбергу, осыпанный белыми брызгами огня и каплями горящих самоцветов.

Издали доносился голос Скворешни, окликавший, что-то спрашивавший, ободрявший.

Обратно глиссер летел, словно на огненных крыльях. С выключенным мотором, он не успел еще вплотную пристать к металлическому борту судна, как Скворешня взбежал на площадку, держа на руках маленькое человеческое тело с беспомощно свисающими головой и ногами.

– Хлопчик! Хлопчик! – кричал он возбужденным и радостным голосом. – Совсем еще мальчик!

– Жив? – бросился к перилам Лорд.

– В обмороке. Сначала стонал, потом затих.

– Скорее ко мне, в госпитальный отсек! – крикнул Лорд, бросаясь к люку и скрываясь в нем.

За ним исчез Скворешня со своей ношей.

Потом спустились люди со сложенными в ящики глиссером и двигателем; лесенка уползла в свою щель.

На площадке остался один капитан. Он нажал кнопку на щитке управления: перила разомкнулись и расчленились в нескольких узловых местах, горизонтальные прутья опустились и, прильнув к стойкам, скользнули вместе с ними внутрь холма. Капитан осмотрел площадку, оглядел пустынный океан и тоже спустился в люк.

Сейчас же после этого необыкновенный холм начал быстро погружаться и через несколько мгновений скрылся под водой. Набежавший вал, как огромный утюг, прошелся по тому месту, где только что возвышался холм, словно уничтожая малейшие следы его на поверхности океана.

Глава V

Перемена маршрута

Подводная лодка была военным кораблем. Враги Советского Союза неоднократно пытались добыть чертежи таинственной подлодки, получить материалы и конструкторские расчеты. Вокруг завода, где шло ее строительство, день и ночь кружили шпионы; два ответственных работника завода, у которых они, очевидно, предполагали добыть на дому материалы о подлодке, были найдены убитыми; шпионов вылавливали, сажали в тюрьму, некоторых за убийство расстре-

ляли. Но число их не уменьшалось, а дерзость, по мере приближения сроков окончания стройки, увеличивалась.

Однако все было безуспешно. Постройка подлодки под руководством ее конструктора Михаила Крепина была благополучно закончена. В глубокой тайне лодку спустили на воду, вооружили новыми, совершенно необычными орудиями защиты и нападения, испытали в мелководном Балтийском море и отправили в первое дальнее плавание – во Владивосток.

Именно там через несколько месяцев, как об этом настойчиво говорили все ставшие известными Советскому правительству факты и материалы, собиралась разразиться давно подготовлявшаяся гроза. Старый враг, упорно и неутомимо добивавшийся господства на Азиатском континенте, не оставлял своих захватнических замыслов относительно Советского Приморья. Этот цветущий край разжигал его аппетиты. Императорская клика и военщина готовили удар против Советского Союза, надеясь на помощь с Запада. Они знали всю опасность, весь риск этой новой своей авантюры. Они знали мощь Советской страны, закованной в броню новейших достижений науки и техники, знали грозную силу ее армии и флота. Но жажда новых завоеваний, страх перед надвигающейся революцией в собственной стране и слепая ненависть к стране социализма гнали их в пропасть войны с могучей социалистической державой.

Спокойно и зорко партия и правительство Советского Со-

юза наблюдали за своим соседом. Они знали, что двадцать четвертого августа, в день рождения императора, ожидалось принятие решений, от которых зависела мирная жизнь миллионов трудящихся.

Именно накануне этого решающего дня, двадцать третьего августа, подлодка «Пионер» должна появиться у дальневосточных берегов Союза и показать агрессору, что советские границы неприступны. Неожиданное появление новой могущественной подлодки должно было в последний момент спутать карты имперского генерального штаба и разрушить все его планы.

Это первое в истории свободное плавание в недоступных до сих пор глубинах океанов должна была использовать и советская наука, первая в мире, должна была осветить все то таинственное, что скрывалось в этих глубинах и что возбуждало до сих пор нескончаемые споры среди ученых всех стран. С этой целью к подлодке прикомандировали группу научных работников во главе с известным советским зоологом Арсеном Лордкипанидзе. Они должны были по пути следования подлодки, начиная от Балтийского моря, через Атлантический океан, через Гибралтарский пролив, Средиземное море, Суэцкий канал, глубина которого была к этому времени доведена до тридцати метров, через Индийский океан, Китайское море и до Японского моря, тщательно изучить такие проблемы, как возникновение и прохождение течений на глубинах, фауна больших глубин, рельеф морско-

го и океанического дна, физические и химические процессы в этих областях. И здесь, как всегда. Советская страна стремилась к тому, чтобы оборонные и хозяйственные средства служили одновременно и науке – для расширения власти человека над природой.

Подлодка шла к месту своего назначения, держась на глубине не менее двухсот метров, стараясь не появляться на поверхности. Ее поход должен был оставаться тайной для всего мира, тайной, скрытой и хранимой глубинами океанов, сквозь которые она прокладывала свой путь. Таковы были инструкции высшего морского командования, которыми руководствовался капитан Воронцов. Отступать от этих инструкций ему разрешалось по его усмотрению лишь в самых крайних случаях.

Поймав с гибнущего «Диогена» радиосигнал о бедствии, подлодка явилась к месту катастрофы одновременно с остальными спешившими туда судами, хотя ее отделяло от «Диогена» расстояние, в несколько раз большее. Держась на глубине около двухсот метров, следя за всеми радиопереговорами «Диогена» и его спасителей, подлодка проводила затем тонувшее судно до глубины одного километра и видела, как скопившийся во многих его отсеках воздух под давлением воды в сто атмосфер разорвал судно на несколько частей, которые затем стремительно пошли ко дну.

Еще до переключки спасенных подлодка знала о гибели двух человек – одного матроса и одной женщины, упавших в

море при столкновении судна с айсбергом. Их тела, медленно опускавшиеся на дно, подлодка видела, когда кружила в глубине вокруг «Диогена». Но труп третьего пропавшего, советского мальчика Павла Буняка, подлодка, несмотря на тщательные и усердные поиски, найти не могла. После того как «Диогена» поглотили волны, инфракрасный разведчик подлодки, управляемый по радио, еще долго носился над поверхностью вод во всех направлениях и опускался на большие глубины, но не обнаружил трупа мальчика. Тогда старшина водолазов Андрей Скворешня заявил капитану Воронцову, командиру подлодки, что, по его твердому убеждению, мальчик или его труп находится, вероятнее всего, на одном из крупных обломков, плававших на месте крушения. Скворешню поддержали начальник научной части подлодки профессор Лордкипанидзе, старший лейтенант Богров и радист Плетнев.

Была ли судьба, жизнь или смерть советского мальчика тем «крайним случаем», который предусматривала инструкция высшего командования?

После короткого колебания боевой командир принял решение, которое подсказали ему советские чувства: горячая любовь к людям и постоянная забота о них. Однако, прежде чем нажать кнопку к подъему на пульте центрального поста управления, капитан Воронцов обеспечил безопасность корабля всеми имевшимися в его распоряжении мерами. Инфракрасный разведчик вновь вырвался из борта подлодки

и начал кружить вокруг нее, поднимаясь по спирали к поверхности, выскакивал в воздух и непрерывно пересылал на экран центрального поста подлодки изображения всех встречающихся на его пути предметов – обломков крушения, рыб, водорослей и даже прозрачных медуз. Все говорило о полнейшей пустынности океана и неба, спокойствии и безопасности. И лишь тогда показался на поверхности океана «Пионер»...

Еще работали пневматические рычаги, вгонявшие нижнюю крышку люка в его гнездо, а подлодка, закончив спасение мальчика, уже стремительно погружалась в спокойные, безопасные глубины, ложась на свой курс. В госпитальном отсеке над телом мертвенно-бледного безжизненного Павлика склонился зоолог и врач подлодки Арсен Давидович Лордкипанидзе.

Счастье Павлика заключалось в том, что старший радист Плетнев принял из Ленинграда и передал капитану Воронцову зашифрованную радиограмму лишь через час после того, как подлодка сняла мальчика с айсберга. Именно этот час спас ему жизнь.

Радиограмма была от Главного штаба морских сил и содержала чрезвычайно важные сообщения.

Органы Управления государственной безопасности установили, что одна иностранная держава, заинтересованная в ослаблении обороны наших дальневосточных берегов, неизвестным образом узнала маршрут «Пионера» и ее тайные

агенты намереваются уничтожить подлодку во время ее остановки в Гибралтарском проливе или в другом удобном пункте ее маршрута. Поэтому Главный штаб предлагает капитану Воронцову идти во Владивосток, не останавливаясь в Гибралтарском проливе, и не через Индийский океан, а вокруг мыса Горн и через Тихий океан, держаться в течение всего пути на больших глубинах, соблюдать полную секретность, ничем не обнаруживая себя. Это изменение маршрута должно повлечь за собой и перестройку плана научных работ экспедиции. Однако Главный штаб подтверждает, что при всех обстоятельствах срок прибытия подлодки во Владивосток остается неизменным – двадцать третье августа.

Не могло быть сомнения, что, если бы капитан Воронцов получил эту радиограмму немного раньше, он медленно удалился бы от места гибели «Диогена», возле которого собралось так много судов и где малейшая случайность могла обнаружить присутствие «Пионера». Нетрудно себе представить, какая участь ожидала бы Павлика в этом случае...

Командир подлодки стоял в коридоре и внимательно перечитывал листок бумаги с расшифрованной радиограммой. Радист Плетнев, маленький, сухой, с темным, сморщенным, как сушеная груша, лицом, стоял перед командиром. На левой руке у него не хватало двух пальцев – память о длительной зимовке на одном из дальних островов Советской Арктики и о трагической встрече там с белой медведицей и двумя медведжатами – впрочем, более трагической для этой мед-

вежью семьи, чем для Плетнева.

Радист терпеливо ждал распоряжений командира. Стены коридора и выходящие в него с обеих сторон двери под мягким светом электрических ламп матово поблескивали лаком своей темно-красной полировки. Узорчатая каучуковая дорожка тянулась по полу. Из нескольких круглых люков, вырезанных в полу и огражденных легким полукругом перил, вырывались столбы яркого света и доносился тихий, шелестящий шум работавших машин.

Командир повернул наконец к Плетневу озабоченное лицо:

– Распорядитесь, пожалуйста, немедленно созвать ко мне командный состав подлодки и пригласите начальника научной части. И сами, конечно, приходите.

– Есть, товарищ командир, созвать командный состав, начальника научной части и самому прийти!

Через несколько минут, вызванные условными сигналами из своих кают, диспетчерских, из разных отсеков подлодки, один за другим торопливо проходили в дверь командирской каюты первый помощник капитана старший лейтенант Богров, главный электрик военный инженер второго ранга Корнеев, начальник акустической части лейтенант Чижев, начальник научной части профессор Лордкипанидзе, комиссар Семин, старшина водолазов Скворешня и, наконец, Плетнев.

Каюта командира состояла из двух частей. Левая, отделен-

ная портьерой, служила спальней. В правой части, более обширной, посередине находился большой рабочий стол. В углу на небольшом столике помещалось несколько главнейших навигационных приборов, автоматически показывавших то же самое, что и приборы в центральном посту управления. В другом углу – шкафчик автономной сети освещения. Тут же стояли шкафы, наполненные книгами. Стены были увешаны большими картами рельефов дна Атлантического, Тихого и Индийского океанов. На меньших картах были показаны горизонтальные и вертикальные разрезы океанов с линиями одинаковых температур, солености, плотности, карты вертикальных и горизонтальных течений, господствующих ветров.

Все уже уселись вокруг стола на легких удобных стульях, однако капитан, не приступая к делу, продолжал с нетерпением посматривать на дверь.

– Где же главный механик? – обратился он наконец к Плетневу.

– Сказал, что идет немедленно.

Дверь отодвинулась, и в каюту вошел, слегка согнувшись под входной аркой, высокий, ширококостный, сутулый главный механик Горелов.

Его большая голова и длинное, худое, со впалыми щеками лицо были гладко выбриты. Это делало особенно заметными выступающие острые скулы и угловатые челюсти. Под густыми бровями глубоко запрятались черные сверкающие

глаза. Большие уши, словно крылья летучей мыши, оттопыривались по сторонам длинного гладкого черепа.

– Прошу извинения, Николай Борисович, – проговорил он глухим голосом, пробираясь к свободному стулу у стены. – Меня задержали по дороге к вам.

Капитан кивнул головой.

– Так вот, товарищи, какое дело, – начал он, – я получил сейчас приказ Главного штаба. Согласно этому приказу, маршрут подлодки значительно меняется. Через Гибралтар она не пойдет.

Все молча и с удивлением смотрели на капитана.

– Не пойдём к Гибралтару? – удивленно спросил зоолог.

– Что такое? – с недоумением и некоторой растерянностью спросил Горелов.

Впрочем, уже в следующее мгновение он равнодушно рассматривал ногти на своих длинных пальцах.

– Вы что-то хотели сказать, Федор Михайлович? – обратился к нему капитан.

– Ничего особенного, Николаи Борисович... я просто поражен этой неожиданностью.

– Да, конечно, – проговорил капитан и продолжал: – Дело, однако, не ограничивается переменной курса. Приказ требует соблюдения максимальной секретности похода. Поэтому предупреждаю вас, товарищи, что подлодка не только не будет заходить в какие-либо порты, но будет избегать всяких встреч с судами, приближения к берегам, подъемов на по-

верхность. Подлодка будет все время находиться в боевом подводном положении. В связи с этим я строго запрещаю какие бы то ни было действия, которые могут обнаружить подлодку. Глубина хода будет все время не меньше трехсот метров. В ночные часы запрещается пользоваться световыми прожекторами и открывать щиты иллюминаторов.

– А как же с научными работами? – с беспокойством спросил зоолог.

– Они не пострадают, Арсен Давидович. Наоборот, если хотите, можно увеличить число глубоководных станций и обследовать также экваториальную и южную Атлантику, часть Антарктики, южную и тропическую части Тихого океана. От Гибралтарского пролива и Гвинейского залива придется отказаться.

– Значит, мы пойдем Магеллановым проливом? – спросил Горелов.

– Возможно, – ответил капитан. – В нашем распоряжении имеется, кроме того, и путь вокруг Африки. Некоторая разница в расстоянии не имеет значения.

Зоолог собрал бороду в кулак.

– Жаль, – вздохнул он. – Подводный Гибралтарский хребет, два встречных течения в проливе – верхнее из Атлантического океана и нижнее из Средиземного моря – очень важные темы в нашей океанографической программе. Впрочем, надеюсь, они с лихвой будут перекрыты проблемами новых областей. Я сейчас же приступлю, Николай Борисович, к со-

ставлению плана работ экспедиции по новому маршруту. Не откажите сообщить его мне.

И зоолог, вытащив из кармана блокнот и карандаш, приготовился записывать.

– Я вам потом передам его, Арсен Давидович, – ответил ему капитан после минутного колебания.

– Слушаю, – согласился ученый и тут же испуганно спросил: – Но первая-то наша станция, в Саргассовом море, остается в программе?

В каюте послышался легкий смех.

– О да! – усмехнулся капитан. – При любом маршруте «Пионера» ее не придется исключать.

Всем было известно нетерпение, с которым достойный зоолог ждал прибытия в это своеобразное, мало изученное, с почти неизвестной фауной море. С первых же дней похода зоолог не переставал вслух мечтать о той сладостной минуте, когда он сможет наконец дорваться до работы в прозрачайших водах Саргассова моря, где должны были особенно развернуться зоологические и биологические исследования.

– Отлично! – удовлетворенно кивнул головой ученый. – Когда же мы прибудем туда, Николай Борисович?

– Часов через десять. Но надо не только прибыть туда – необходимо также отыскать подходящие места для ваших работ на разных глубинах, что-то вроде подводного плато или подводной горы. А это не так просто для Саргассова моря, которое на всех картах показано с огромными глубина-

ми – больше шести тысяч метров... На этом, товарищи, мы закончим.

– Во всяком случае, завтра мы уже сможем приступить к работе, – потирая руки, говорил зоолог, направляясь к двери вместе с остальными участниками совещания.

* * *

К полуночи «Пионер» был уже в пределах Саргассова моря и перешел на зигзагообразный курс, доведя ход до десяти десятых.

Ультразвуковые прожекторы непрерывно посылали в центральный пост управления подлодки, на носовую полосу и купол экрана, изображения всего, что встречалось впереди нее в глубинах вод на расстоянии до двадцати километров; еще дальше с обоих бортов шныряли во всех направлениях вокруг подлодки инфракрасные разведчики и посылали на тот же экран свои донесения.

Саргассово море известно своей большой глубиной, и отыскать здесь базу для подводных научных работ во всех слоях, как вблизи поверхности, так и на больших глубинах, было очень трудно. Ни капитан, ни зоолог не ожидали встретить какое-нибудь большое подводное плато. Но они были уверены, что на обширном пространстве этого моря, лежащего как раз в «полосе разлома земного шара», где в наиболее близкие к нам геологические эпохи происходили гигант-

ские горообразовательные процессы, не прекратившиеся и в настоящее время, должны были находиться отдельные возвышенности вроде подводных гор, высоко поднимающихся над дном и своими вершинами приближающихся к поверхности моря.

В центральном посту подлодки утреннюю вахту нес лейтенант Кравцов. Стоя у щита управления, он часто посматривал на экран, на котором мелькали силуэты больших и малых рыб, скопления длинных водорослей, плавающих на поверхности этого моря.

Лейтенант был одет, как обычно, тщательно, даже щеголевато. Позолоченные пуговицы на белом кителе сияли; «краб» на фуражке сверкал, как начищенный; манжеты и воротничок были ослепительной белизны. Механическая прачечная на подлодке работала превосходно, но лейтенанта она, очевидно, не вполне удовлетворяла, и он придумал какое-то приспособление из плоской костяшки, которым наводил на воротничок и манжеты неподражаемый блеск.

Лейтенант перевел взгляд с экрана на приборы контрольного щита, висевшего на стене рядом со щитом управления. В стекле одного из приборов отразилось на мгновение чисто выбритое скуластое лицо, с мягким, слегка приплюснутым носом, черными бачками, доходящими до середины ушей, и веселыми карими глазами под редкими бровями.

Все многочисленные приборы показывали нормальную работу механизмов и машин подлодки. Приближался пол-

день, и перо курсографа, отмечая извилистый путь «Пионера», успело прочертить на карте почти все Саргассово море по меридиану с севера на юг.

В углу, возле густого сплетения проводов, сходящихся у щита управления, тихо копошился Марат. Он внимательно исследовал один из проводов сигнализации и связи с камерой кормовой ультразвуковой пушки. Связь действовала слабо, с перебоями, и Птицын, младший акустик, работавший у этой пушки, требовал немедленного исправления. Целый час уже бился над этой работой Марат. Главный электрик подлодки, военный инженер второго ранга Корнеев, не раз уже вызывал его по телефону, торопил, наконец даже крикнул:

– Позор, товарищ Бронштейн! Такой пустяк оказывается для вас труднее проектов мирового масштаба! Даю вам еще пятнадцать минут. Если вы не кончите за это время, то я... я передам работу Крамеру! Да-с! Имейте в виду! Стыдно!

Марат был уязвлен до глубины души. Действительно, стыдно. Особенно эта угроза насчет Крамера. И все это слышал лейтенант! Правда, он и виду не подал, что слышит, и деликатно молчит, как будто углубившись в созерцание экрана. Напрягая все свое внимание, Марат угрюмо с лупой у глаз принялся за осмотр и поиски сначала. И на первом метре от ввода... Нет, это было уже слишком! Это было совершенно непростительно! Марат в гневе даже хлопнул кулаком по лбу и вслух обозвал себя дураком: на первом же

метре от ввода изоляция провода оказалась чуть-чуть, почти незаметно для глаза, повреждена, и провод своей оголенной точкой соприкасался с соседними металлическими приборами.

– Что с вами, Марат? – спросил лейтенант.

– Нашел! – радостно вспыхнув, ответил молодой электрик.

– Ага, поздравляю! Значит, Крамер останется с носом! – рассмеялся лейтенант.

Через две минуты все было в порядке. Птицын остался доволен, о чем и сообщил Марату по телефону. Марат сейчас же соединился с Корнеевым и доложил ему об окончании работы.

– Очень хорошо, – слышался голос Корнеева. – Идите скорее обедать, а то опоздаете.

Едва лишь Марат, собрав свои инструменты и материалы, направился к двери, как слышался тихий удивленный возглас лейтенанта.

Марат посмотрел на экран. На его носовой полосе, прямо впереди подлодки, стремительно неслась к югу огромная темная тень кита. Его широкий хвостовой плавник быстро, с невероятной силой работал, то поджимаясь, то высоко вскидываясь кверху. Из могучей спины торчал толстый, глубоко вонзившийся гарпун, от которого к поверхности океана уходил натянутый, как струна, трос. Почти сейчас же за китом на куполе экрана появилось небольшое паровое суд-

но, из трубы которого вырывались густые клубы дыма. Судно было в самом жалком положении. Оно быстро мчалось в том же направлении, что и кит. Нос судна был затоплен, корма вздернута кверху, фигуры людей метались по палубе с топорами в руках, видимо напрасно пытаясь пробраться на бак. Иногда нос приподнимался над поверхностью океана, и тогда широкие, мощные потоки воды скатывались с бака и на мгновение у самого форштевня показывались гарпунная пушка и туго натянутый трос, уходивший в глубину моря, к киту. Но в следующее мгновение бак с пушкой вновь погружался в воду, и судно продолжало мчаться вслед за китом, зарывшись носом в волны.

– С ума сойти можно! – вскричал пораженный Марат. – Что тут делается?

В чем дело? – спросил проходивший по коридору мимо приоткрытых дверей поста управления зоолог. – Можно войти?

– Входите, входите! – живо сказал лейтенант. – Интересное зрелище!

– А!.. – воскликнул зоолог, едва бросив взгляд на экран. – Действительно, редкое событие: кит увлекает за собой китобойное судно. Ох, черт возьми!

Кит сделал внезапно гигантский скачок кверху и сейчас же, казалось, с удвоенной силой и быстротой ринулся еще дальше в глубину. Несчастное судно, словно вырвавшись из мертвой хватки, вздыбилось, но в следующий же момент

нырнуло носом настолько глубоко, что огромный вал воды, сметая все на пути, затопил почти половину палубы – до самого капитанского мостика.

Корма высоко задралась кверху, и на экране показался трепетный круг от бешено вертящегося под нею винта. Один человек из команды был смыт волной, многие, не удержавшись на наклонной палубе, покатались по ней, хватаясь за все, что попадалось под руку.

– Судно на полном заднем ходу, – сказал лейтенант, – и никакого влияния на кита! Вот силища! Ведь машина способна, вероятно, развить не менее тысячи лошадиных сил! Это прекрасный, новейшей конструкции китобоец, примерно в триста регистровых тонн.

– Но они погибают! – вскричал Марат. – Они погибают, товарищ лейтенант! Неужели мы не можем им помочь?

– Капитан сейчас будет здесь, – ответил лейтенант. – Я уже вызвал его. Сам я не имею права...

– В чем дело? – прервал лейтенанта голос капитана. – А!.. Понимаю. Редкий случай. Положение китобойца угрожающее. Гм... Жаль... Дело может кончиться плохо для него. Они даже не могут обрубить трос.

Капитан помолчал, не сводя глаз с экрана. Из трубы гибнущего судна внезапно повалили густые клубы дыма, ветер сейчас же разнес их в клочья и развеял. Судно с безжизненной трубой рванулось вперед и понеслось с еще большей быстротой.

– Вода залила топки котлов! – сдержанно воскликнул лейтенант. – Теперь они совершенно беспомощны.

Капитан преобразился. Глаза загорелись решимостью.

– К носовой пушке! – скомандовал он. – Вызвать главного акустика!

Лейтенант нажал кнопку телефонного щитка возле овального голубовато-серебристого экрана. Розовый свет просветил экран, и на его поле появился сводчатый отсек, уставленный разнообразными ящиками, катушками, огромными стеклянными приборами, которые были густо перевиты проводами. Среди этой паутины и, казалось, хаотического нагромождения приборов в высоком кресле перед щитком, усеянным кнопками и рычажками, и серебряным экраном своего телевизора сидел главный акустик подлодки, толстый, румяный Чижов.

Капитан отдал команду в экран:

– Цель – органика! Бить по киту! Лишить движения!

– Есть цель – органика! Лишить движения! – послышался ответ акустика.

Повернувшись к зоологу, капитан вполголоса сказал:

– Пусть хоть добыча вознаградит этих людей за пережитый ими испуг. А добыча знатная! Посмотрите, какой гигант!

Кит вместе с судном был уже на расстоянии семи-восьми километров от подлодки. Размеры его были действительно поражающие. Он имел в длину не менее тридцати двух

метров, его могучий хвостовой плавник, около восьми метров шириной, работал, словно чудовищная машина. Кит не проявлял и признаков усталости. С неослабевающей силой, упорно и стремительно неся он все дальше и дальше.

Подводный корабль, словно огромный орга́н, наполнился торжественным мощным гудением...

Прошло несколько секунд, и внезапно, словно наткнувшись на невидимое и непреодолимое препятствие, кит резко, на полном ходу, остановился. Сотрясаемый беспорядочными ударами хвоста и плавников, он бился, извивался в судорогах, раскрывал и закрывал гигантскую, похожую на пещеру пасть. Наконец последним могучим усилием он взметнул кверху свой огромный хвост, и, словно срезанный невидимой гигантской бритвой, хвост отлетел, уносимый, как парус, возникшим вокруг агонизирующего животного подводным волнением.

Кит вздрогнул, замер и, перевернувшись морщинистым брюхом кверху, начал медленно всплывать.

Тотчас же нос китобойца в потоках сбегавшей пенистой воды вырвался на поверхность океана и, мокрый, блестящий, как будто обмытый и успокоившийся, тихо двинулся по инерции вперед с бессильно свисающим вниз тросом гарпуна.

Словно не веря еще в свое спасение, размахивая руками, люди радостно и растерянно метались по палубе судна.

Подлодка быстро удалялась, держа курс на северо-запад.

В пятнадцать часов на экране «Пионера» показались очертания огромной подводной горы, которую он с таким упорством искал.

Глава VI

Среди друзей

Заботливый зоолог так старательно сделал Павлику перевязку на голове, больше всего пострадавшей при столкновении с меч-рыбой, что из-под бинтов виднелись только нос, рот, глаза и одно ухо.

– Ну вот, – погладил зоолог свою замечательную бороду, завязав последний узел на темени пациента. – Собственно, если делать все по правилам, то следовало бы тебя, бичо, положить здесь на койку денька на два. Разве тебе плохо было бы тут? Но ты не улежишь! – с огорчением добавил он.

Огорчение врача-зоолога было вполне понятно. Госпиталь подлодки, где происходил этот разговор, производил прекрасное впечатление идеальным порядком, обилием мягкого света и чистотой своих трех коек, сверкавших белизной белья. После спасения со льдины Павлик пролежал на койке этого госпиталя несколько суток и лишь сегодня утром, после двухдневной тренировки, покинул ее для своей первой небольшой прогулки под водой. Сейчас он не обнаруживал абсолютно никакого желания вернуться на койку. Робкая попытка зоолога уложить его встретила дружный протест Пав-

лика и Марата, игравшего до этого момента роль ассистента в клинике.

– Да что вы, Арсен Давидович! – закричали они в один голос.

– Я совсем здоров и прекрасно себя чувствую, – добавил Павлик.

– Ну ладно, ладно! Иди обедать, потом непременно поспи. А после сна приходи ко мне в лабораторию, биологическую.

С тех пор как Павлик был спасен при столь трагических обстоятельствах, экипаж подлодки сосредоточил на нем весь запас нерастраченной отцовской любви, неутомимой жажды покровительства слабому, такой характерной для сильных, мужественных людей. Это было очень приятно, однако требовало проявления и ответных чувств. Но взрослых-то много – двадцать семь человек, – а Павлик один. Поэтому отблагодарить двадцать семь своих новых друзей Павлик мог только вниманием и интересом к тому, что они рассказывали. А так как все они были отчаянными энтузиастами своей чудесной подлодки, бесконечно влюбленными в нее и в свою работу на ней, то все разговоры в столовой, в красном уголке, в кают-компании, а с Павликом везде и всегда, где бы ни встречали его, сводились к подлодке, к ее замечательным качествам, к ее неизмеримому превосходству над другими подлодками, которые не имели здесь другого имени, кроме «лягушек».

Но если все на «Пионере» были энтузиастами, то Марат

Моисеевич Бронштейн, электрик второго разряда, двадцати лет от роду, которого, впрочем, никто иначе не звал, как просто Марат, непрерывно горел в незатухающем пламени любви к удивительной подлодке. Надо при этом отметить, что в постройке лодки он принимал участие, работая по телефонизации скафандров. Говорить о лодке было для него величайшим наслаждением. Не следует поэтому удивляться, что именно он раньше всех и горячее всех начал знакомить Павлика со всеми особенностями и достоинствами этого замечательного создания советской техники. Еще больше разгоралась у Марата охота к этому потому, что, как это ни странно для советского мальчика, Павлик почти ничего не знал об устройстве не только «Пионера», но и каких бы то ни было подлодок вообще.

Они вместе вышли из госпитального отсека в узкий коридор и, обойдя центральный пост, пошли мимо диспетчерских кают главного механика, главного электрика, начальника акустической части, потом мимо кают командного состава и команды. Стены коридора были отделаны дорогим лакированным деревом. По потолку проходили толстые и тонкие трубы, окрашенные в различные цвета. По полу, скрадывая шум шагов, тянулась каучуковая дорожка. Через каждые пять метров коридор разделялся водонепроницаемой переборкой с небольшой дверью, а в полу время от времени встречались круглые люковые отверстия со спускающимися вниз металлическими лестницами.

Через эти отверстия видны были внизу медь, стекло и сталь различных машин и приборов, заснувших в неподвижности или тихо жужжавших в деятельной работе под бдительным надзором контрольных аппаратов.

– Как в гостинице! Светло, чисто, красиво, – сказал Павлик Марату, тихонько проводя на ходу пальцем по лакированным стенкам коридора.

– Ты этого нигде, ни на одной подлодке не увидишь, только у нас, – с обычной гордостью за своего «Пионера» сказал Марат. – Здесь почти половина лодки отведена для жилья ее экипажа. На других подлодках каждый лишний кубометр отдается или нефти, чтобы можно было еще лишний километр проплыть, или торпедам, чтобы произвести еще один выстрел по врагу, или аккумуляторам, чтобы было немного больше электроэнергии для подводного плавания. О людях там приходится думать в последнюю очередь.

– А «Пионеру» разве не нужны ни нефть, ни электричество, ни торпеды?

– «Пионер» знает только одну энергию – электричество, и он его может добыть сколько угодно везде, в любом пункте океана. Обыкновенные «лягушки» в своих аккумуляторах могут запастись электроэнергией для плавания под водой только на двадцать – тридцать часов, а потом они должны всплывать на поверхность, открывать люки и запускать свои дизели. Дизели вращают винты и динамо-машины. Винты двигают подлодку, а динамо-машины вырабатывают электриче-

скую энергию, которой опять заряжаются аккумуляторы для подводного плавания, – сказал Марат.

В самом конце коридора находилась столовая – большая каюта со сводчатым потолком, уставленная небольшими столиками и красивыми стульями вокруг них. Каждый столик стоял на одной толстой круглой тумбе и был накрыт скатертью с круглым вырезом в центре. В вырезе поблескивал черный лак, а кругом на скатертях были расставлены обеденные приборы, хлеб на тарелочках, поставцы. Каюта была залита мягким светом ламп из матовых полушарий, вделанных в потолок. Ее стены были украшены портретами руководителей партии и правительства, картинами с морскими пейзажами и сценами из жизни морского флота, статуэтками на полочках и постаментах, небольшими аквариумами с плавающими в них тропическими рыбками. К столу Павлика и Марата присел и Цой. Был час обеда, и в столовую входили все новые и новые люди. Каждый из них, заметив Павлика, окликал его, ласково заговаривая с ним и с беспокойством спрашивая о его здоровье и самочувствии. Чуть не задев головой за матовые полушария в потолке, к Павлику, Марату и Цою подошел Скворешня и занял место возле них. При его появлении с разных сторон посыпались шутки:

- Андрей, что это ты вздумал играть с акулой?
- Да нет же, он хотел ее притащить сюда и посадить в аквариум...
- И совсем не в аквариум, а он обещал своему колхозу

прислать хоть какую-нибудь завалящую акулку для разводки в пруду...

– Андрей Васильевич, вы бы ее своими усами связали и приволокли...

– От скаженны!.. – добродушно ворчал Скворешня, оглядывая хохочущих товарищей и навивая на палец длиннейший ус. – Разве ж я виноват, что она с голоду в кабель вцепилась. А про мой колхоз лучше не напоминайте мне. Батько сообщил, что сев они закончили раньше всех в районе. Я им, верно, обещал в премию за отличную работу чего-нибудь привезти из похода... Вот теперь ломаю голову и не придумую, какой бы им подарок сделать.

– Уж не в самом ли деле акулу, Андрей Васильевич? – послышался сочувственный, но полный насмешки голос Ромейко, младшего механика, маленького, чернявого, с живыми, смешливыми глазами.

– Чего там акулу! Кашалота!

– Кита!

– Гигантского осьминога!

– Ладно, ладно! – ворчал Скворешня под неумолкающий смех. – Уж я лучше поконсультируюсь с Арсеном Давидовичем.

– Здравствуй, герой! – послышался вдруг среди шума знакомый звонкий голос.

В дверях стоял комиссар Семин – загорелый, с резкой светлой полосой на верхней части лба. Перед переходом на

подлодку «Пионер» он целый год провел на эсминце «Кипящий» в далеких южных морях, и тропический загар до сих пор не сошел с его лица. Нос у комиссара был слегка поврежден: боксер Семин, чемпион Ленинграда, был широко известен в Советском Союзе, но победы над другими советскими спортсменами доставались ему, очевидно, не легко.

Больше всего поражала в комиссаре густая седина волос над молодым лицом с маленькими черными, подбритыми на концах усиками и черными живыми глазами.

Говорили, что эта седина появилась у него после долгого пребывания в одиночестве с трупом погибшего капитана в затонувшей на большой глубине подлодке, на которой он также был комиссаром. Всю команду он выбросил на поверхность в спасательных буях, а для него самого исправного буя не осталось – часть буев повредило при аварии, а спасательная экспедиция из-за шторма смогла лишь через несколько суток поднять его со дна вместе с подлодкой. Но комиссар не любил говорить об этом и за достоверность догадок о происхождении его седины нельзя было поручиться.

– Ты что? Паломником из Мекки возвращаешься? – смеялся комиссар, приближаясь к столу, за которым сидел Павлик со своими друзьями. – Вон какую чалму накрутил тебе Арсен Давидович! Ну как дела? Здоров, молодец?

– Спасибо, товарищ комиссар! – весело ответил Павлик, вскакивая с места и вытягивая руки по швам, словно заправский краснофлотец. – Совсем здоров.

– Ну, благодарю денно и ночью Крепина за скафандр, – ответил комиссар.

– В таком скафандре ничто не страшно.

В столовую вошел старший лейтенант Богров – стройный, с широкими плечами человек. Его удлиненное бритое лицо, с серыми спокойными глазами, плотно сжатыми губами и квадратным подбородком, обличало твердый характер и упорную, настойчивую волю. Белый форменный китель ловко, словно влитой, сидел на его статной фигуре. Старший лейтенант неторопливо направился в глубину столовой, издали дружелюбно улыбаясь и кивая Павлику. За ним показалась высокая фигура капитана Воронцова, командира подлодки. Все встали. Командир жестом разрешил «вольно», и все шумно уселись на свои места.

– Как дела, Павлик? – спросил капитан, остановившись возле мальчика и положив руку на его забинтованную голову. – Ты теперь у нас надолго останешься, потому что ни заходить в порты, ни встречаться с судами мы не можем. Надо тебе, голубчик, поскорей научиться ориентироваться под водой по компасу и по радиопеленгам. Придется тебе привыкать к нашей жизни.

Глаза у капитана обычно были чуть прикрыты опущенными веками, и это делало его лицо суровым и отчужденным. Но сейчас на губах у него играла улыбка, светлые глаза широко раскрылись, и на лице не оставалось и следа суровости.

– Хорошо, капитан, – смущенно и радостно ответил Пав-

лик. – Я буду стараться.

– Не «хорошо», а «есть, товарищ командир!» – поправил Марат под общий смех.

Как только капитан сел за свой стол рядом с зоологом, комиссаром и старшим лейтенантом Богровым, на всех столах, в центре, открылись круглые отверстия и показались, поднимаясь снизу, стопки поставленных одна на другую тарелок с первым блюдом.

Столовая наполнилась приглушенным гулом голосов, звонком посуды, шутками, смехом, разговорами.

– Марат Моисеевич, а как же все-таки на «Пионере» получают энергию? – с аппетитом поедая вкусный суп, вернулся к начатому разговору Павлик.

– Во-первых, зови меня просто Марат – какой я там еще Моисеевич! – и говори мне «ты».

– Есть, товарищ Марат! – рассмеялся Павлик.

– Вот так лучше. А энергию мы добываем из океана. Где остановимся, там и вытягиваем, высасываем ее из него.

– Как же это так? – изумленно спросил Павлик. – Электричество? Из воды?

– Да. Электричество. Из воды, – наслаждался произведенным эффектом Марат. – Ты о термоэлементах слышал?

– Немножко... – нерешительно ответил Павлик, – когда проходили в школе физику... об электричестве...

– Ну, так вспомни. Термоэлемент – это прибор, состоящий из двух спаянных между собой на концах проволок или

пластинок каких-нибудь разных, но определенных металлов или сплавов, например меди и константана, платины и сплава платины с радием. В таких приборах при подогревании или охлаждении одного спая возникает электрический ток. И чем больше разница температур между обоими спаями, тем большего напряжения получается ток. Ну, так вот, Павлик, до последнего времени все термоэлементы, из каких бы металлов их ни изготавливали, давали ток в самых ничтожных размерах – примерно одну десятую вольта на каждый градус разницы в температуре. Но недавно наш Электротехнический институт изобрел такие сплавы, которые способны давать ток в тысячу раз большего напряжения. А наш Крепин придумал, как получать от этих новых термоэлементов ток большей силы и использовать их в подлодке для получения электрической энергии в любом количестве и во всякое время.

Скворешня поставил опорожненную тарелку на подвижной круг в центре стола, круг скользнул вместе с ней куда-то вниз и через минуту опять появился, неся на себе тарелку со вторым блюдом. Павлик последовал примеру Скворешни, с нескрываемым любопытством, наблюдая за появлением новых блюд. Но Марат, сев на своего конька, забыл о еде и даже совсем отложил в сторону ложку.

– Понимаешь? – продолжал Марат, оживленно жестикулируя. – Ты только пойми эту гениальную идею! Из этих новых сплавов Крепин сделал пятьдесят длинных проволок и

спаял их попарно в концах, как можно больше расплющив спаянные концы. Потом он соединил все полученные элементы – термопары – вместе в один трос с одной общей изоляцией, а на концах трос имел приемник, похожий на шляпку гриба. Когда он нагрел один приемник так, что он был теплее другого только на двадцать градусов, то получился ток огромного напряжения и силы. Ты понимаешь, что это значит? – кричал он, подняв кверху палец.

– Это значит, что ты останешься без второго, кацо! – слышался из противоположного угла столовой насмешливый голос зоолога.

Все рассмеялись. Марат смутился, пригладил машинально хохолок на темени и энергично принялся за суп. Все же он успевал между каждыми двумя ложками тихо продолжать разговор.

– Ты понимаешь, Павлик, каждый трос с термоэлементами, или термоэлектрическая трос-батарея, как ее у нас называют, превратилась в настоящую электростанцию мощностью в двадцать пять тысяч киловатт! Двадцать пять тысяч киловатт! – громко шипел он, расплескивая суп из ложки. – А у нас их три! Три станции общей мощностью в семьдесят пять тысяч киловатт! Их было бы достаточно для большого города с его трамваями, заводами, электрическим освещением.

– Постой, постой, Марат! – заражаясь его волнением, тоже шептал Павлик. – Но как же тут греют эти тросы? Надо

же получить разницу... Ну, ты сейчас говорил про разницу температур между концами троса...

Марат опять положил ложку на край тарелки и откинулся на спинку стула:

– Как! Неужели ты все еще не понимаешь? Ведь любое море является топкой для наших электростанций.

– Топкой? Что ты говоришь, Марат! Какой топкой?

– Господи, боже мой! Извините, опечатка... Ты же должен, Павлик, знать, что во всех морях и океанах температура на глубине около трех-четыре тысяч метров всегда равна приблизительно одному-двум градусам тепла, а у поверхности она почти всегда и везде значительно выше нуля. В тропиках температура поверхностных слоев воды доходит даже до двадцати шести – двадцати семи градусов. Вот тебе и разница температур, которая нужна нашим электростанциям. Подлодка выпускает плавучий буй, прикрепленный к верхнему спая-приемнику трос-батареи. Буй поднимается почти до поверхности океана, и спай нагревается там до известной температуры. А нижний спай подлодка выпускает с грузом на глубину до трех-четыре тысяч метров, и этот спай охлаждается там почти до нуля. Тогда в трос-батарее возникает электрический ток, которым заряжаются аккумуляторы в подлодке. Понял? И Марат опять набросился на свой остывший суп.

Глава VII

Подлодка «Пионер»

В таких жарких разговорах с Маратом и в тихих, но не менее живых и интересных беседах с другими специалистами подлодки Павлик узнал в общих чертах все, что составляло главную особенность этого необыкновенного подводного корабля.

«Пионер» был поистине властелином морских просторов, он мог опускаться на любые глубины, не боясь быть раздавленным километровыми толщами воды, мог пересекать океаны вдоль и поперек, не заходя в порты и базы, не ощущая надобности в них. Его единственной базой был безграничный Мировой океан со всеми его неисчерпаемыми запасами энергии и пищи.

Корпус «Пионера» был построен из нового сплава, лишь недавно открытого советскими металлургами. Как известно, сплавы различных металлов получают часто новые, совершенно неожиданные свойства. Например, алюминий – очень легкий и мягкий металл. Но если его сплавить с ничтожными количествами меди, марганца и магния, то полученный сплав (дюралюминий) приобретает твердость стали, сохраняя при этом легкость алюминия. Благодаря именно этим качествам – легкости и твердости – дюралюминий широко применяется для строительства самолетов и дирижаблей.

В сложный рецепт нового сплава советские металлурги ввели несколько редких элементов в совершенно новых комбинациях и количествах. Полученный сплав оказался настолько легким, прочным, и, самое главное, таким дешевым, а конструкция корпуса подлодки настолько остроумной и удачной, что «Пионер» получил способность выдерживать давление свыше тысячи атмосфер. Между тем самые лучшие современные подлодки из-за ненадежности материала и конструкции могли погружаться не глубже двухсот – трехсот метров, испытывая при этом давление всего в двадцать – тридцать атмосфер.

Еще более замечательным оказался примененный Крепным способ получения из океана электрической энергии при помощи термоэлементов, а также способы накопления и использования этой энергии для движения и вооружения подлодки.

Ток из термоэлектрических трос-батареи поступал в аккумуляторы. Но это не были те громоздкие, тяжелые, малоемкие аккумуляторы, которыми приходилось пользоваться обыкновенным подлодкам и которые способны были накапливать в себе электрическую энергию не более чем на двадцать – тридцать часов подводного плавания. Три батареи из новых аккумуляторов – маленьких, легких, обладавших огромной емкостью, – полностью заряженные, обеспечивали «Пионеру» освещение, отопление, двигательную силу и еще некоторые технические нужды для непрерывного пятнадцатичасового плавания.

тидневного перехода в подводном положении. Лишь после этого срока в аккумуляторных батареях истощался весь запас электрической энергии, и они требовали новой зарядки. Для этого подлодка должна была останавливаться и пускать в ход свои трос-батареи.

Эти аккумуляторы были блестящим достижением знаменитого Московского института физических проблем, который давно уже заслужил мировую известность своими работами в области низких температур, приближающихся к абсолютному нулю ($-273,2$ °C). Одной из важнейших проблем, которые разрабатывал институт, было явление электрической сверхпроводимости при низких температурах.

Явление сверхпроводимости заключается в том, что многие металлы, сплавы и химические соединения металлов при определенной для каждого из них температуре вблизи абсолютного нуля внезапно теряют способность сопротивления пропускаемому через них электрическому току. Ток протекает в них, не теряя в виде теплоты части своей энергии, которая обычно расходуется на преодоление сопротивления проводника. Благодаря этому в замкнутом кольце из свинцовой, например, проволоки, помещенном в жидкий гелий, температура которого равна минус $271,9$ °C, электрический ток сохраняется в течение нескольких суток.

Институту физических проблем после долгих и настойчивых поисков удалось найти такой сплав металлов, который при температуре, отделенной от абсолютного нуля все-

го лишь двумя сотыми градуса, превращался в сверхпроводник с необычайно большой энергоемкостью и длительным временем релаксации, то есть временем сохранения тока после прекращения действия электродвижущей силы. Институт, по предложению правительственных органов, создал для подлодки Крепина крохотные, легкие аккумуляторы, которые могли накапливать в себе огромные запасы электроэнергии, долго хранить их и по мере надобности отдавать.

Больше всего, однако, поразила Павлика огромная, неслыханная скорость, которую «Пионер» способен был развивать под водой. В то время как подлодки обычного типа в подводном плавании не могли достигать скорости более двадцати узлов, «Пионер» легко делал по восьмидесяти узлов – то есть столько же, сколько делали самые быстроходные надводные катера-торпедоносцы и «охотники» за подлодками.

Как же Крепину удалось добиться такой неслыханной скорости при огромном сопротивлении, которое оказывает вода кораблю, особенно при подводном плавании?

Известно, что самые лучшие подводные пловцы – рыбы, киты и головоногие. В течение сотен миллионов лет миллионами поколений в непрерывной борьбе за существование они приспособлялись к водной среде. Побеждали, выживали и оставляли потомство лишь те, кто был лучше вооружен и быстрее двигался в своей родной стихии. В результате их тела приняли формы, которые лучше всего обеспечивают быстроту движения при наименьшей затрате сил. Это – фор-

ма торпеды и форма висящей капли жидкости с выпуклостью впереди и утончением к заднему концу. Обе эти формы имеют наибольший диаметр в первой трети своей передней части. Несмотря на это, уже давно было доказано, что именно они оказывают наименьшее сопротивление окружающей среде – воде или воздуху – при движении вперед. Струи воды или воздуха плавно обтекают такие формы и так же плавно сливаются позади, не образуя там засасывающих вихрей.

Инженер Крепин отказался от обычной остроносой формы корпуса подлодки и придал своему «Пионеру» форму кашалота, так как по расчетам конструктора выходило, что, несмотря на свои огромные размеры и вес, кашалот затрачивает на движение каждого квадратного метра своей поверхности меньше силы, чем всякий другой обитатель вод.

Далее, всем уже давно известно большое значение слизи, покрывающей тела почти всех водных организмов, особенно таких, которые не сидят на месте, а активно и быстро двигаются. И действительно, слизь сильно уменьшает трение и сопротивление воды во время движения в ней. Крепина увлекла мысль увеличить быстроту движения «Пионера», покрыв его корпус чем-нибудь вроде слизи. Однако, если бы и удалось покрыть поверхность «Пионера» искусственной слизью, все равно она непрерывно смывалась бы водой. После долгих поисков Крепин нашел совершенно неожиданный выход. В тех случаях, когда необходимо было достичь особенно больших скоростей, он окружал корпус «Пионера»

вместо слизи слоем горячего пара. Пользуясь своими неиссякаемыми запасами электроэнергии, «Пионер» с ее помощью нагревал весь наружный корпус подлодки до температуры в две тысячи градусов. При такой температуре небольшой слой окружающей воды мгновенно превращался в пар. Вследствие быстрого движения подлодки все новые и новые слои воды приходили в соприкосновение с ее накаливаемой поверхностью, непрерывно создавая вокруг нее сплошную газообразную оболочку. Этим устранялось трение воды и возникало трение в газообразной среде, плотность которой, правда, была более значительной, чем плотность атмосферного воздуха, но во много раз ниже плотности воды. Образующийся вокруг подлодки пар, как только она удалялась из данной точки, немедленно охлаждался под влиянием окружающей низкой температуры и превращался опять в воду, не достигая поверхности, в виде пузырей.

Наконец, инженер Крепин решил отказаться от винтов. Только ракета, по твердому убеждению Крепина, могла дать возможность использовать в полной мере и огромную мощность его электростанции, и колоссальную прочность и жароупорность металла, из которого построен был «Пионер». Казалось бы, в такой плотной среде, как вода, меньше всего можно было ожидать появления естественных реактивных двигателей. Между тем давно уже известно, что некоторые водные организмы, такие, например, великолепные пловцы, как головоногие, отлично пользуются этим способом движе-

ния, втягивая воду в свои воронки спереди по движению и затем сильным сжатием выбрасывая ее оттуда назад.

Но для реактивного движения нужно очень много горючего, способного при сгорании освобождать огромное количество двигательной энергии. Откуда же «Пионер» мог получать это горючее и как он хранил его запасы, вероятно очень значительные, судя по длительности непрерывного плавания, на которую он был способен? И здесь, как во многих других случаях, конструктору «Пионера» пришел на помощь все тот же Мировой океан, с его неисчислимыми ресурсами, с огромными, не использованными еще возможностями.

Океан должен был дать «Пионеру» в неограниченном количестве гремучий газ, страшная сила взрывов которого достаточно известна.

Чтобы получить этот газ, необходимо иметь в своем распоряжении два газа – водород и кислород; именно те, которые, соединившись, образуют воду. Добывать их можно различными способами, но самый простой – это разложение воды путем электролиза. Для этого в сосуд с подкисленной водой погружают два электрода, соединенные с источником электрического тока. Когда через воду пропускают электрический ток, то на одном электроде – аноде – из воды выделяется и собирается в виде пузырьков кислород, а на другом – катоде – водород. Оба газа по трубам переходят в отдельные хранилища. Если затем выпустить их, смешав в определен-

ных количествах, то получится гремучий газ.

Достаточно пропустить через этот газ электрическую искру, чтобы произошел взрыв. Для получения реактивного движения эти взрывы надо производить в специальной камере, помещаемой позади корабля или ракеты. Камера эта должна иметь наружное выходное отверстие, которое расширяется в дюзу (раструб). Когда в камере происходит взрыв, образующийся при этом водяной пар стремится вырваться из нее и ударяет с огромной силой во все ее стороны.

Но на задней стороне камеры водяной пар имеет выход — дюзу, а в передней этого выхода нет, и вся сила взрыва, направленная в эту сторону, бросает ракету или подлодку вперед.

Быстро следуя один за другим, эти взрывы дают подлодке все более и более нарастающую скорость.

В результате взрывов гремучего газа из водяного пара образуется вода, которая тут же бесследно и полностью сливается с окружающей водой. Что касается шума и грохота от взрывов, от них поглощались усовершенствованными глушителями, которые к этому времени применялись уже на всех самолетах и автомашинах.

Но развивая такие неслыханные скорости в далеко еще не изученных, не изведанных глубинах, подлодка рисковала налететь на скрытые там скалы, рифы, отмели, из которых, несомненно, еще очень многие не отмечены даже на самых лучших картах и в самых лучших лоциях мира. На таком

подводном корабле нельзя было плавать вслепую. Установленные на носу и с боков подлодки сильнейшие прожекторы, мощностью в несколько миллиардов свечей, проникали в черные пространства глубин на полкилометра, но различать что-либо на таком расстоянии и при такой быстроте движения было невозможно. Кроме того, такое сильное освещение могло бы выдать врагу военный подводный корабль.

Надо было найти для «Пионера» сильные и зоркие глаза, которые далеко проникали бы в мрак глубин и вовремя сообщали бы об опасности и препятствиях, возникающих на пути. Этими глазами сделались уши, которыми снабдил Крепин свою подлодку.

Эхолот давно уже применялся на подводных и надводных судах всех стран. Он основан на том, что звук распространяется не только в воздухе, но еще лучше и быстрее в воде. Если в воздухе звуковые волны распространяются со скоростью в триста тридцать метров в секунду, то в воде эта скорость равна тысяче пятистам метрам в секунду. Звук распространяется от своего источника сферическими волнами во всех направлениях, а встретившись с препятствием, он отражается от него и идет в обратном направлении. Используя это свойство звуковых волн, придумали такие приборы, с помощью которых прежде всего начали измерять глубины дна морей и океанов. С одной стороны судна под водой взрывом или ударом колокола производили звук и замечали время. Звуковые волны достигали дна, отражались от него и возвра-

щались к судну. Там, с другого борта, под водой прикреплялся аппарат, который воспринимал этот отраженный звук и отмечал время, когда этот звук был им принят. Так как звук от судна до дна и от дна обратно до судна проходит в одинаковое время, то достаточно было знать все время, протекшее от взрыва до момента восприятия приемником отраженного звука, чтобы определить, сколько секунд и, следовательно, сколько метров звук прошел до дна. Затем появились эхолоты, которые автоматически, сами, показывали на особой шкале глубину в метрах и избавляли человека от разных вычислений и подсчетов. Действуя непрерывно, посылая в воду звуки и воспринимая их отражения, такие эхолоты сами отмечали, записывали и показывали на бумаге или на экране особой линией рельеф дна, над которым проходил корабль. Наконец, появились ультразвуковые эхолоты, как, например, излучатель Ланжевена.

Высота всякого звука зависит от частоты колебаний, в которые источник звука приводит частицы передающей среды – воздуха, воды или твердых тел, – а через них и барабанную перепонку в человеческом ухе. Человеческое ухо в состоянии воспринять в качестве звука лишь те колебания, которые происходят с частотой от шестнадцати раз до двадцати тысяч раз в секунду. Это – самое низкое гудение и самый высокий, тонкий комариный писк. Выше двадцати тысяч колебаний начинаются уже ультразвуки. Ультразвуки человеческое ухо уже не в состоянии воспринять.

Источником ультразвуковых колебаний является пластинка горного хрустала, или пьезокварца. Если поместить такую пластинку, зажатую между металлическими электродами, в жидкость и подвергнуть ее воздействию радиопередатчика, то она приводится в частые и сильные колебательные движения, которые передаются окружающей жидкости. Чем больше частота колебаний пластинки, тем выше получаемый ультразвук.

Ультразвуки обладают двумя очень важными особенностями. Во-первых, их можно посылать не шаровыми волнами во все стороны, а тонким лучом. Во-вторых, как было известно еще из опытов Вуда и Лумиса, некоторые животные организмы вроде лягушек, мелких рыбок, головастиков, морских ракообразных, попав в ультразвуковое поле, погибают, а некоторые твердые тела, как лед, разрыхляются, разрушаются.

Инженер Крепин использовал обе эти особенности ультразвуков наилучшим образом, чтобы дать своей подлодке зрение, слух и сокрушительное оружие в борьбе с живой и мертвой природой.

Вместе со своим другом, ученым и изобретателем Власьевым, профессором Московского института по изучению колебаний высокой частоты, он построил аппарат, дававший до нескольких сот миллионов колебаний в секунду. Они нашли методы получения таких мощных колебаний, что пучок ультразвуковых волн, испускаемый их аппаратом, пронизы-

вал водные пространства на расстояние до двадцати километров. Эти аппараты вместе с самопишущими приемниками Крепин установил на носу, на спине, с боков и в киле «Пионера», дав ему таким образом уши, каких не имеет ни одно живое существо в мире.

Но на этом Крепин и Власьев не успокоились. Они пошли дальше и превратили эти уши одновременно и в глаза своей подлодки.

Ультразвуковые лучи, выбрасываемые их аппаратом, отражались встречавшимися препятствиями не с одинаковой силой, а в соответствии с внешней формой этих препятствий. Поэтому ультразвуковой луч возвращался уже измененный. Изобретатели устроили приемную мембрану из тысячи микроскопических мембран. Каждая из них вибрировала в соответствии с силой только того пучочка возвратившегося ультразвукового луча, который падал именно на нее.

При помощи сложного устройства, превращающего звуковую энергию в световую, каждый пучок лучей давал на экране центрального поста подлодки изображение той части встреченного препятствия, от которой он отразился. Тысячи таких изображений от всех микроскопических мембран сливались в одно целое и давали в результате полную внешнюю форму предмета. Такие ультразвуковые «прожекторы» были расположены со всех сторон подлодки и непрерывно посылали на круговой экран центрального поста изображения всего, что встречалось впереди и кругом подлодки в ра-

диусе двадцати километров.

Можно было бы построить такой прожектор, используя звуки обыкновенной, слышимой, частоты. Но обыкновенные звуки, распространяясь в воде во всех направлениях, мог услышать любой корабль, оборудованный самым простым гидрофоном. Этого, конечно, ни в каком случае нельзя было допустить. Между тем для ультразвуковых прожекторов «Пионера» из огромного диапазона колебаний – от двадцати тысяч до нескольких сот миллионов в секунду – и их силы можно было подобрать такую комбинацию, которую найти и раскрыть для постороннего представляло бы почти невыполнимую задачу. А если бы даже кому-нибудь и удалось раскрыть эту тайну, то у него не было бы аппаратов, способных принимать ультразвуки такой большой частоты и такой необыкновенной мощности. Эти приемники и излучатели являлись последним изобретением Крепина и Власьева, и их тайна принадлежала великой стране социализма, родине изобретателей.

Эти же ультразвуковые лучи инженер Крепин применил в качестве нового оружия для борьбы с живой и мертвой природой. Тут ему помог известный зоолог и биолог профессор Лордкипанидзе, давно работавший в Институте экспериментальной медицины над проблемами применения ультразвуковых колебаний в биологии и медицине. Используя уже готовый излучатель, Крепин и Лордкипанидзе сконструировали ультразвуковую пушку и небольшой ультразвуковой

пистолет, которые при различных, точно определенных количествах колебаний способны были убийственно действовать на любую живую ткань и разрушительно – на большинство известных металлов и минералов. Ультразвуковыми лучами, выпускаемыми пушкой или пистолетом, клеточки живого существа приводились в столь быстрые колебания, что разрывались на части, а молекулы металлов и минералов распадались на атомы, разрыхлялись и разрушались.

В тот момент, когда Крепин, Власьев, Лордкипанидзе и ряд работников, помогавших им, заканчивали уже постройку первых своих ультразвуковых аппаратов, оборонная промышленность Советского Союза предложила Крепину обратить внимание на новое открытие советского ученого-изобретателя Блейхмана в области инфракрасных, или невидимых, тепловых лучей.

Невидимые тепловые лучи, большей или меньшей интенсивности, испускаются любым нагретым телом – солнцем, горячим утюгом, жилым домом, теплокровными животными, деревьями и даже рыбами. При помощи особой аппаратуры инфракрасное фотографирование давно и широко применяли в ночное время, в густой туман, в серую, дождливую погоду. Поднявшись ночью на самолете на высоту в пять – шесть тысяч метров, можно было производить снимки с расстояний в пятьсот – шестьсот километров, используя не только теплоту, иногда ничтожную, которую излучают наземные предметы, но и разницу между их температу-

рой и температурой окружающей среды. Уже были известны инфракрасные бинокли для ночного видения, для видения сквозь туман и густой дождь.

Но до работ Блейхмана казалась неразрешимой задача – перехватить в водной среде и превратить в видимое изображение те часто ничтожные по силе инфракрасные тепловые лучи, которые излучают в этой среде ее обитатели и другие находящиеся в ней предметы.

Температура водных животных обычно очень мало превышает температуру окружающей их воды. Лишь водные теплокровные млекопитающие, вроде китов, кашалотов, дельфинов, тюленей, моржей, ламантинов, некогда перешедших для жизни с суши в водную среду, сохраняют высокую температуру тела благодаря своим внешним покровам – толстой коже и толстым слоям подкожного жира. Все остальные водные животные – моллюски, морские звезды, раки, крабы, черепахи, рыбы – почти все тепло, которое они развивают в результате своей мускульной работы и обмена веществ, теряют, отдавая его окружающей их воде. Но все же это тепло они отдают воде не полностью. Небольшая его часть – иногда измеряемая целыми градусами, а иногда не превышающая сотых долей градуса – все же остается в их теле.

Для лучших наземных инфракрасных фотоаппаратов не представляло уже большого затруднения улавливать даже на значительном расстоянии ничтожные излучения очень слабо нагретых тел. Для подводного же инфракрасного фото-

графирования главным затруднением являлось то, что тепловые лучи, попадая в водную среду, почти целиком жадно поглощались или отражались ею. И все же аппаратура Блейхмана была настолько чувствительной, что могла улавливать те почти уже неощутимые для точнейших приборов инфракрасные лучи, которые еще оставались в воде. Правда, улавливать их эти приборы могли всего лишь на расстоянии каких-нибудь пятисот метров от источника излучения. В то же время аппаратура Блейхмана обладала способностью при переходе из водной среды в воздушную действовать, как лучшая наземная установка. Эта аппаратура вместе с тем была чрезвычайно портативной.

Крепин с большой радостью принял предложение работников оборонной промышленности. Он полностью оценил изобретение Блейхмана. В короткое время Крепин сконструировал небольшой ракетный снаряд, который мог при помощи некоторого запаса сжатых водорода и кислорода двигаться подобно подлодке и с ее же быстротой. В этот снаряд, похожий на толстый полутораметровый огурец, Крепин вмонтировал аппараты Блейхмана с таким расчетом, чтобы их объективы были рассеяны по всей поверхности снаряда и могли улавливать тепловые лучи со всех сторон.

Для подъемов в воздух Крепин снабдил снаряд крыльями, которые могли выдвигаться из него и раскрываться наподобие плавников летучей рыбы. Но настоящую активность и практичность, настоящую полноценную жизнь этому сна-

ряду придавала радиотелемеханика. При помощи радиопередатчика вахтенный начальник подлодки мог выбрасывать снаряд из его гнезда в борту подлодки и посылать далеко, до пятидесяти километров от нее, на рекогносцировку; при помощи радио пускался в ход автоматический механизм ракетного двигателя снаряда, производилось управление его движениями, маневрирование, выдвигание крыльев и подъем в воздух. По радио все замеченное фотоаппаратами Блейхмана вокруг снаряда на расстоянии в пятьсот метров от него передавалось на экран центрального поста подлодки. Имея постоянно впереди себя и особенно наверху, у поверхности океана, два таких разведочных снаряда и несколько резервных в своих кладовых, подлодка могла не бояться неожиданных встреч и с еще большей уверенностью прокладывать свой путь в темных глубинах океана.

Когда Павлик в первый раз очутился в центральном посту управления подлодки, его поразило необыкновенное обилие самых разнообразных и причудливых приборов, аппаратов, механизмов, прикрепленных к круглым стенам, размещенных на щитках, на подставках и тумбах. Круговой экран из молочного стекла шел широкой полосой наверху по стенам и, как купол, покрывал потолок помещения.

На нем непрерывно сменялись тени рыб и других обитателей океана, быстро сновавших вокруг подлодки. Даже непроницаемая тьма глубин не могла скрыть эти существа от всевидящих глаз «Пионера».

Вахтенный командир мог управлять отсюда работой всех самых сложных механизмов и машин подлодки; но все механизмы и машины, взаимно связанные в общей работе, были настолько автоматизированы, что достаточно было дать импульс основному из них, чтобы начинали работать все подсобные. Если подлодке необходимо было погрузиться на какую-либо определенную глубину, то командиру достаточно было поставить стрелку глубомера на цифру этой глубины, чтобы автоматически начали работать механизмы, убирающие с верхней площадки подлодки перила; после этого сам собой надвигался обтекаемый колпак; закрывался люк, открывались клапаны вентиляции и кингстоны балластных цистерн, которые потом самостоятельно закрывались как раз на заданной глубине. Контрольные электрические лампочки зеленого цвета загорались, как только начинал работать тот или другой агрегат, машина или механизм, и продолжали гореть, пока работа шла исправно. Но при малейшей неисправности зеленая лампочка сейчас же потухала и загоралась красная – сигнал аварии. Но ни одной красной лампочке с момента спуска «Пионера» на воду не пришлось до сих пор загореться: все аппараты и механизмы действовали безукоризненно точно и согласованно.

При такой автоматизации механизмов подлодки понятно, что экипаж ее мог быть очень невелик. Несмотря на тысячу с лишним тонн водоизмещения судна, весь экипаж «Пионера», если не считать членов научной экспедиции, состоял

всего из двадцати человек. Но зато почти все они являлись специалистами высокой квалификации, опытными подводниками, людьми проверенного мужества, смелыми, находчивыми и бесконечно преданными своей великой Родине.

Глава VIII

Проект Марата

Цой отлично помнит свое серое, безрадостное детство на окраинной улице Гирина, в полуразвалившейся, еле покрытой хижине. Город был верным спутником детских лет Цоя. Воспоминания об унижении, о вечном раболепстве сапожника-отца перед ростовщиком, владельцем соседней лавочки, перед жандармом на углу улицы, перед каждым японским солдатом, перед каждым автомобилем, изредка появлявшимся на этой окраине, до сих пор еще вызывали в душе Цоя стыд, горечь и гнев. Бедный кореец был ничтожеством, прахом перед каждым крепким ботинком с квадратным солдатским носком или с нежным лакированным верхом.

Двенадцати лет Цой попал к своему бездетному дяде, в рисовый колхоз у озера Ханка, недалеко от Владивостока. Дядя усыновил его и определил в школу. Первый год Цой провел в колхозе как во сне. Он все боялся, что этот сон кончится, счастье развеется, как дым, и он опять услышит стук отцовского сапожного молотка в темной, сырой хижине, и жалобы матери на дороговизну соевых бобов, и голод-

ный плач младших детишек.

В колхозной школе Цой скоро сделался одним из лучших учеников; потом второй отец отправил его во Владивосток, чтобы он там еще большему научился и вернулся в колхоз агрономом. Но вышло иначе. Цой увлекся химией и морем. И вот он – химик подводной научной экспедиции и секретарь комсомольской ячейки на подлодке – сидит сейчас в красном уголке «Пионера» и играет в шашки с розовощеки́м круглолицы́м Матвеевым, комсомольцем-водолазом. Дела Матвеева плохи: одна шашка уже заперта, остальные очень далеки, и выручить ее вряд ли удастся. Матвеев крепко задумался, склонившись над доской. Цой тоже задумался, но совсем о другом. Его черные с чуть скошенными веками глаза на темно-желтом длинном, чисто выбритом лице медленно обводят всех собравшихся в отсеке красного уголка.

Цой видит веселые лица, слышит смелый голос Марата, запальчиво, как всегда, спорящего с океанографом Шелавиным. И кругом время от времени – спокойный смех, спокойный, беспечный смех.

На Цоя в таких случаях часто находит какое-то странное и в то же время тревожное чувство. Он становится тогда беспокойным, каждая жилка в нем напрягается, ему все кажется, что он чего-то недоглядел, что-то упустил, что нужно еще что-то проверить, осмотреть, укрепить хорошенько. И ему хочется тогда напоминать всем, всем – друзьям и товарищам, всем окружающим, – напоминать, напоминать без конца, что

нельзя быть беспечными, бездумно-спокойными и уверенными, как будто нет больше опасностей кругом, как будто нет уже жандармов и ростовщиков по ту сторону границы...

И еще ему в такие минуты с особой, непреодолимой силой хочется сделать своей новой Родине какой-нибудь подарок, принести ей в дар что-нибудь такое, что сделало бы ее еще более мощной и неприступной и одновременно хотя немного успокоило бы его самого...

Но сегодня, сидя с Матвеевым за шашками, он неожиданно почувствовал, как радостно и горячо кровь заливает ему щеки при мысли, что он набрел на чудесную идею, что его тайная, как будто несбыточная мечта о подарке начинает принимать хотя еще и смутные, но все же реальные очертания.

«Если бы удалось только практически разработать эту идею...» – думал Цой в радостном возбуждении. Море... Огромный, необъятный Мировой океан. Как он велик! Как неисчерпаемы сокровища, которые он таит в себе! Надо лишь уметь взять их у него.

Звонкий голос комиссара оторвал Цоя от этих мыслей:

– Матвеев! Цой! Кончайте!

– Сдавайся, Матвеев, все равно партия проиграна. Пора начинать занятия.

Цой так углубился в свои мысли, что даже не заметил, как в красном уголке собрался океанографический кружок, руководителем которого был Шелавин. На занятия явились

механики Ромейко и Козырев, уборщик Щербина, кок Белоголовый, водолаз Крутицкий, препаратор Королев, Марат Бронштейн – все с тетрадами и карандашами. В этом кружке участвовал и Матвеев. Поэтому он заторопился и, бросив последний взгляд па доску, сдал Цою партию в явно безнадежном положении. Он на минуту скрылся из отсека, быстро вернулся с толстой тетрадью и уселся за большим, накрытым красной скатертью столом, вокруг которого сидели уже все члены кружка. Подошел к столу и Цой. Свободного места не было, и он устроился в одном кресле с Павликом.

От забинтованной головы Павлика шел тонкий, чуть заметный запах йода и еще какого-то лекарства, и Цою стало жалко мальчика. Он обнял его за плечи, тепло прижал к себе, и так они сидели в глубине мягкого кресла, внимательно слушая Шелавина.

Сиплым, простуженным тенорком океанограф говорил о морских течениях, о могучих реках, то теплых, то холодных, проходящих среди необъятных вод океанов и морей. Сейчас он рассказывал о том, как влияют течения на климат, на природу, на всю жизнь нашего Дальнего Востока. Холодные течения, которые непрерывно, начиная от Берингова пролива и до Кореи, идут вдоль берегов Камчатки и Приморья, делают климат этих областей Советского Союза суровым, а вода у советских берегов Берингова, Охотского и Японского морей зимой надолго замерзает. В то же время в Западной Европе, лежащей на одной широте с этими областями, климат

мягкий, зимой почти не бывает морозов и снега. Море у берегов Норвегии, Британских островов, Голландии, Франции всегда свободно ото льдов.

– А почему? – спросил тонким голосом Шелавин, сквозь очки оглядывая сидевших вокруг стола и перебирая пальцами свою редкую, взлохмаченную, как пакля, бородачку.

– Гольфштрем, – быстро ответил Марат.

По правде сказать, Шелавин задал этот вопрос просто по привычке, не столько другим, сколько себе, чтобы продлить удовольствие и придать немного загадочности своему рассказу. Марат испортил ему игру, и океанограф почувствовал некоторое неудовольствие.

– Во-первых, – сказал он, – не говорите, Марат, «Гольфштрем». Это неправильно. Это слово английское, и его нужно произносить «Гольфстрим». Вот. А во-вторых, вы просто повторяете старую басню, будто он настоящий виновник мягкого климата Западной Европы. Это тоже неправильно. Гольфстримом наука океанография называет то мощное теплое течение, которое стремительно выносится из Мексиканского залива через узкий Флоридский пролив и идет, присоединив к себе у Багамских островов Антильское течение, вдоль берегов Северной Америки до мыса Рас, до Ньюфаундлендской банки. Он течет как будто в желобе из более холодной воды, как настоящая океанская река, густо-синяя, легко различимая среди своих, если можно так выразиться, голубых берегов. Но эта река имеет ширину от семидесяти

шести километров в самом узком месте – во Флоридском проливе – до шестисот сорока километров у Ньюфаундлендской банки. Ее средняя глубина достигает трехсот двадцати метров! Можете вы себе представить такую реку?

– Речка что надо! – согласился Матвеев.

– А знаете ли вы, позвольте вас спросить, сколько теплой воды – до двадцати семи градусов по Цельсию на поверхности! – сколько такой теплой воды несет эта речка? – воскликнул Шелавин.

Его водянистые, обычно прищуренные глаза теперь широко раскрылись и сверкали чистым голубым пламенем, а рука с вытянутым худым и длинным пальцем высоко поднялась. Но не успел он хоть немного насладиться интересом аудитории, как заметил подозрительное движение непоседливого Марата и тотчас же торопливой скороговоркой забросал слушателей цифрами:

– Девяносто один миллиард тонн воды в час! А? Что вы скажете по этому поводу, позвольте вас спросить? Это даже трудно представить себе! Сравните это количество воды... ну хотя бы с Волгой. Величайшая река Европы, пересекающая поперек почти весь наш Союз, каждый час приносит в Каспийское море в среднем тридцать миллионов тонн воды, то есть в три тысячи с лишним раз меньше Гольфстрима! Понимаете? Даже все реки земного шара, вместе взятые, ежедневно выносят воды в двадцать два раза меньше, чем один Гольфстрим! И вот эта громада воды, – нагретая под жарким,

экваториальным солнцем Атлантики, несет с собой на север невероятное количество теплоты. Что вы можете сказать по этому поводу?

– Всеевропейская печка, Иван Степанович! – воскликнул восхищенный Марат.

Шелавин мягко улыбнулся и, добродушно посмотрев на Марата, продолжал:

– Вы совершенно правы, Марат, у нас есть такая печка, но это все-таки не Гольфстрим. За Ньюфаундлендской банкой Гольфстрим совершает, как говорят американцы, преступление: он покидает берега Северной Америки и, расширяясь все большим веером, круто поворачивает на восток, к Европе. Вскоре после этого Гольфстрим переходит в широкое медленное Атлантическое течение. Не дойдя до берегов Европы, оно разбивается на две мощные струи. Одна из них посередине океана отделяется и под названием Канарского течения отходит к югу, к берегам Пиренейского полуострова и Северной Африки. Там это течение поворачивает на запад и сливается с тем самым Северным Экваториальным течением, которое под непрерывным воздействием постоянных ветров – пассатов – нагоняет массу теплой воды в Карибское море, а оттуда – в Мексиканский залив и дает начало Гольфстриму. Таким образом, здесь как будто замыкается круг, внутри которого, в Саргассовом море, мы сейчас находимся. Но главная струя Атлантического течения уходит на северо-восток, к западным и северо-западным берегам Ев-

ропы. Здесь она, потеряв по дороге много тепла, полученного ею от Гольфстрима, отдает Европе большую часть оставшегося у нее тепла. Вот эта струя Атлантического течения и есть та европейская печка, о которой вы говорили, Марат.

– С какой же температурой подходит она к Европе? – спросил Матвеев, отрываясь от тетради, в которой он все время усердно делал записи.

– От восьми градусов тепла в феврале до тринадцати – пятнадцати градусов в августе.

– Только и всего-то! – удивился Матвеев. – Да в такой воде и купаться невозможно, а не то что отапливать всю Европу. Хороша печка, которая и сама-то зимой имеет лишь восемь градусов тепла! Как же это так, Иван Степанович?

– А ты не торопись сомневаться, – сказал Матвееву его товарищ по водолазному делу, спокойный, солидный Крутицкий. – Значит, этому есть свое объяснение.

– Как?! – набросился на Матвеева Шелавин. – Вам этого мало, позвольте вас спросить? А про удельную теплоемкость воды и воздуха вы забыли, позвольте вас спросить? А? Забыли? Ведь вы водолаз! Ведь вы должны были бы знать физические свойства воды!

– Ну что – теплоемкость? – защищался Матвеев. – Я знаю, что теплоемкость воды равна единице.

– Что же это значит? – наступал Шелавин.

– А то значит, что для повышения температуры одного грамма воды на один градус Цельсия требуется израсходо-

вать тепла в количестве одной грамм-калории.

– Правильно. Не возражаю. Ну, а теплоемкость воздуха чему равна?

– Воздуха? – замялся Матвеев. – Воздух? М-м-м... Скажу честно, что за пять лет после окончания десятилетки нетрудно забыть такую мелочь. Да это нас, водолазов, и не касается, – извернулся он под общий хохот. – Нам, водолазам, нужно знать как можно больше про воду, куда мы лазим. А все подробности про воздух пускай помнят воздухоплаватели...

– Ну нет, брат, шалишь, – вмешался, похлопывая рукой по своей тетради, уборщик Щербина. – Надо и про воздух и про весь мир знать все, что только можно... Говорите уж вы, Иван Степанович! – обратился он к Шелавину.

– Нехорошо, нехорошо, товарищ Матвеев! – укоризненно покачал седой головой комиссар. – Завтра вы, может быть, захотите пойти во втуз. Придется опять зады повторять... Продолжайте, Иван Степанович!

– Так вот, – начал Шелавин, – теплоемкость воздуха – ноль целых двести тридцать семь тысячных теплоемкости воды. Почти в пять раз меньше! А вывод отсюда, если принять еще во внимание удельный вес морской воды и сухого воздуха, получится совсем простой, но огромный важности: один кубический метр воды, остывая на один градус, согревает на один градус три тысячи сто тридцать четыре кубических метра воздуха, соприкасающегося с этой водой! При охлаждении только на один градус слоя воды толщи-

ной в двести метров на всем пространстве норвежской части Атлантического Течения выделится такое количество теплоты, которого достаточно для нагревания на десять градусов (Слышите? На десять градусов!) слоя воздуха толщиной в четыре километра (Слышите? В четыре километра!) и покрывающего всю площадь Европы! Вы представляете себе – над всей Европой?! Ученые вычислили, что через каждый погонный сантиметр европейского побережья с океана на материк в течение года проносятся четыре тысячи миллиардов калорий! Подумайте – через каждый сантиметр! Самый лучший каменный уголь обладает теплотворной способностью в восемь тысяч калорий. Значит, через каждый сантиметр в течение года проносится тепло, которое заключают в себе пятьсот тысяч тонн самого лучшего угля!.. Сколько же угля надобно было бы сжечь, чтобы получить тепло, которое в течение года проносится на материк через все побережье Европы? А? Позвольте вас спросить? Теперь вам понятно, почему Атлантическое течение может играть роль печки для Европы?

– Вполне понятно! – живо отозвался Марат. – Огромные массы холодного зимнего воздуха, соприкасаясь с поверхностью более теплых вод, охлаждаются, но сами нагреваются, делаются легкими и поднимаются вверх, уступая место другим холодным потокам воздуха с материка. А сами идут поверху к матерiku на место уходящего оттуда холодного воздуха и приносят туда с собой тепло Атлантического

течения. Поэтому в Западной Европе климат гораздо мягче, чем на наших дальневосточных берегах, вдоль которых протекают не теплые течения, а, наоборот, холодные. Вот и выходит, что если Атлантическое течение является чем-то вроде печки для Европы, то течения Охотского моря превращают его в ледник советского Дальнего Востока. И я удивляюсь, Иван Степанович... Разве мы не можем...

– Подождите, подождите, – смеясь, прервал Марата Шелавин. – Сегодня мне приходится без конца поправлять вас. Когда вы говорите, что Атлантическое течение является печкой Европы, то это не совсем верно. Дело в том, что тепло этого течения распространяется и дальше Европы – в Азию...

– Ого! – слышалось с разных сторон, – Оно, наверно, течет туда где-нибудь под землей?

– Пожалуйста, не возмущайтесь. Я тут ни при чем. Это тепло идет туда не под землей, а под водой...

Все рассмеялись.

– Это вовсе не шутка, товарищи, – сохраняя серьезный вид, но улыбаясь одними глазами, продолжал Шелавин. – Возле северной оконечности Европы самая мощная часть Атлантического течения направляется на север мимо западного берега Шпицбергена и на глубине от двухсот до шестисот метров доходит до полюса, как это в свое время доказала героическая группа папанинцев. Другая же, значительно более слабая струя теплого Атлантического течения, пройдя

мимо самой северной оконечности Европы, мыса Нордкап, и мимо нашего Мурманска, порт которого вследствие этого никогда не замерзает, также спускается под холодные воды Ледовитого океана. Одну свою крупную ветвь оно посылает кружить в водах Баренцева моря, а другую – мимо северной оконечности Новой Земли – частью опять в Баренцево море, частью в Карское море. И даже в самых далеких восточных частях Ледовитого океана, даже в Чукотском море советские моряки, полярники и ученые находили в глубинах струи уже чуть теплого, но несомненно Атлантического течения.

– Простите, Иван Степанович! – опять вмешался Марат. – Что же это такое? Вот мы реки отводим в новые русла... И меня удивляет... меня удивляет, почему мы не можем также бороться и с холодными течениями, которые замораживают наш Дальний Восток! Разве это непреодолимая задача? Ведь тогда зацвели бы там наши берега! А? Как вы думаете, Иван Степанович?

Марат покраснел и сидел, не сводя глаз с бумажки, на которой выводил карандашом замысловатые фигуры.

Все улыбнулись, оставили свои тетради, а Матвеев перемигнулся с Крутицким: жди, мол, потехи.

– Почему невозможно? – простодушно сказал Шелавин. – Была бы хорошая, здоровая идея, какой-нибудь интересный проект, и мы, наверно, могли бы его реализовать.

Матвеев не выдержал и рассмеялся:

– Иван Степанович, да не мучьте вы Марата! Его уже дав-

но, вероятно, распирают эти идеи и проекты. Он только ждет момента, чтобы освободиться от них. Вот спросите его... Ну, выкладывай, Маратик.

За короткое время совместного плавания на «Пионере» вся команда успела уже узнать слабое место комсомольца Марата – его неистребимую страсть к изобретательству, к новым, неожиданным проектам, к грандиозным идеям покорения природы. Не было ни одной области науки и техники, мало-мальски знакомой ему, чтобы при первом же столкновении с ее острыми, не решенными еще проблемами, Марат не откликнулся на них какими-нибудь ошеломляющими предложениями или проектами. Живой, подвижный, необыкновенно любознательный, он с таким жаром и увлекательностью сообщал каждому, кто не отказывался слушать, подробности своих проектов и открытий, что команда подлодки в свободные от работы часы подолгу заслушивалась, когда Марат начинал излагать перед нею все грандиозные последствия и замечательные результаты, которые непременно принесет человечеству реализация его проектов. Выступая на занятиях в научных кружках, Марат всегда вносил в них оживление, и участники ждали в таких случаях чего-нибудь нового, вызывающего горячий спор или интересную дискуссию. Так и сейчас весь океанографический кружок весело насторожился, когда Марат предложил свой вопрос Шелавину.

– Так что же ты хочешь предложить, Марат? – поддержал

Матвеева Цой. Сейчас, когда у самого Цоя блеснула новая, захватывающая идея, при воспоминании о которой краска залила его темно-желтое лицо, он с каким-то новым чувством, новым интересом смотрел на своего друга и вызывал его на откровенность.

Марат поднял глаза на Цоя и улыбнулся ему.

– По-моему, – сказал он, – чтобы отеплить наши дальневосточные берега, надо отклонить холодное течение Охотского моря от входа в Татарский пролив и направить его в океан...

– Идея прекрасная, но совсем не такая уж новая, – возразил Шелавин.

– Знаю, что не новая, – прервал его Марат, как всегда в таких случаях разгораясь после первого же возражения. – Я знаю, что американцы уже давно носятся с идеей возвращения Гольфштрема... виноват, Гольфстрима... возвращения этого преступника домой, к родным берегам. Но это же сумасшедшие проекты! Вот вы меня называете «сказочником», «фантазером»... Как же назвать тех американцев, которые выдвигают проект сооружения у начала Гольфстрима, между островом Куба и полуостровом Флорида, гигантской стены длиной в двести пятьдесят километров, высотой, считая от морского дна, больше пятисот метров и шириной в пятьдесят метров?! Эта стена должна закрыть Гольфстриму старый выход из Мексиканского залива через Флоридский пролив. В то же время новым огромным каналом полуостров

Флорида отделяется от материка. Тогда теплые воды Гольфстрима, ища выхода, ринутся через канал, который направит их вдоль берегов Америки.

– Ну, что же, Марат, – рассмеялся Матвеев, – проект в твоём духе. Можно сказать, в мировом масштабе!..

– В моем ли это духе, ты сейчас услышишь! – отрезал Марат. – А вот еще другой проект практических, как обычно говорят, американцев. Они предлагают соорудить стену у Ньюфаундленда, чтобы остановить холодное Лабрадорское течение, которое идет от берегов Гренландии вдоль берегов Северной Америки, и одновременно перехватить Гольфстрим, загородив ему путь в Европу...

– Убийственные для Европы проекты, – сказал Шелавин, протирая очки и моргая прищуренными глазами. – Я тоже слышал о них. Знаете ли, чем они грозят Европе? Исландия оледенела бы, как Гренландия, которая покрыта в настоящее время ледяным щитом толщиной до двух и более километров. Теплые и влажные ветры с Атлантического океана сменились бы северо-восточными арктическими метелями. Начался бы стремительный рост ледников на возвышенностях Северной и Центральной Европы; ледники стали бы спускаться в долины и на равнины, и в короткий срок на нашем материке воцарился бы новый ледниковый период. На Британских островах, во Франции, в Испании и Португалии трещали бы морозы до сорока градусов; Константинополь и Рим под вой пурги тонули бы в снежных сугробах, а европейская

часть нашего Союза получила бы климат Восточной Сибири и Якутии. Зато, с другой стороны, эта европейская катастрофа вызвала бы грозы и ливни в Африке, и бесплодная пустыня Сахара превратилась бы в цветущий сад. Вокруг Нью-Йорка созрели бы ананасы, бананы, апельсины и виноград. каменистый, безжизненный Лабрадор покрылся бы лесами и нивами; ожили бы острова Баффиновой Земли и тундры северной Канады...

Шелавин замолчал, рассматривая стекла очков на свет электрической лампы. Слушатели его тоже молчали, как бы подавленные этими картинами. Казалось странным, что такие огромные изменения могут произойти на земном шаре только оттого, что Гольфстрим отклонит свой путь на два-три десятка градусов к западу.

– Фу! – произнес наконец Ромейко. – Страшен сон...

– К счастью, – сказал Шелавин, – на такие подвиги техника еще не способна.

– Пока, – заметил Марат, – Но в будущем и это станет для нее возможным.

– Марат прав, – спокойно вмешался комиссар, – но к тому времени, я убежден, всюду, по крайней мере в культурном мире, будет уже господствовать коммунистический строй, и он не допустит такого варварства. Если коммунистическое человечество сможет управлять погодой, то оно разумно и гуманно распределит теплоту по всей поверхности нашей земли.

– Правильно, товарищ комиссар! – закричал Марат. – Но сейчас мы уже можем и должны исправить и устранить маленькие сравнительно каверзы природы...

– Ах да! – улыбнулся Цой. – За всеми этими американскими ужасами мы забыли о маленьких проектах Марата. Надеюсь, они сулят нам только приятное?

– Даю полную гарантию, что никто возражать не будет. Я берусь согласовать проект со всеми заинтересованными лицами, учреждениями и государствами. Я предлагаю закрыть холодному течению выход из Охотского моря через Татарский пролив. Я предлагаю при помощи моей преграды заставить это течение обогнуть северную оконечность Сахалина и при выходе в центральную часть Охотского моря слиться с главным круговоротом этого моря.

– Какую же преграду ты предполагаешь поставить перед входом в Татарский пролив? – спросил Крутицкий. – Тоже, наверно, плотину длиной, если не в сотни километров, как американские, то в десятки?

– Нет! – воскликнул Марат. – По-моему, не хуже плотины смогут послужить... водоросли...

– Что?! Водоросли?! Какие водоросли? – посыпались со всех сторон недоуменные вопросы.

– Ты окончательно сошел с ума, Марат, – заявил Матвеев. – Пойдем, я тебя отведу к Арсену Давидовичу, он тебе даст чего-нибудь успокоительного...

– Из удивления рождается любопытство, – рассмеялся

Шелавин, – а любопытство ведет к познанию и науке. Подождите, товарищи, дайте Марату досказать.

– Ну хорошо, досказывай, Марат! – решительно произнес Матвеев. – Но предупреждаю: если ты опять понесешь свою ахиною, я тебя поймаю в каком-нибудь темном закоулке океана и... Глядите, – жалобно обратился он ко всем сидящим за столом, – у меня уже половина тетради занята его проектами и научным опровержением их...

– Готов пострадать за науку! – под общий смех воскликнул с пафосом Марат, вскакивая со стула. – А ты слушай, поражайся и записывай для потомства, – обратился он к Матвееву. И затем уже совершенно серьезно продолжал: – Вы должны вспомнить, товарищи, что нам Арсен Давидович рассказывал в последней беседе о водорослях. После этого я успел кое-что еще почитать о них. Он говорил о гигантских водорослях, растущих в невероятных количествах возле островов Огненной Земли, Фолклендских островов, по обоим, восточному и западному, побережьям Южной Америки, в их бесчисленных бухтах, заливах и проливах. Эти водоросли часто достигают длины в двести пятьдесят – триста метров и размножаются очень быстро. У них круглый, гладкий, слизистый ствол, который достигает толщины до трех сантиметров. Они называются... они называются... – Марат перелистал свою тетрадь и скоро нашел: – Вот! Они называются «Макроцистис перифера»... Собранные в массу, они обладают необычайной силой сопротивления могучим вол-

нам океана, перед которыми часто и береговые скалы не в состоянии устоять. В этих дремучих подводных лесах, опутанных, как лианами, густой сетью более слабых и тонких водорослей-паразитов, живет целый мир рыб, ракообразных, червей, моллюсков, которые находят там пищу и приют. Так вот! Что, если бы собрать в огромных, неисчислимых количествах органы размножения, споры этих водорослей, нагрузить полностью грузовые пароходы, привезти в Охотское море и засеять ими северный вход в Татарский пролив?!

– Как же ты будешь сеять эту пыль? – спросил Белоголовый.

Он пришел на подлодку из знаменитого колхоза «Заветы Ильича», победителя на всесоюзном конкурсе колхозов по урожайности, рентабельности и культуре быта. В этом колхозе Белоголовый состоял главным поваром, получил похвальную грамоту за отличное питание своих колхозников и был направлен в Институт питания для совершенствования. Он был прекрасно знаком с правилами обработки земли, сева и уборки, и потому предложение Марата заинтересовало его.

– Как же ты будешь сеять эти микроскопические споры в морской текучей воде, при ветре и волнах? С сотен лодок, катеров и глиссеров? Ведь огрехов не оберешься!

– Не с лодок и катеров, – последовал немедленный ответ, – а с самолетов! Вот так, как производится с их помощью сев хлеба. Неужели ты не слыхал об этом?

Белоголовый смутился. Он действительно забыл об этом,

далеко уже не новом, способе сева.

– Так вот, товарищи, – продолжал Марат, – споры этих водорослей очень быстро развиваются. Если с необходимой густотой засеять ими узкое и мелкое устье пролива и затем повторить посев несколько раз, то эти гигантские мощные водоросли в короткий срок поднимутся такой плотной, несокрушимой стеной, что холодное течение, наткнувшись на них, должно будет повернуть в сторону. Таким образом...

– Цой, Цой! – возбужденно зашептал Павлик, дотягиваясь до его уха. – Как жалко! Мне надо идти на перевязку, я уже опаздываю. Какой молодец Марат! Ты мне потом расскажи, Цой, чем кончится спор. Ладно? А то Арсен Давидович будет сердиться на меня...

Глава IX

Клочок бумаги

После шума, громких разговоров и яркого света в красном уголке Павлик, закрыв за собой дверь, сразу очутился в тишине и мягком матовом свете безлюдного коридора. Тускло поблескивали лакированные стены и переборки, впереди виднелась перспектива вырезных арок, по сторонам в каждом отсеке на дверях белели эмалированные дощечки с синими надписями.

Павлик прошел уже два отсека, когда впереди послышалось щелканье автоматического замка дверей и затем при-

глушенный ритмичный скрип обуви – грузные шаги большого удаляющегося человека.

«Скворешня», – решил Павлик и прибавил шаг, чтобы нагнать своего друга, но сейчас же подумал, что каюта Скворешни находится значительно дальше и, следовательно, это кто-то другой.

Вдали, сквозь арки двух отсеков, пятно ярко освещенного снизу люка потемнело. Кто-то спускался в машинное отделение. Павлик взглянул на дощечку заинтересовавшей его двери: «Главный механик Федор Михайлович Горелов». Почему-то сразу замедлились шаги и пропало желание догонять. Павлик опустил глаза. На полу, у двери, белел маленький обрывок бумаги. Он был совершенно неуместен в этом блестящем чистотой коридоре, он резал глаза Павлику, уже привыкшему к образцовому порядку на подлодке. Павлик почти непроизвольно нагнулся и поднял бумажку, чтобы бросить ее в первый же люк мусоропровода. На бумажке промелькнули цифры, значки, обрывки слов, обычных здесь на морском судне: «...гассово море... точные координаты...» «А что такое „координаты“? – подумал Павлик. – Надо будет спросить Цоя». И продолжал читать: «... 7° 46' 36" сев. широты и 5 ...бина шестьсот пятьдес... Красные пояса ...цать шестого мая ...чно восемнадцать час... не забудьте гидро... Кро...»

Кто-то осторожно взял Павлика за локоть и наклонился над обрывком бумажки.

Павлик поднял глаза. Над ним, перегнувшись почти пополам, стоял Горелов. Он был восково-бледен. Длинные тонкие губы посерели, изогнулись в натянутой, мертвой улыбке. В его глубоко запавших черных глазах стоял страх. Высокий лоб был покрыт мелкими каплями пота.

Сам не понимая почему, Павлик вдруг почувствовал, как этот страх передался и ему. Не сводя с Горелова поднятых глаз, он испуганно бормотал:

– Это я только что... только что нашел, Федор Михайлович...

Улыбка сошла с лица Горелова. Он взял обрывок из рук Павлика, выпрямился, взгляделся в бумажку и хрипло спросил:

– Где же ты нашел ее, Павлик? А впрочем, какая чепуха! Прости, пожалуйста, что я помешал тебе... Что за чертовщина! Мне почему-то показалось, что я потерял одну секретную бумагу...

Он сунул пальцы в верхний карман своего кителя и извлек небольшой, аккуратно сложенный листок бумаги.

– А она – вот она! Лежит себе и помалкивает. Фу, до чего я перепугался, Павлик! Ты ведь знаешь, как у нас строго с военными секретами... Опускаюсь в люк, оглянулся и вижу – ты нагнулся у двери моей каюты, поднял бумажку и читаешь. У меня прямо сердце упало от испуга. Оказывается, такая чепуховина! – Он опять посмотрел на лоскуток бумажки, повертел между пальцами и рассмеялся: – И к тому же

вообще не моя. Вероятно, кто-то уронил, проходя тут. Ну, ты не сердись на меня, Павлик?

Страх еще прятался в широко раскрытых глазах Павлика и губы незаметно дрожали мелкой дрожью, но он ответил, чуть запинаясь:

– Нет... конечно... Я только очень испугался... Вы так смотрели на меня... – И Павлик слабо улыбнулся, робко глядя снизу вверх на Горелова.

– Ну, вот и отлично! Помирились, значит. Ты куда сейчас направлялся?.. Знаешь что? Я иду в электролизное отделение. Ты там бывал? Наверно, нет! А там очень интересно. Пойдем со мной. Я тебя все объясню.

Он небрежно сунул обрывок бумажки в карман, круто повернулся и зашагал по коридору. Павлик молча последовал за ним.

Они спустились в люк по винтовой металлической лестнице и попали в залитый светом нижний коридор, тоже разделявшийся водонепроницаемыми переборками на отдельные отсеки. Из каждого коридорного отсека направо и налево открытые двери вели в машинные отсеки.

Горелов, держа Павлика за руку, повел его в первую дверь направо. Они вошли в большой светлый отсек, уставленный высокими машинами и аппаратами. Некоторые из них были спрятаны целиком в металлические цилиндры, кубы, шары, оплетенные толстыми жилами проводов, соединенные друг с другом и с соседними отсеками разноцветными трубами.

Большинство же машин было заключено полностью или частично в стеклянные колпаки, и тогда ясно видна была хлопотливая работа шатунов и коленчатых валов, быстрое вращение якорей, медленное, словно задумчивое, движение шестеренок. Снаружи, на металлической и стеклянной одежде машин густо разместились разнообразные контрольные и измерительные приборы с циферблатами, круговыми шкалами, стрелками, столбиками разноцветных жидкостей, зелеными, красными, желтыми лампочками. Стрелки дрожали, трепетали или медленно ползли по своим шкалам: лампочки то гасли, то зажигались, то ровно и непрерывно горели; столбики жидкостей то поднимались, то опускались.

– Это генераторный и трансформаторный отсек, – объяснил Горелов. – Видишь вот эти толстые тросы, которые входят сюда из наружной стены? Это тросы наружных трос-батарей. Они подают сюда электрический ток, который возникает в них от разности температур между частью батареи, находящейся у теплой поверхности океана, и другой частью, опущенной по склону нашей подводной горы на глубину в четыре тысячи метров, где температура всего лишь около одного градуса выше нуля. Сюда поступает постоянный ток высокого напряжения. Часть этого тока используется нами без всякой переработки, например, для электролиза воды, а часть мощным прерывателем обращается в пульсирующий, а затем вот этот трансформатор превращает его в ток низкого напряжения, который передается по верхним – видишь,

у потолка? – проводам в левый отсек, в аккумуляторы, и заряжает их.

Павлик уже бывал здесь с Маратом, и ничего нового Горелов ему не сообщил. Все это было ему уже известно. Но сказать об этом Горелову у него почему-то не хватало духу. Он вежливо кивал головой и в то же время думал о том, что запаздывает на перевязку и что ему непременно влетит от Арсена Давидовича и даже, может быть, тот уже сам собирается искать его, Павлика. Что же делать? Можно было бы сказать об этом Горелову, вежливо, самым вежливым образом извиниться перед ним и сказать: так, мол, и так... Но нет, нет! Это совершенно невозможно. Он опять, пожалуй, рассердится. Они прошли под аркой переборки в следующий отсек – электроподстанцию для накала корпуса подлодки при ходе «на пару», когда тонкий слой горячего пара окружает судно и облегчает ему движение в воде, потом – в компрессорный отсек, где мощные компрессоры продувают сжатым воздухом балластные, уравнивательные, дифференциальные цистерны, освобождая их от водяного груза для всплытия или выравнивания подлодки. Потом шел отсек с баллонами сжатого воздуха, а за ним, заметно более узкий и низкий, опять генераторный и трансформаторный отсек.

– Да, Федор Михайлович, – вежливо кивнул головой Павлик, – мы уже как будто видели только что эти машины в первом отсеке...

И, собравшись с духом, Павлик намеревался уже изви-

ниться и сказать, что он очень благодарен, что все это страшно интересно, но что он очень спешит на перевязку и даже, наверно, опоздал и Арсен Давидович будет очень недоволен, и поэтому он просит разрешения уйти... Но как раз в тот момент, когда он почти открыл уже рот, чтобы сказать все это, Горелов подошел к противоположной переборке и возле наглухо закрытой арки нажал зеленую кнопку слева. Дверь тихо отодвинулась в сторону и скрылась внутри толстой переборки. В открывшейся арке показался новый отсек, еще более низкий и узкий, с закругленной внешней стеной; по всему было видно, что Горелов с Павликом приблизились уже почти к последней, самой узкой, кормовой части подлодки.

Павлик здесь никогда не бывал и даже не догадывался о существовании за последней переборкой еще других отсеков. В нем вдруг разгорелось любопытство, и он сразу забыл о своем намерении уйти.

Горелов вошел в новый отсек, согнувшись под невысокой аркой, и позвал:

– Входи, Павлик! Здесь не каждому удастся побывать. Входи скорее, нельзя оставлять дверь открытой.

Павлик не заставил себя дважды просить. Едва он вошел в отсек, Горелов нажал кнопку у входа, и дверь быстро задвинулась. Павлик все же успел заметить необычайную толщину переборки, отделявшей этот отсек от остальных помещений подлодки.

– Почему вы так быстро закрыли дверь, Федор Михайло-

вич? – спросил Павлик, осматриваясь вокруг.

Ничего особенного в оборудовании отсека он не заметил. На полу в два ряда стояло много герметически закрытых длинных металлических ящиков. По обеим сторонам каждого из них помещалось по небольшому кубическому ящику, соединенному с длинным ящиком изогнутыми трубками и проводами. Кроме того, в каждый длинный ящик входили с обеих сторон толстые провода и трубы различных диаметров. На ящиках и стенах отсека разместились многочисленные, разнообразных форм и систем приборы.

– Мы сейчас в камере электролиза воды, – ответил Горелов, внимательно рассматривая показания приборов на ящиках. – В этих длинных ваннах электрический ток разлагает воду на водород и кислород. Каждый газ собирается в отдельный баллон: в левый идет водород, а в правый – кислород. Отсюда оба газа переходят, каждый по своему газопроводу, в свой газгольдер на верхнем этаже. Там они уплотняются, сжимаются под большим давлением и хранятся в огромных цилиндрических баллонах. Из этих баллонов особые автоматические приборы выпускают строго отмеренные порции каждого газа, которые вот здесь, за этой перегородкой, по особой трубе перегоняются в шаровую камеру дюзы. Постучи по перегородке пальцем... Слышишь, какой глухой и тупой звук? Это указывает на большую толщину переборки. Она достигает четырех сантиметров толщины! Ты не думай, что это мало. Ведь переборка сделана из такого твер-

дого сплава, что взамен него потребовалась бы переборка из стали толщиной не менее полуметра. Если сюда проникнут газы и образуется гремучий газ, то от случайной искры может произойти колоссальной силы взрыв. Эта переборка должна выдержать силу взрыва и спасти подлодку от несчастья, а может быть, и гибели. Там, за переборкой, проходят десятки труб, по которым водород и кислород стремительно несутся к центральной и кольцевым дюзам. Кольцевые дюзы расположены вокруг центральной на самом конце подлодки; они направлены отверстиями своих раструбов прямо назад. В камере каждой дюзы, в камере сгорания, оба газа встречаются, смешиваются и образуют гремучий газ... Здесь его встречает искра, от которой он взрывается и толкает подлодку вперед. При тысяче взрывов в минуту подлодка получает скорость хода до ста пятидесяти километров в час. Кроме ходовых – центральной и кольцевых – дюз, на другом кольце, охватывающем крайнюю часть кормы, находятся еще тридцать две дюзы, направленные своими раструбами во все стороны от подлодки – вверх, вниз, вправо, влево и между этими направлениями. Это – рулевые дюзы, дюзы направления. Вахтенный командир из центрального поста управления может, нажав кнопку, произвести взрывы в одной какой-нибудь из этих дюз или в группе их. Тогда корма подлодки, получив один или несколько толчков в одну лишь сторону, например в правую, должна будет отклониться вправо и тем самым повернуть нос подлодки влево. Вот это и служит подлодке вме-

сто обычных рулей, которые всегда сильно тормозят ход судов. Нашу подлодку Крепин освободил от этого тормоза... Ну что, интересно, Павлик? – улыбаясь, спросил Горелов.

– Очень интересно, Федор Михайлович! Скажите, пожалуйста, а может ли «Пионер» дать задний ход?

– Может. Для этого служит еще одно, верхнее кольцо дюз, обращенное своими раструбами вперед, к носу. Особая кнопка на щите управления в центральном посту переводит путь гремучего газа в это верхнее кольцо дюз, и газ, взрываясь там, бьет вперед и толкает подлодку назад. Видишь, как это все хорошо продумано! Управление дюзами и взрывами можно производить и отсюда, вот с этой доски. Но это строго запрещено без какой-нибудь исключительной надобности – в случае, например, неисправности центрального поста, аварии, крушения.

Горелов внезапно замолчал, как будто что-то вспомнив, и, улыбнувшись, спросил:

– Да! Скажи, пожалуйста, Павлик... я не обратил тогда внимания и выбросил бумажку... не помнишь, что на ней было написано?

Увлеченный каким-то прибором, на котором стрелка быстро и упорно лезла кверху, Павлик, не думая, ответил:

– Нет, Федор Михайлович, не помню... какие-то обрывки цифр... Я даже не успел рассмотреть... А почему эта стрелка ползет вверх и так быстро?

– Стрелка показывает возрастание давления в этом балло-

не – баллон, значит, переполнен газом; но сейчас другой автоматический прибор выпустит из него излишек, и к стрелке опять вернется ее спокойный ход.

Так и случилось. Возле прибора со взволнованной стрелкой загорелась желтая лампочка, стрелка вздрогнула, остановилась, поползла назад, потом опять остановилась и медленно, едва заметно для глаза, снова поползла вверх.

– До чего интересно! Как будто живые машины. Сами за собой следят. Большое спасибо, Федор Михайлович! Вы мне разрешите уйти? Мне уже давно надо было явиться на перевязку. Арсен Давидович, наверное, страшно сердится.

Павлик говорил теперь оживленно, уверенно и без всякой робости. В самом деле, почему он до сих пор так стеснялся Федора Михайловича? Право, он совсем простой человек. Молчаливый только, сумрачный. А сейчас совсем напротив: почти даже веселый, шутит. И какие интересные вещи показал, как интересно объяснил!..

Павлик быстро, чуть не бегом, поднимался по винтовой лестнице, но посередине ее вдруг остановился, постоял минуту в нерешительности и скатился обратно в генераторный отсек.

С веселым лицом он бежал мимо знакомых уже машин. Федор Михайлович так хорошо объясняет... Почему же не спросить у него? И он тоже, наверное, будет доволен. Он так охотно все показывал и объяснял...

Горелов неподвижно стоял перед закрытой наглухо аркой,

опустив длинные руки, нахмурившись, с устремленными в одну точку глазами. Звонкий голос Павлика и быстрый топот его ног как будто вернули Горелова откуда-то издалека сюда, в ярко освещенный отсек подводного корабля. Он не сразу пришел в себя и первое мгновение смотрел на оживленного Павлика с недоумением.

– Федор Михайлович, я вспомнил. Объясните мне, пожалуйста, что такое «координаты»... «точные координаты»... мне очень интересно.

Горелов вздрогнул, мучительно закашлялся. Лицо его исказилось – вероятно, из-за этого неожиданного припадка кашля. Впрочем, все это быстро прошло. Горелов вытер платком лицо и глухо спросил:

Координаты?.. Где тебе встретилось это слово, Павлик?

– Да в той бумажке, которую я нашел в коридоре... Я этого слова не понял, и оно мне запомнилось. Я хотел было спросить у Цоя, но вы, наверно, лучше объясните...

Горелов легонько потрепал Павлика по плечу и почти ласково усмехнулся:

– Очень тебе благодарен за доверие. Приходи, голубчик, когда угодно и за какими угодно объяснениями. Всегда к твоим услугам. А координаты... М-м-м... Координаты – это такие величины, при помощи которых в географии, в морском, скажем, деле устанавливается... М-м-м... Ну, как тебе сказать?.. Определяется точное положение какой-либо точки на плоскости или в пространстве... Ну вот... Понятно,

Павлуша?

По правде сказать, Павлик не совсем понял это объяснение, но ему не хотелось сознаваться в этом. Да, в конце концов, не так уж важно полностью понимать это странное слово.

– Все попятно, Федор Михайлович. Большое спасибо! Бегу к Арсену Давидовичу. Ну и влетит же мне!

Глава X

В чаще водорослей

Огромная черепаха, испуганно выпучив черные блестящие, как крупные бусы, глаза, поводила головой на длинной, вытянутой шее, ныряла вглубь, бросалась из стороны в сторону, распластав широкие, плоские, словно весла, ласты, потом птицей взмывала кверху.

Радуюсь быстроте и ловкости своих движений, счастливо смеясь, Павлик носился вслед за черепахой, не отставая от нее, то хватая ее за ласты или за короткий, толстый у основании и острый у конца хвост, то обгоняя ее, то почти совсем ложась на ее горбатую твердую спину, всю из овальных, как темные изразцы, щитков.

Кругом шныряли синеполосые лоцманы, пестрые губаны и попугай-рыбы; уродливые бычки взлетали со дна и падали обратно; медлительно и вяло проплывали пятнистые спинороги с твердой крупной чешуей и тремя острыми лучами на

спине; молнией проносились великолепные золотистые до-
рады. Компания больших бледно-бурых морских угрей, из-
виваясь, проскользнула стороной куда-то по своим делам.
Насмерть перепуганная этим необычным волнением, еж-ры-
ба, неуклюже работая изо всех сил, устремилась ввысь и, вы-
сунув над поверхностью воды нос, похожий на хоботок, на-
брала воздуха, раздулась в шар и перевернулась на спину,
выставив во все стороны, на страх врагам, свои многочис-
ленные иглы. Стадо физалий, прекрасных сифонофор, бле-
щущих роскошью золотисто-синей окраски, окружило Пав-
лика и его черепаху и было в тот же миг рассеяно их бурной
возней.

Черепаха наконец совсем обезумела, когда настойчивый
преследователь вдруг схватил ее за хвост и потащил к тем-
невшей невдалеке чаще водорослей. Раскрыв свой твердый
крючковатый клюв, коричневый и словно лакированный,
она изо всех сил загребала ластами, но ничего не могла сде-
лать. Всей мощностью пятидесяти лошадиных сил, заключенных
в его крохотном электромоторе, Павлик тащил черепаху за
собой.

Они оба ворвались в завесу водорослей, внеся ужас и смя-
тение в мир существ, населявших эти почти неизвестные лю-
дям подводные джунгли.

Вокруг Павлика и черепахи взметнулся рой креветок, рач-
ков, червячков, морских паучков, крабов, живущих на стеб-
лях водорослей, питающихся ими, рождающихся на них и на

них же умирающих. Маленькие и крупные рыбы юркнули в чашу водорослей, так что Павлик не успел даже разглядеть их. Впрочем, ему было не до этого.

Павлик совершенно не предвидел того, что могут сделать эти хрупкие, скользкие, состоящие на девяносто процентов из воды растения, когда они встречаются в такой массе. На пятом метре их пути среди водорослей черепаха навертела на свои ласты, на хвост, на шею столько стеблей и листьев, что не в силах уже была сделать ни одного движения. Не в лучшем положении был и Павлик. Хотя руки и ноги были у него сравнительно более свободными, но зато винт запутался в водорослях, и Павлик очутился в таком же беспомощном положении, как и черепаха. Он бросил свою добычу и попытался достать руками винт, чтобы очистить его. Но в металлических рукавах скафандра это было невозможно.

«Вот неприятность! – подумал он с беспокойством. – Самому не выбраться... Придется вызывать на помощь...» И произнес вслух:

– Арсен Давидович!

Что тебе, бичо? Где ты? – слышался в ответ знакомый голос.

– У меня тут неприятность, Арсен Давидович... Я попал в чашу водорослей, и винт запутался в них. Вот...

– И ты не можешь двинуться с места?

– Да... И черепаха тоже...

– Какая черепаха?

– Большая... такая. Я ее поймал и тащил к вам...

– Ты с ума сошел, бичо! – расхохотался зоолог. – Как ты ее тащил?

– За хвост...

Хохот раздался с утроенной силой, так как к баритону зоолога присоединились раскатистый бас Скворешни и тихий смех Цоя.

– Где же ты там застрял? – спросил, отсмеявшись, зоолог.

– Снаружи... со стороны океана... сейчас же за поворотом. От вас направление норд-ост.

– Понятно, – сказал Скворешня. – Какая глубина?

– Семьдесят восемь метров, – ответил Павлик, посмотрев на глубомер.

– Ну ладно, бичо. Стой хладнокровно. Скоро буду возле тебя. Когда скажу, начни пеленговать.

– Хорошо, Арсен Давидович.

Павлику было и смешно и неловко: люди заняты важным делом, а тут приходится отрывать их. Из-за глупости. Зачем нужно было продирается через водоросли, когда можно было обойти их стороной? Скорей хотелось. А надо было сообщать! Если бы хоть секунду подумал, понял бы, что здесь можно так запутаться, что не выберешься.

Павлик посмотрел на водоросли с новым вниманием и любопытством.

Они стояли вокруг него – прямые, спокойные, сплетенные в несокрушимую, как будто тюремную решетку. Их корич-

ные, оранжевые, золотисто-оливковые круглые стебли несли на себе длинные, то мелко зазубренные, то с крупными вырезами листья, согнутые по длине, как ладонь. Другие стебли, безлистые, разветвлялись на массу мелких тоненьких веточек. Но все были усыпаны то крупными, то мелкими воздушными пузырьками, державшимися, как вишни, на тонких черенках. Стебли и листья были покрыты как будто пятнами белого мха. Но Павлик уже знал, что то был не мох, а колонии странных животных – мшанок, похожие то на тонкий кружевной узор, то на искусное произведение гравера по слоновой кости.

Павлик не мог надивиться их скромной красоте. Они напоминали ему старинную китайскую шкатулку из слоновой кости, всю в ажурных узорах, которую давно когда-то подарили в Шанхае отцу в день его рождения. Павлик даже вскрикнул от неожиданного воспоминания: ведь именно сегодня, двадцать шестого мая, день рождения его отца! Павлик всегда с таким нетерпением ждал этого дня еще задолго до его наступления. Он сулил ему столько удовольствий и радости... А теперь забыл...

Двадцать шестое мая... Мысль об отце, раненном, одиноком принесла с собой грусть. Но внезапно всплыла новая мысль. Двадцать шестое мая... Где-то подавно Павлик еще по какому-то другому поводу встретился с этим числом... Где? Когда? Двадцать шестое мая... Двадцать шестое мая... Вдруг рядом с ним на плоском листе водоросли зашевели-

лось какое-то серовато-белое пятно, выпустило лапки и усики, подняло клешни. Еще миг – и крохотный, но самый настоящий краб оливкового цвета, с белым пятнышком на спине быстро побежал по листу, лавируя между стебельками изящных гидроидных полипов – кладокории, – разросшихся крохотной рощицей на этом листе. Маленький червяк наполовину высунулся в это время из закрученной раковины как раз на пути краба. Прежде чем он успел юркнуть обратно в свою норку, краб схватил его клешней, вырвал целиком из раковинки и отправил в рот.

Нарушенное Павликом и черепахой спокойствие восстановилось, и замершая было жизнь опять вступила в свои права.

Павлик забыл обо всем, захваченный необыкновенным зрелищем. Белые пятна то здесь, то там начинали вдруг двигаться и оказывались то на спине темно-зеленой креветки или оливкового краба, то венчиком серых щупалец на маленькой золотисто-оранжевой красавице актинии.

– Вот хитрые! – сказал вслух изумленный Павлик. – Как притворяются!

– Кто хитрый, бичо? – неожиданно раздался голос зоолога. – Кто притворяется?

Павлик так увлекся своими наблюдениями, что забыл, где он и что вокруг него. Впрочем, он сейчас же пришел в себя и ответил:

– Тут такая масса животных живет на водорослях, и все

страшно похожи на мшанок. Я их даже сразу не различил...

– А-а-а... Это называется мимикрия, бичо. Животные принимают окраску или внешний вид окружающих предметов и благодаря этому спасаются от врагов или делаются незаметными для добычи.

Во всех щелях между стеблями и листьями водорослей показывались и исчезали странные существа, которых Павлик не заметил и не разглядел в первые минуты своего появления в этой чаще. Все они были невелики – пятнадцать – двадцати сантиметров в длину – и держались в воде вертикально, как будто стоя. Их головы и шеи были совершенно похожи на лошадиные, при этом морды были вытянуты в трубку, и посередине трубки, на бугорке, вроде бородавки, торчали кверху два длинных луча, загнутых, как клыки. На гордо изогнутой шее стояла дыбом растрепанная реденькая грива. Шея пониже переходила в кругленькое брюшко. На спине у конца шеи стоял, похожий на раскрытый полукруглый веер без ручки, плавник. Сейчас же за коротеньким брюшком начинался длинный гибкий хвост, скрученный впереди спиралью. Бледная пепельно-бурая окраска этих странных существ отливала порой то тускло-синим, то зеленоватым цветом.

«Ну, точь-в-точь шахматный конь с хвостом», – подумал Павлик.

Это были действительно морские коньки, смешные и в то же время грациозные создания. Они во множестве про-

носились в светло-зеленых щелях между водорослями, то медленно, с важным видом выпятив брюшко, гордо задрав свои лошадиные головы и выпучив удивленные глаза, то лежа быстро разрезали воду, работая хвостом, словно маленькие паровозики винтом. Некоторые, обвив концом хвоста стебли водорослей, покачивались на них, по-видимому отдыхая и высматривая добычу. При этом оба глаза их вертелись в разные стороны, независимо друг от друга, как у хамелеона. Два морских конька, быстро проплывая навстречу друг другу, неожиданно сцепились хвостами, переплелись ими. Они делали отчаянные усилия, чтобы расцепиться, тянули, дергались в разные стороны, отчаянно вертя глазами и зацепившись подбородками за ближайшие стебли.

Павлик, затаив дыхание и раскрыв рот в широкой улыбке, не сводил глаз с этих комичных лошадок, как будто сорвавшихся с шахматной доски. Неожиданно перед самыми глазами Павлика стоя повис в воде морской конек с большим отвисшим брюшком. Он пристально смотрел на Павлика, выпучив глаза под смешной растрепанной прической из нескольких отдельно торчащих волосков.

Вдруг на нижней части брюшка морского конька кожа зашевелилась и открылась щель. Из щели показалась маленькая острая мордочка, и сейчас же из этого открывшегося кармана выскочила фигурка крохотного конька, очень похожего на большого, и до того смешная, что Павлик не смог больше удержаться и громко рассмеялся. Вслед за первым из

кармана выскочило один за другим несколько десятков этих миниатюрных созданий. Они грациозно кружились вокруг своего плавучего дома и вдруг, стремительно бросившись к нему, в один миг скрылись в спасительном кармане, владелец которого моментально исчез из глаз удивленного Павлика.

Павлик не сразу заметил, что именно так напугало это жизнерадостное семейство. Потом среди слегка колышущихся пятнистых листьев он заметил глаза – угрюмые, злобные, под хмуро нависшими бровями. Потом вырисовались толстые, мясистые губы, изогнутые, опущенные в углах, с зажатой в них тоненькой веточкой водоросли. Наконец проступила и вся толстая бизонья голова, с лохматыми рогами и лоскутной бородой. Казалось, что вся рыба состоит из шевелящихся лоскутьев и лохмотьев, которые заменяли ей плавники и хвост, а большей частью вообще неизвестно зачем были насажены и болтались на голове, под головой, на щеках, за жаберной крышкой. Множество белых пятен – больших и малых – было рассыпано по всему телу этой необыкновенной рыбы и всем ее придаткам. Но именно эти странные лохмотья и пятна делали ее совершенно незаметной в чаще пятнистых колышущихся водорослей.

«Тоже мимикрия, – подумал Павлик, – приспособляется...»

Рыба неподвижно повисела несколько секунд, не сводя угрюмых глаз с Павлика, потом, успокоенная, повернулась к

толстому стеблю и начала тыкать мордой в небольшой, с кулак, бугорок, прикрепленный над черенком широкого листа. Только внимательно взглядевшись, Павлик заметил, что этот бугорок является настоящим гнездом и что странная рыба прикрепляет к нему принесенную с собой веточку. Веточка вышла из ее рта, покрытая слизью, и крепко легла на свое место в стенке гнезда.

Очевидно, строительство гнезда этим и заканчивалось, так как рыба поднялась над ним и начала тереться брюшком о края его стенок. Из брюшка показалась нить икринок, которые рядами укладывались внутрь гнезда.

– Бичо! – опять неожиданно и резко прозвучал голос зоолога. – Начинай пеленговать! Направление – зюйд-зюйд-ост, глубина – от восьмидесяти пяти до восьмидесяти метров, частота – двадцать тысяч килоциклов, энергия – восемьдесят ватт.

Павлик быстро пришел в себя и четко, по-морскому ответил:

– Есть, Арсен Давидович! Направление – зюйд-зюйд-ост, глубина – от восьмидесяти пяти до восьмидесяти метров, частота – двадцать тысяч килоциклов, энергия – восемьдесят ватт.

Он поспешно снял с пояса плоский ультразвуковой пистолет, определил по компасу на левой руке направление, а по глубомеру высоту. Затем, подняв пистолет и нажимая кнопку на нем, начал описывать им против себя дуги, медленно,

почти незаметно для глаза опуская дуло все ниже и ниже...

* * *

Павлик рос вдали от родины, далеко от ее радостной жизни, захватывающей борьбы с грозными силами природы и пережитками прошлых, рабских лет, далеко от ее побед и достижений. Шесть лет, таких важных для формирования человека, он провел в капиталистической Америке, в атмосфере вражды человека с человеком, рабочих с капиталистами, бедных с богатыми. Павлик жил одиноко, без матери, умершей в первый год после их переезда в тихий, патриархальный Квебек, без братьев и сестер, без друзей и товарищей.

Неожиданно, пройдя через смертельную опасность, Павлик попал на советский подводный корабль, в тесный круг мужественных людей, в сплоченную семью товарищей, привыкших к опасностям, умеющих бороться с ними и побеждать. Они покорили его сердце своей жизнерадостностью, своей товарищеской спайкой, своей веселой дружбой и легкой и в то же время железной дисциплиной. Родина – сильная, ласковая, мужественная – приняла Павлика в тесных пространствах «Пионера». Она вдохнула в него новые чувства, вызвала в нем страстную жажду быть достойным ее, горячее желание подражать и быть похожим на ее лучших сынов, к которым он попал.

За несколько дней, прошедших после памятной и счаст-

ливо перенесенной опасности, Павлик многому научился. Он основательно познакомился со своим скафандром, который подобрал ему Скворешня из самых малых размеров, имевшихся в запасе на подлодке, с ультразвуковым пистолетом, узнал, как применять его в качестве оружия и как пользоваться им для связи и сигнализации. Он научился ориентироваться в морских глубинах по глубомеру и компасу; научился пеленговать и принимать пеленгацию по своему радиоаппарату, всплывать и опускаться на дно, регулируя свой воздушный мешок за спиной; запускать и останавливать винт, управлять рулями и помогать им руками и всем телом.

Поэтому он так ловко преследовал черепаху и так уверенно пеленговал своим друзьям при помощи ультразвукового пистолета.

Дело заключалось в том, чтобы попасть ультразвуковым лучом в мембрану на груди у кого-нибудь из его друзей. Там луч превращался в слышимый звук, и по чистоте и ясности его определялось, какого направления надо держаться, чтобы добраться до источника звука.

Через три минуты, обрезая кортиком водоросли на бинте Павлика, зоолог говорил:

– Эта черепаха мне не нужна, Павлик. Лучше бы искал мою *Lammelibrachtata cephalo*. Я уже не решаюсь даже прибавлять свое имя к имени класса, который существует пока в лице лишь одного-единственного индивида. Какая дикая

несообразность!

Он грустно вздохнул.

– Ну, Арсен Давидович, не огорчайтесь, – пробовал утешить его Павлик. – Вот увидите, не здесь, так в другом месте, но мы обязательно отыщем вам эту цефалу...

– Ну, вот ты и свободен, Павлик. В другой раз... Стоп, что это такое? – прервал вдруг зоолог самого себя.

Павлик посмотрел в ту сторону, куда повернулся ученый. Сквозь стебли водорослей Павлик заметил фигуру большого человека в синеватом скафандре, поднимающуюся к поверхности при помощи за спинного винта. Человек держал в руках три гибких кольцевых шланга, окрашенных в ярко-красный цвет. Проскользнув на расстоянии двадцати метров от зоолога и Павлика и спугнув стайку серебристых рыбок, ливнем пронесшихся вниз, человек быстро скрылся вверху за густой стеной растений.

– Странно, кто бы мог быть здесь? – спросил задумчиво зоолог, продолжая неподвижно смотреть наверх. – Мне помнится, что из подлодки должны были сегодня выйти, кроме нас с тобой, лишь Шелавин, Скворешня, Цой да Марат... Скафандр этого человека, наверно, нулевой, а таких крупных людей у нас, кажется, только двое – Скворешня и Горелов... Но Скворешня занят... Неужели Горелов?..

– Арсен Давидович! – прервал зоолога Павлик. – Зачем же он поднялся кверху? Ведь по приказу капитана никто не имеет права быть на глубине меньше пятидесяти пяти мет-

ров от поверхности...

Зоолог пожал плечами под скафандром:

– Не могу понять. Впрочем, он, кажется, перед тем как скрыться из наших глаз, переменял направление и лег горизонтально. Дай-ка я спрошу его по радио. Ведь скоро обед...

Глава XI

Испанская каравелла

Своеобразное жужжание зуммера – вызов к радиотелефону – отвлекло зоолога от его намерения. Едва лишь он и Павлик настроили свои аппараты на требующуюся волну, как послышался возбужденный голос Марата:

– Арсен Давидович, Арсен Давидович! Товарищ Лорд, отвечайте! Вы когда-нибудь ответите или нет?

– Да, я слушаю! Слушаю, Марат! – едва успел бросить в этот поток слов зоолог. – В чем дело?

– Идите сюда скорее, товарищ Лорд! Замечательная вещь! Какая находка! Какая редкая находка! Вы идете или нет?

– Да что там такое? – спросил зоолог. – Что случилось? Где ты? Откуда ты говоришь?

– Скорее, скорее! Сами увидите, – торопил Марат. – Скорее плывите вест-норд-вест от места ваших работ; глубина – сто четыре метра; вы встретите массу скал... одну огромную, похожую на собор. За нею будет гореть мой фонарь. Только скорее, а то я здесь с ума сойду...

– Хорошо, хорошо, сию минуту плывем! – крикнул зоолог, заразившись волнением Марата. – Мы сейчас будем у тебя с Павликом.

– Ах, с Павликом! – воскликнул Марат. – Это очень хорошо! Тебе будет страшно интересно, Павлик!

Зоолог и Павлик неслись почти лежа в сине-зеленых сумерках, рассекая шлемами и плечами воду и время от времени поглядывая на компас и глубомер.

Что этот чудак там нашел? Как ты думаешь, бичо? – спрашивал зоолог. – Ну что тебе стоит сказать, Марат! В чем там дело, а?

– Некогда, товарищ Лорд, – ответил, задыхаясь от какой-то работы, Марат. – Я тут пока раскопки делаю. Вот увидите сами... Сейчас здесь будут Цой и Скворешня. Я их тоже вызвал.

Внизу показалось дно, усеянное темными глыбами, густо заросшее морскими лилиями, морскими перьями, горгониями, известковыми водорослями, или нуллипорами, и медленно, незаметно для глаза повышающееся навстречу пловцам. Чтобы не налететь на скалы, пришлось перевести винт на пять десятых, а потом на две десятые хода. Из зеленоватых густых сумерек показалась высокая мрачная скала, похожая на башню. Ее тесно окружали несколько других – тонких, вытянутых, со шпилями.

– Здесь, наверно, – сказал зоолог.

Лавируя среди глыб и осколков и избегая водорослей,

они тихо обогнули огромную скалу, за которой открылась небольшая подводная поляна.

Возле темной массы, возвышавшейся на противоположном краю поляны, двигалось из стороны в сторону яркое, слегка расплывчатое пятно света.

– Вот и мы! – сказал зоолог, зажигая фонарь на своем шлеме. Павлик зажег и свой фонарь. Стало довольно светло. Марат с яркой звездой, горевшей на его лбу, стоял в усталой позе, опираясь на лопату, возле кучи свеженарытого песка и небольших осколков. Видны были его потное лицо, полные восхищения и радости глаза и торчащий кверху хохолок на темени – в скафандре Марат был лишен возможности бороться с ним: хохолок, как всегда в этих случаях, торчал с особо торжествующим, почти наглым видом.

– Ну что тут у тебя? Показывай! – нетерпеливо спросил зоолог.

Морские перья, словно живые страусовые опахала, шевелились, взволнованные движениями Марата. По их стволам и бородкам пробегали порой зеленые и голубые искорки, то потухая, то вновь зажигаясь. Золотисто-бронзовые горгонии на высоких, тонких, как бечевка, стеблях поднимали спиральной дорожкой штопора свои тончайшие и нежнейшие ответвления. Вездесущие морские ежи, морские звезды, голотурии, офиуры, моллюски лежали, ползали по дну, карабкались по скалам, по темным отвесным бокам того странного возвышения, возле которого стоял Марат.

Несмотря на то что это возвышение сплошь обросло известковыми водорослями, или нуллипорами, единственными из водорослей, способными развиваться даже в этих, почти лишенных света, глубинах, – одного взгляда, брошенного на него зоологом, было достаточно, чтобы он закричал с восхищением и радостью:

– Корабль! Испанская каравелла!

Он бросился к этим останкам давно погибшего судна и стал торопливо обрывать все, что покрывало их в течение многих веков, проведенных ими под толщами чистейших саргассовых вод.

– Очищайте, очищайте скорее этот остров! Ищите пробонину, чтобы пробраться внутрь! – взволнованно кричал он. – Это мировое открытие! Марат! Ты прославишься на весь мир! Как ты напал на эту замечательную находку? Как ты распознал ее в таком виде?

– Ага, я вам говорил! – торжествовал Марат, ожесточенно работая лопатой, которой он очищал борта корабля. – Я был уверен, что вы оцените ее. Как я узнал? Как и вы: по корме и по носу. Видите, как они приподняты и как между ними борта опущены и изогнуты.

Павлик, увлеченный общим волнением, рвал руками водоросли, хватал морские перья, не боясь ожогов, которые он неминуемо получил бы, если бы прикоснулся к ним голыми руками.

– Что за горячка? – слышался вдруг густой голос Скво-

решни. – С ума вы тут походили?!

Вместе с Цоем он опустился на дно рядом со всеми, и некоторое время, ожидая ответа, оба с удивлением смотрели на своих друзей.

– Чего ты стоишь, каланча? – накинулся на Скворешню, не прерывая работы, Марат. – Очищай корабль! Не видишь, что ли!

– Эге! – воскликнул Цой. – Здесь пахнет археологией. Живо за работу, Андрей Васильевич! – И он энергично присоединился к зоологу, срывавшему толстые стебли водорослей.

– Корабль?.. Археология?.. – протянул, все еще ничего не понимая, Скворешня. – А верно, похоже на корабль. Да что же вы с ним намерены делать? Чего ради очищать его от этой пакости?

– Как вам не стыдно, товарищ Скворешня? – возмутился зоолог, упираясь ногой в бок судна и дергая изо всех сил пучок неподдававшихся морских лилий.

– Ведь это старинный испанский корабль эпохи Колумба и Кортеса. Это бесценная археологическая находка. Может быть, в его каютах и трюмах мы найдем драгоценнейшие исторические материалы.

– Так что же вы сразу не сказали? – заторопился гигант. – Корабль, корабль, а какой корабль – не говорят...

Он зажег свой фонарь, вынул кортик, и работа закипела с удвоенной силой.

– Марат, поднимись на палубу, – сказал зоолог, – может

быть, там легче пройти во внутренние помещения.

Впустив немного воздуха в свой заспинный мешок, Марат поднялся с грунта и скоро встал на юте. Однако работать там было совершенно невозможно. Ноги проваливались в груды обломков, заросших кораллами, нуллипорами, наполненных разнообразными полипами, иглокожими, моллюсками. Все же он попытался разобрать обломки, ища вход в капитанскую каюту, которая в каравеллах того времени всегда помещалась на юте, возле руля. Внизу, под кормой, работал Скворешня, посередине – зоолог, а у носа – Павлик. Корма осела прямо на одну из скал, окаймлявших поляну, и задралась кверху, а носом судно наполовину зарылось в грунт. Между форштевнем и скалами было метров пять свободного расстояния. Дальше гряда скал отходила в сторону и, слабо освещаемая фонарями, скрывалась в густом сумраке глубин.

Павлик бросил туда взгляд. Ему показалось, что нечто длинное бледно-серое зашевелилось у скал. Он посмотрел внимательнее, но ничего подозрительного не заметил.

«Надо с другого борта посмотреть, – подумал он. – Может быть, пробоина там...»

По ту сторону судна оказалась небольшая поляна с разбросанными по ней отдельными глыбами скал и кучами мелких обломков. Поляна и здесь замыкалась невысокой полукруглой грядой скал, среди которых чернели пятна небольших гротов и пещер, обросших вокруг отверстия водорослями и разнообразной придонной фауной.

Павлик осторожно пробирался вдоль борта судна, обходя и перелезая через скользкие обломки скал. Время от времени ударял кортиком по деревянным, но почти уже окаменевшим под действием времени и морской воды бортам судна.

Так он дошел почти до кормы, когда вдруг рука с кортиком, не встретив сопротивления, легко погрузилась куда-то внутрь судна. У Павлика замерло сердце от радости. «Пробойна, – подумал он. – Сказать?.. Нет, осмотрю сначала сам!..»

Несколькими ударами кортика он обрубил гирлянды водорослей и просунул шлем с фонарем в открывшееся отверстие. Осветилось небольшое пространство. Груда каких-то четырехугольных и круглых предметов, сплошь заросших мелкими водорослями и раковинами, возвышалась с левой стороны. В этих предметах Павлик угадывал ящики и бочки. Путаясь ногами в чаще водорослей и морских перьев, которые от раздражения непрерывно мерцали зелеными и желтыми огоньками, Павлик сделал шаг внутрь судна. Пробойна оказалась огромной и легко пропустила мальчика. Он встал на ближайший ящик, поскользнулся на сплошном зелено-буром ковре из мелких, как мох, известковых водорослей и полипов и провалился ногой в промежуток между наваленными в груду предметами.

Он с трудом высвободил ногу из западни и, поднимаясь, заметил, что в свободном пространстве вправо от входа, сверху и внизу шевелились и извивались какие-то длинные, толстые, как будто змеиные, тела. «Канаты, наверно, судно-

вые», – подумал Павлик. Он сошел с ящика и, обходя грудку, начал осторожно пробираться в глубь трюма. Через два шага он наткнулся на лестницу, поднимающуюся к палубе. Едва лишь он ступил ногой на первую ступеньку, как услышал голос Скворешни:

– Ага! Вот она где пробоина! Только совсем небольшая. Ахтерштевень разбит!

– Покажите, покажите! – ответил голос зоолога и тут же добавил: – А где же Павлик?

Он не успел закончить фразу, как раздался громкий тревожный крик Марата:

– Осьминоги! Осьминоги ползут! Берегитесь!

– Ну что же, примем сражение, но находку не бросим, – спокойно сказал зоолог. – Перчатки надеть! Марат, спустись к нам! Надо быть вместе. Павлик! Павлик! Скорее ко мне! Где ты?

Оцепенение, которое охватило Павлика при первом тревожном крике Марата, слетело. Он крикнул:

– Я здесь, здесь! Бегу к вам!

Павлик бросился к выходу, но запутался в чем-то ногой, упал и, пытаясь дрожащими руками освободить ногу, бормотал:

– Я иду... Я сейчас... Подождите меня...

В ту же минуту он услышал гулкий голос Скворешни:

– Ах, черт возьми! Перчатки потерял! А этого зверья тут больше десятка ползет. Ах ты, гадина! Врешь... Врешь!..

Нет, брат, меня голыми руками не возьмешь!

Освободив ногу и опираясь за спиной обеими руками, Павлик собирался уже встать. Вдруг он почувствовал, что руки сзади как будто чем-то крепко связаны, оплетены.

Ничего еще не понимая, Павлик рванулся, освободил правую руку и схватился за рукоятку кортика. Но что-то длинное, гибкое перехватило руку и с непреодолимой силой прижало ее к груди. В течение нескольких секунд по груди Павлика, по его животу, спине, ногам, извиваясь и вытягиваясь, проползали какие-то другие толстые гибкие змеи; вмиг все тело Павлика оказалось густо оплетенным, и он не в состоянии был пошевелинуть ни ногой, ни рукой. Павлик поднял глаза и вскрикнул от ужаса:

– Осьминог!..

Над ним в венце толстых кожистых канатов, расходившихся во все стороны, висел огромный черный клюв с загнутым острым кончиком. Повыше, за венцом, в глянцеви-то-коричневой округлой массе сверкали зеленоватым светом два громадных, как чайные блюда, глаза. Они бесстрастно и неподвижно смотрели в лицо Павлика, и он чувствовал, как под их холодным взглядом леденеет его кровь, немеет тело, цепенеет мозг. Он хотел крикнуть, позвать на помощь, но из горла вырвались одни лишь хриплые, нечленораздельные звуки. Потом он почувствовал, что какая-то непреодолимая сила влечет его по направлению к выходу.

Все это короткое время Павлик слышал громкое пыхте-

ние, брань и крики Скворешни:

– Меть ему в глаза, Марат! В глаза, в глаза! В тело бесцельно! Студень... желе... Вот... вот так!.. А-а-ах! А-а-ах! Вот тебе! Не сопротивляйся его щупальцам! Пусть он сам притягивает тебя поближе к глазам...

– Он мне одну руку прижал к туловищу, – слышался задыхающийся голос Марата. – Сколько их... сколько их!.. Все новые, Цой! Цой, помоги!..

– Есть помочь, – спокойно ответил Цой. – Ага!.. Не любят, голубчики, электротока. Корчатся, как береста на огне.

– Прижимайтесь к стенке, к борту! – закричал зоолог. – Не расходитесь! Павлик! Павлик! Где же ты?

– Арсен Давидович! – опять послышался ровный голос Цоя. – Без перчаток Скворешня здесь мало полезен. Пусть он лучше поищет Павли...

И вдруг все смолкло. Фонарь на шлеме погас. В окутавшей Павлика плотной тьме ничего не было видно, кроме двух сверкающих зеленоватым пламенем, как будто лукавых глаз и всюду вспыхивающих искорок на морских перьях. Павлик чувствовал лишь, что его медленно влекут куда-то, где чуть зеленеет какой-то слабый просвет – выход из трюма.

В диком, непереносимом страхе он забился в своем скафандре и громким, отчаянным голосом закричал:

– Спасите!.. Арсен Давидович!.. Марат!..

Ответа не было. Проносились обрывки мыслей, и среди них мелькнуло: «Испортилось радио... Почему?.. И фонарь.

Оба сразу. Почему?»

Вдруг крошечная надежда мелькнула в сознании Павлика: «А может быть, осьминог ничего не сможет сделать со скафандром. Меч-рыба не побила его. Кашалоту не под силу...»

И действительно, он лишь теперь осознал, что не чувствует никакого давления, никаких болей от могучих, вероятно, сжатий гигантского головоногого. Павлик сразу ободрился. Глаза уже привыкли к темноте, и Павлик, осмотревшись, увидел, что осьминог, возвышаясь над ним двухметровым холмом, держит его, опутав тремя гибкими руками, а остальными упирается в дно и ползет к выходу. Гладкое тело и руки легко раздвинули перепутанную завесу водорослей и выскользнули из трюма вместе с добычей.

Снаружи было светлее. Посмотрев кверху, Павлик заметил над судном легкое серебристое сияние.

«Они еще там... – подумал он. – Дерутся...»

Опять страх охватил его. Что, если они погибнут? Марат говорил, что этих чудовищ так много... Кто тогда придет к нему на помощь? И что будет делать с ним осьминог, если не сможет одолеть скафандр? А вдруг он разгрызет все-таки скафандр? Павлик с опаской посмотрел на огромный острый клюв головоногого. Арсен Давидович недавно рассказывал ему, что осьминоги в состоянии разгрызть и размельчить самые твердые раковины... Глупости!.. Такой твердый металл!

Осьминог отполз метров на десять от судна и остановился. Очевидно, ему не терпелось, голод торопил его. Гигант-

ские щупальца-руки, волнуясь, извиваясь, сжимаясь в бугры и растягиваясь, подтаскивали Павлика к клюву. Несомненно, осьминог напрягал всю силу своих рук, чтобы раздавить оболочку этой странной добычи, прежде чем начать пожирать ее. Однако все его усилия были напрасны. Это, очевидно, стало раздражать животное. Свет в его глазах переходил из зеленоватого в желтоватый, по телу стали пробегать разноцветные волны, меняя свои оттенки: за фиолетовой волной бежала, незаметно сливаясь и переходя в нее, серая, бурая, за ней коричневая, потом вдруг вспыхивали и пролетали вдоль всей поверхности тела белые и черные молнии, и вновь бежали и набегали друг на друга красочные полосы. Несмотря на весь ужас своего положения, Павлик как очарованный застыл на несколько мгновений.

Вдруг он почувствовал, что ноги его, помимо воли, начинают сгибаться в коленях и все больше и больше поджимаются к телу. Стало больно. С каждой секундой боль делалась острее, невыносимее. В то же время руки осьминога легко, как орех, перевернули Павлика головой вниз и начали пригибать голову к животу. То, чем так гордился Крепин, создав свой скафандр, – гибкость, – превращалось теперь в его слабое место и грозило гибелью Павлику. Осьминог скатывал Павлика, прижимая ноги к спине и голову к животу.

Павлик не выдержал и закричал от ужасной боли. И в тот же миг, как будто испугавшись этого крика, осьминог ослабил свои чудовищные объятия и поднял высоко над собой –

почти на десять метров – огромные, как удавы, руки.

Павлик свалился на песок, и, еще не придя в себя от перенесенной боли, в первый момент ничего не соображал. Но уже в следующее мгновение он увидел, как совсем близко от него пронеслась гигантская тень невероятно огромной рыбы, остановилась над ним, а хвост, величиной с ворота, шевелясь плашмя сверху вниз, даже не задев Павлика, отбросил его одним волнением воды обратно к пролому в борту судна. Павлик мягко перевернулся и сел спиной к судну. «Кашалот!» – решил он, как только смог полностью рассмотреть своего неожиданного спасителя.

Перед ним был великолепный представитель семейства из воинственного подотряда зубатых китов, не менее двадцати пяти метров длиной. Его огромная, тупая, как будто вертикально срезанная спереди голова занимала около одной трети длины и имела почти два метра толщины. Под ней, почти под прямым углом, свисала длинная узкая челюсть, вся утыканная рядами огромных конических зубов. Маленькие бычачьи глазки злобно сверкали с обеих сторон посередине головы при виде лакомой добычи.

Голова кашалота была уже вся оплетена толстыми руками осьминога. Они то отделялись от нее, и тогда клочья кожи, вырывающиеся присосками, разлетались в стороны; то вновь прилипали к телу врага, сжимая его. Одна из рук осьминога – длинная, десятиметровая змея – попала в раскрытую пасть кашалота и, как будто отрезанная ножницами, извиваясь в

конвульсиях, медленно опустилась на дно.

Кашалот был, вероятно, старым, опытным бойцом. Его черная, шелковисто лоснящаяся кожа была усеяна, как огромными оспинами, круглыми, величиной от пятака и до чайного блюдца, углублениями – следами от присосков гигантских головоногих. Несколько больших шрамов – следы китобойных гарпунов – пересекали его широкую спину и крупные бока. У самой головы еще торчал обломок гарпуна, глубоко вонзившегося в тело кашалота. Другой обломок, поменьше и потоньше, виделся на боку огромного животного, ближе к хвосту.

Однако на этот раз он встретил, очевидно, не менее опытного и опасного противника. Потеряв одну из своих рук, осьминог на один лишь миг ослабил остальные и, выбросив мощную струю воды из своей воронки, передвинулся под брюхо кашалота. Здесь он был в некоторой безопасности, так как страшная челюсть кашалота не могла его достать. Оставшиеся семь рук обвилились вокруг туловища врага и с прежней силой сжали его. Одна за другой, как стальные пружины, они взвивались кверху, вырывая кружки и полосы кожи у кашалота и вновь обвивая его. Глаза осьминога, неподвижные и яростные, горели желтым пламенем, кольца вокруг них вздулись. Он глубоко и сильно дышал, и вода вливалась под его мантию, грозно раздувая тело, и выбрасывалась из воронки, как из мощного насоса, вызывая вокруг водовороты, в которых вращались мелкие придонные животные, пустые рако-

вины, обрывки водорослей, галька, песок и муть.

Потеряв из виду врага и бесцельно хлопая нижней челюстью, кашалот завертелся на месте, задел хвостом борт судна и сорвал с него огромное полотнище водорослей. Струя воды повалила при этом Павлика на дно, но он сейчас же опять сел и прижался к судну под нижним изгибом его корпуса, боясь двинуться с места. В следующий момент, очевидно поняв, где скрылся осьминог, кашалот опустил на дно, всей своей тяжестью придавив к нему двухметровое тело врага. Однако, распластавшись под брюхом кашалота, осьминог продолжал сжимать его и рвать его кожу. Тогда кашалот, медленно двигаясь назад, стал волочить осьминога по дну, через острые камни.

Скоро осьминог почувствовал всю губительность этого маневра. Его рыхлое, студенистое тело начало покрываться глубокими порезами и ранами, отрывались кожа и куски мяса, и сам он мало-помалу съезжал с брюха к голове, к страшным челюстям кашалота.

Медленное и убийственное движение кашалота шло как раз в сторону судна, к тому месту, где окаменевший в смертельном испуге Павлик наблюдал эту битву подводных гигантов. Живая гора надвигалась боком на него, грозя прижать к борту корабля. Он хотел бежать к носу корабля, но боялся пошевеливать даже пальцем, опасаясь привлечь к себе внимание разъяренных бойцов. Он оглянулся, надеясь проскользнуть в пробоину и скрыться в корпусе судна, но про-

боина оказалась слишком далеко. Вот кашалот проволочит свою добычу еще немного, и его страшная пасть и не менее страшные руки осьминога очутятся совсем близко от Павлика.

Павлик наконец не выдержал, вскочил на ноги и в приступе отчаяния начал хвататься за стебли водорослей, морских лилий и гидрополипов, пытаясь вскарабкаться по ним наверх. Он цеплялся ногами за приросшие к бокам судна раковины, пальцы рук впивались в какие-то щели.

В смертельном ужасе, скользя и обрываясь, он упорно лез вверх, с трудом завоеывая каждый сантиметр.

Он достиг уже почти половины высоты судна, когда гора настигла его. Со страшной силой она ударила его по ногам. Ноги сорвались со своей ненадежной опоры, из рук выскользнул пучок водорослей, и, повернувшись, как на оси, Павлик лицом и грудью упал на скользкую спину кашалота. Падая, он успел заметить, что несколько рук осьминога захвачены огромной челюстью и гигантское головоногое беспомощным мешком повисло под головой кашалота. Павлик скользнул по боку кашалота вниз, но сейчас же почему-то остановился и повис на нем. В то же мгновение кашалот вздрогнул, яростно метнулся в сторону от судна, отбросив изуродованное, но еще живое тело осьминога, и в каком-то исступлении закружился над поляной с висящим на его боку Павликом.

Нельзя было понять, что произошло. Павлик, ничего не

соображая и инстинктивно хватаясь руками за скользкую спину кашалота, каким-то далеким уголком сознания заболел только о том, чтобы не свалиться и не попасть под ужасные удары хвоста, который со страшной силой работал совсем близко.

В следующую секунду кашалот взвился кверху, потом бросился вниз, с чудовищной быстротой пронесся над судном и умчался в темные глубины океана. Последнее, что успел заметить Павлик, были яркие лучи света от четырех фонарей и четыре человеческие фигуры в густом клубке извивающихся, как змеи, щупалец. Затем все пропало. Плотный мрак окружил Павлика и с непреодолимой силой давил на его грудь и голову, отбрасывая назад ноги, как будто стараясь сорвать его с места и бросить в ужасную гигантскую мясорубку позади... Павлик с трудом пригнул голову к спине кашалота и в изнеможении, окончательно лишившись сил, закрыл глаза...

Глава XII

Погоня

Марат открыл глаза, безучастно посмотрел вокруг себя. Потом он стремительно поднялся и сел на койку.

– Он унес Павлика! – закричал Марат в отчаянии. – Он унес его! Спасите Павлика, капитан! Скорее! Скорее!

В одном белье Марат вскочил с койки, бросился к дверям,

порываясь куда-то бежать, что-то делать. Ни капитан, ни зоолог, ни стоявший поодаль комиссар не успели его удержать. Но в эту минуту в дверях показался Горелов, Марат очутился в его длинных сильных руках.

– Что ты говоришь, Марат? Кто унес? Откуда ты знаешь? – взволнованно спросили капитан и зоолог, отводя больного на место.

– Я видел, – бормотал Марат, бессильно опускаясь обратно на койку. – Кашалот... огромный... пронесся над нами... держал Павлика на себе...

Он опять устало закрыл глаза, его обычно смуглое лицо посерело, и казалось – сознание еще раз покидает его.

Зоолог, в белом халате, вновь склонился над Маратом.

– Что это может значить? – спросил капитан.

– Разумеется, бред и больше ничего, – сказал Горелов.

– Да, скорее всего, – согласился зоолог, растирая грудь Марата. – И это заставляет меня опасаться, что у него сотрясение мозга. Вероятно, от электрического удара перчаткой осьминог в предсмертной конвульсии швырнул Марата на стену корабля. Во всяком случае, ни я, ни Скворешня кашалота не видели.

В госпитальный отсек вошел океанограф Шелавин.

– Вы о кашалоте? – спросил он, посмотрев сквозь криво сидящие очки на зоолога. – По правде сказать, я тоже за всю свою жизнь такого экземпляра абсолютно не видел. Абсолютно. Все в недоумении посмотрели на Шелавина и потом

переглянулись.

– О каком кашалоте вы говорите, Иван Степанович? – спросил зоолог.

– Да о том самом кашалоте, который промчался надо мной, как сумасшедший, перепутал все мои шары, сорвал с места буй с батометрами... Вообще испортил всю мою сегодняшнюю работу по изучению течений. Он так несся, как будто чувствовал себя на гарпуне.

– Когда вы его видели? – быстро спросил капитан.

– Часа три назад.

– Где вы были в это время?

– На гидрофизической станции номер три, глубина триста метров, в восемнадцати километрах к юго-востоку от базы.

– Какого направления он держался?

– Точно: с норда на зюйд.

– Как раз по направлению от поляны осьминогов к станции номер три! – с удивлением сказал зоолог. – Может ли это быть простым совпадением?

В это время Марат глубоко вздохнул и медленно открыл глаза. Он спокойно осмотрел всех окружавших его и слабым, прерывающимся голосом сказал, как будто продолжая разговор:

– Я отлично... ясно видел. Павлик висел... на боку кашалота. Кашалот пронесся над нами... не более чем в десяти – пятнадцати метрах... На его спине... у головы... торчал обломок гарпуна.

– Верно! – вскричал, разводя руками, Шелавин. – Абсолютно верно! Торчал! Действительно, обломок торчал! Значит, мы видели одного и того же негодяя. Он мне всю станцию испортил.

– Но почему же, в таком случае, вы не видели Павлика на боку кашалота? – взволнованно спросил зоолог.

– Кашалот мог пройти мимо Ивана Степановича не тем боком, только и всего, – сказал капитан, думая в то же время о чем-то другом.

– Что же теперь делать? Бедный мальчик! – прошептал зоолог, сжимая в кулаке свою бороду. – Бедный мальчик...

– Не может быть, конечно, сомнений: он уже давно погиб, – заметил Горелов. – Что же можно сделать?

Он мерил большими, размашистыми шагами госпитальный отсек в проходе между койками: четыре шага вперед, четыре назад.

Комиссар быстро повернул свою седую голову к Горелову, и на его молодом с живыми глазами лице отразилось искреннее изумление. Капитан так же удивленно посмотрел на Горелова и обратился к зоологу:

– Лорд, вы уверены, что он не остался на судне или около него?

– Вполне уверен! – ответил зоолог. – Уничтожив большую часть осьминогов и разогнав остальных, я и Скворешня тщательно осмотрели судно. Мы видели пробоину, которую Павлик нашел, видели растерзанного осьминога неве-

роятных размеров... – И, как будто пораженный неожиданной мыслью, он воскликнул: – Я начинаю понимать! Как я сразу не догадался? Ведь осьминоги и вообще головоногие – это любимая пища кашалотов. И только кашалот в состоянии был изувечить, изуродовать осьминога таких размеров. Все сходится, капитан! Нет сомнения, возле нас по ту сторону судна одновременно с нашей битвой происходила битва кашалота с осьминогом. И наш бедный Павлик каким-то образом ввязался в нее... прервал ее. Ведь кашалот даже не воспользовался своей победой. Он бросил добычу, не полакомившись ею.

– Тогда ясно, что Иван Степанович видел того же кашалота, что и Марат, – задумчиво сказал капитан.

Горелов перестал ходить, и все молча смотрели на капитана, чувствуя, что сейчас решается судьба Павлика.

– Ну, ничего! – сказал наконец, подняв голову, капитан. – Кашалот от нас не уйдет.

Горелов посмотрел на часы – было уже шестнадцать часов с минутами – и торопливо обратился к капитану:

– Простите, Николай Борисович. Я зашел сюда доложить вам, что мне необходимо выйти из подлодки и проверить работу двух левых дюз. Я сегодня осматривал их изнутри и снаружи. Они, кажется, слегка засорились, и возможно, что придется разобрать их и прочистить. Разрешите, я сейчас же займусь этим.

– Две дюзы вышли из строя? – живо повернулся к Горе-

лову капитан. – Когда же это могло случиться? Ведь мы пришли сюда с исправными дюзами.

Горелов замялся. Он тяжело переступил с ноги на ногу и медленно сказал:

– Я и раньше замечал что-то неладное в их работе...

– Товарищ военинженер, – холодно заговорил капитан, – почему вы мне не доложили об этой неисправности раньше? Вы не исполнили самого элементарного требования правил распорядка на военном корабле в боевых условиях. Я вынужден поставить вам это на вид! Товарищ военинженер, эти дюзы совершенно вышли из строя или нет? И если нет, то сколько процентов мощности они потеряли?

Красные пятна покрыли лицо Горелова.

– Дюзы из строя не вышли, товарищ командир, и потеря мощности незначительная – процентов пять – восемь.

– Отлично! – Капитан повернулся к обоим ученым: – Вы можете на некоторое время оставить без надзора свои аппараты и приборы?

– Можем! – в один голос последовал ответ.

– Подлодка идет в погоню за кашалотом. Приготовьтесь!

– Ура, командир! – вскричал слабым голосом Марат. – Ура, дорогой командир!

Капитан улыбнулся ему и обратился к Горелову.

– Федор Михайлович, – сказал он смягчившимся голосом, – немедленно приведите в готовность двигатели. Потеря даже десяти процентов мощности в данном случае не имеет

значения.

Горелов побледнел так, как это бывает иногда с очень смуглыми людьми: его лицо стало серовато-желтого, воскового цвета, но возле скул играли желваки, и глаза смотрели твердо и решительно.

– Товарищ командир, – сказал он чуть хриплым от волнения голосом, – в качестве главного механика считаю своей обязанностью доложить вам, что подлодка должна оставаться на месте. Отправляться без прочистки дюз слишком рискованно. В особенности... из-за какого-то мальчишки, который, в сущности, уже давно и наверняка погиб...

Чувство дисциплины, которым так гордятся советские моряки, взяло верх, и после первого невольного движения, похожего на подготовку к прыжку, Марат остался неподвижно лежать на койке с расширившимися глазами, вытянувшись, как тугая струна. Зоолог пробормотал что-то, хотя и невнятное, но определенно яростное. Комиссар молча, но пристально смотрел на Горелова. Шелавин растерянно моргал и переводил близорукие глаза с Горелова на капитана и обратно, потрясенный такой свободой обращения с «подводным богом», каким всегда был в его глазах командир подлодки.

Лицо капитана оставалось холодным, но глаза смотрели твердо, в упор, и, как всегда в таких редких случаях, это производило необычайное впечатление.

– У нас не совещание, на котором можно было бы кри-

тиковать мои распоряжения, – не повышая голоса, сказал капитан. – Потрудитесь немедленно выполнить мой приказ. За работу дюз в пределах пониженной на десять процентов мощности вы несете полную ответственность. За недопустимую дискуссию в условиях боевого похода на вас будет наложено дисциплинарное взыскание. Вы можете удалиться к своему посту, товарищ военинженер.

Капитан пристально смотрел в лицо Горелову. После мгновенного, почти неуловимого колебания Горелов молча поклонился и, опустив голову, шаркая большими ногами, медленно вышел из госпитального отсека.

* * *

Стоя в центральном посту возле вахтенного начальника старшего лейтенанта Богрова, зоолог едва почувствовал толчок от первого взрыва, в кормовой дюзе. Это было в шестнадцать часов пятнадцать минут. «Пионер» чуть вздрогнул и двинулся в путь. Старший лейтенант перевел рычажок на щите управления к следующему делению. Последовали новые взрывы – один за другим, все учащаясь, и зоолог чувствовал уже не отдельные толчки, а мелкую, почти сливающуюся дрожь.

Из соседней радиорубки через открытую дверь послышался голос старшего радиста Плетнева:

– Павлик!.. Павлик!.. Отвечай!.. Говорит «Пионер»... Го-

ворит «Пионер»...

Справа на соседнем небольшом столике курсограф автоматически наносил на свою карту путь, пройденный подлодкой. Такой же курсограф помещался на столе возле щита управления.

У круглого стола в середине поста, над голубой картой рельефа дна Саргассова моря, склонился капитан. Не поднимая головы, он сказал:

– Александр Леонидович! Общее направление – зюйд, курс – зигзагообразный, через каждые пять минут менять с зюйд-веста на зюйд-ост и обратно. Выслать разведчиков обоих бортов на полную дистанцию. Корпус разогреть, идти на пару, глубина – пятьсот метров, скорость – восемь десятых. Надо учесть дюзы...

– Есть, товарищ командир! – ответил старший лейтенант Богров и точно повторил отданные ему распоряжения.

– Лорд, какую скорость может развить кашалот? – спросил капитан, выслушав ответ лейтенанта.

– Это зависит, капитан, – сказал зоолог, – от тех причин, которые приводят его в бегство, а также от пола, возраста, величины и силы данного экземпляра. Под влиянием простого испуга взрослый, средней силы кашалот-самец проходит от восьми до десяти и даже двадцати миль в час, а с гарпуном в спине, под влиянием боли, страха и ярости, он тащит лодку со скоростью до тридцати миль. Судя по рассказам Марата и Ивана Степановича о величине нашего каша-

лота, он, вероятно, делает сейчас не менее тридцати миль.

– Таким образом, – заключил капитан, выпрямляясь над столом, – он впереди нас на расстоянии шестидесяти – семидесяти пяти миль. Если только он резко не изменил направления, мы должны его найти и настичь не позднее чем через два – два с половиной часа.

В радиорубке голос Плетнева монотонно повторял:

– Говорит «Пионер»... Говорит «Пионер»... Отвечай, Павлик!.. Отвечай!.. Павлик!.. Павлик!.. Говорит «Пионер»...

На круговом и сводчатом экране мелькали тени больших и малых рыб. Они передвигались на нем со стороны носа подлодки к ее корме и таяли там, как небольшие бесформенные облачка. Ни малейших признаков движения подлодки зоолог не чувствовал: на полном ходу не было уже ни сотрясений корпуса, ни даже мелкой дрожи.

Между тем, как показывали приборы на щите управления, подводный корабль, окруженный тонкой оболочкой из горячего пара и делаая около восьмисот взрывов в минуту, несся уже со скоростью семидесяти пяти миль в час.

Каждые пять минут «Пионер», плавно поворачивая, менял направление. Курсограф немедленно отмечал на своей карте эти повороты. Внезапно на экране, впереди по правому борту, показалась густая темная масса, быстро двигавшаяся наперерез подлодке. Под этим местом экрана тотчас зажглась красная лампочка и послышался звонок автоматиче-

ской тревоги. И капитан и лейтенант, ничего не предпринимая, чтобы избежать встречи с этой массой, лишь внимательно следили за ее приближением.

Ровно через пять секунд подлодка сама наклонила свой нос, и, переменяв глубину, прошла как раз под огромной плотной стаей каких-то больших рыб.

– Тоже автоматика? – спросил удивленный зоолог. Ему впервые пришлось видеть такое самостоятельное поведение подлодки.

– Разумеется! – ответил капитан. – Если в течение пяти секунд носовая мембрана ультразвукового прожектора непрерывно воспринимает сигналы о каком-либо одном и том же препятствии прямо на пути, то автоматический механизм передает сигнал кольцевым дюзам, которые играют у нас роль рулевого аппарата, и подлодка автоматически меняет курс в свободном направлении. Когда же впереди другой мембраны, которая при новом курсе заменила носовую, препятствие исчезает, автоматический механизм выводит подлодку на прежний курс.

– Замечательно! – проговорил восхищенный зоолог. – Но зачем же, в таком случае, нужны тревожный звонок и красная лампочка?

– На случай, если у командира подлодки имеются какие-либо другие намерения, а не просто желание обойти это препятствие. Для этого автомат и ждет пять секунд.

Капитан вновь погрузился в свои расчеты. Воцарилось

длительное молчание.

Через короткие промежутки из радиорубки слышался как будто усталый, монотонный голос Плетнева:

– Павлик! Отвечай, Павлик! Говорит «Пионер»... Говорит «Пионер»... Павлик!.. Павлик!..

– Сколько мы прошли по прямой, Александр Леонидович? – тихо обратился зоолог к старшему лейтенанту. – Мы в пути уже около тридцати пяти минут.

Лейтенант посмотрел на карту под пером курсографа и на указатель пройденного расстояния.

– Тридцать одну милю, Лорд. Если мы настигнем кашалота, то думаю, не раньше, чем на шестидесятой миле.

Зоолог страдальчески поморщился и, не сводя глаз с экрана, спросил:

– Вы сомневаетесь, настигнем ли мы его?

Лейтенант пожал плечами.

Послышался тонкий писк телефонного аппарата.

Капитан включил репродуктор и экран телевизора. На экране показался тускло освещенный участок круглого, как усеченный конус, тоннеля. Множество прямых труб тянулось горизонтально от основания конуса к его усеченной вершине. В сумраке этого тоннеля, среди труб, виднелась фигура человека. Человек этот что-то делал там, изогнувшись в самой неудобной позе.

Из репродуктора раздался задыхающийся, но довольный голос Горелова:

– Разрешите доложить, товарищ командир. Я попробовал на ходу прочистить дюзы, не разбирая их. Это мне удалось, и вы можете довести ход судна до максимального.

Лицо капитана выразило удивление и радость:

– Благодарю, Федор Михайлович. Но вы напрасно рисковали собой, отправляясь в эту камеру. В конце концов, не так уж важны эти десять процентов потери мощности. Ну, выходите скорей, и прошу явиться ко мне.

– Слушаю, товарищ командир.

Выключив репродуктор и экран, капитан обернулся к старшему лейтенанту и, улыбаясь, сказал:

– Пустите на десять десятых, Александр Леонидович! – и продолжал: – Вот это механик! Он, очевидно, органически не может примириться хотя бы с малейшим дефектом в работе его механизмов. Ради этого он готов был даже на жестокость... на такую жестокость! По-моему, это уже уродство, какое-то уродливо разросшееся чувство профессиональной чести!

– Во всяком случае, для советского человека это действительно нечто ненормальное, – согласился зоолог. И, помолчав, добавил: – А человек, жестокий к детям, всегда останется для меня антипатичным. Да!

В синем комбинезоне, с красным, покрытым пятнами копоги лицом, с почти черными руками, вошел Горелов. Его глаза немного смущенно, но весело и открыто смотрели на капитана.

Капитан встретил его дружелюбной улыбкой.

– Нехорошо, нехорошо, Федор Михайлович! – говорил он, пожимая руку Горелову. – Ведь там ужасная температура. Изжариться можно! А лишние восемь – десять миль хода не так уже важны сейчас «Пионеру».

– Прошу прощения, Николай Борисович! Я не мог допустить такого положения в походе. А сердце у меня хорошее, и я не боюсь жары.

Капитан помолчал и медленно произнес:

– Вы, вероятно, хотели сказать, Федор Михайлович, что сердце у вас здоровое... Ну ладно! Идите к себе. И все же, – добавил он, усмехнувшись, – ждите появления вашей фамилии завтра в приказе...

Горелов поклонился и молча вышел. Капитан погрузился в рассмотрение карты рельефа дна и течений.

Наверху, на куполе экрана, появилась большая длинная тень с правильными и плавными очертаниями, заостренная спереди и слегка закругленная сзади. Маленькое волнующееся облачко на заднем конце фигуры позволило с точностью установить, что именно она означает.

– Пароход над нами, – сказал старший лейтенант. – Идет к Тринидаду или в Каракас.

– Об этом вам тоже донес ультразвуковой прожектор? – недоверчиво спросил зоолог.

– Нет! – улыбнулся старший лейтенант. – Но через эту пустынную часть Атлантического океана в том направле-

нии, куда судно идет, проходит только один более или менее оживленный путь – из Лондона к северным берегам Южной Америки: Тринидад – Джорджтаун – Каракас.

Наступило долгое молчание. Если бы не движение теней на экране, могло показаться, что подлодка замерла на месте. Даже монотонные, нагоняющие тоску вызовы Плетнева, казалось, слились с тишиной в центральном посту и не нарушали ее.

«Что с Павликом? – думал зоолог. – Где он теперь? Жив ли он еще, бедный мальчик? Каким чудом, какой случайностью он держался на кашалоте? Если правда, что он был на нем... Не померещилось ли Марату? Может быть, несчастный ребенок лежит сейчас где-нибудь в другом месте – бессильный, беспомощный, может быть, раненый, – и ждет спасения?...»

– Отвечай, Павлик! Отвечай, Павлик!.. Говорит «Пионер»...

Зоолог не мог оставаться спокойно на месте. Ему нужно было что-то делать, куда-то спешить, бежать, искать... Это безделье, эта мертвая тишина, полное отсутствие каких бы то ни было признаков движения корабля действовали на него угнетающе.

– Павлик! Павлик! Говорит «Пионер»... Говорит «Пионер»... Отвечай, Павлик!

– Пятьдесят минут, Александр Леонидович, – взглянул на часы зоолог. – Сколько мы прошли по прямой?

– Пятьдесят одну милю, Лорд.

– И ничего не видно... Ничего не видно... – вздохнул зоолог, возобновляя хождение по каюте.

Но через секунду он резко остановился:

– Капитан, что вы думаете делать, если, пройдя еще пятнадцать, двадцать, наконец тридцать миль, мы не найдем этого кашалота?

Капитан поднял голову и молча посмотрел на зоолога. Потом ответил:

– Я обшарю ближайший участок океана, но найду этого зверя. Мне нужно убедиться, на нем мальчик или нет... Если только он не сорвался с кашалота...

Он помолчал и добавил:

– Одного я понять не могу: почему он не пускает в ход оружие? Ведь с ним ультразвуковой пистолет и электрические перчатки. Он ведь научился отлично пользоваться ими. В чем же дело? Может быть, он ранен...

Зоолог стоял на месте, опустив голову. Каждое слово капитана как будто обрывало какую-то ниточку в его сердце. Ах, Павлик, Павлик... Такой славный, такой хороший мальчик!

– Отвечай, Павлик! Отвечай, Павлик! Говорит «Пионер»... Говорит «Пи...»

Из радиорубки послышался вдруг грохот опрокинутого стула, тоскливый голос Плетнева оборвался на полуслове, на мгновение перешел в какое-то неразборчивое бормотание,

икоту, и внезапно радист разразился отчаянным криком:

– Говори, Павлик! Я слышу! Я слышу!.. Идите сюда! Сюда! Он говорит!.. Где ты, Павлик? Где ты? Говори, я слышу!

Слома голову все, кроме вахтенного начальника, бросились из центрального поста в радиорубку.

Глава XIII

На спине кашалота

Открыв глаза, Павлик увидел ту же черноту, что и с закрытыми глазами.

Сила, прижимавшая Павлика книзу, немного ослабела, и он с трудом приподнял голову. Какой-то тяжелый черный занавес частыми рывками бил и неслышно хлестал по передней стенке шлема, голова вместе со шлемом моталась вперед и назад, порой больно ударяясь внутри него.

Струя воды мягко, но сильно нажимала на грудь и голову, отбрасывала назад свободно висевшие ноги, старалась сорвать с места, сбросить в черную бездну. Под Павликом ритмично покачивалась какая-то огромная скользкая масса, возле которой он держался непонятным образом, будто приклеенный.

Вдруг все стало ясным: он на кашалоте... Несется в пространство на взбешенном гиганте, который одним ударом могучего хвоста может превратить его в порошок, даже не разбивая скафандра...

Ужас охватил Павлика; казалось, что опять уходит сознание. В отчаянии он приник головой и грудью к телу зверя. Нажим и порывистые удары встречной струи стали слабее за его крутым боком. Из груди мальчика вырвался стон, но первый же звук в гулком шлеме отрезвил его. Он закусил губу. Мелькнула мысль: может быть, радио действует и кто-нибудь услышит его? В самом деле: может быть, действует радио? Может быть, оно само по себе исправилось? И в тот же миг из его горла вырвался громкий крик – вопль надежды и отчаяния:

– Виктор Абрамович! «Пионер»! Слушай, «Пионер»! Это я! Павлик! Спасите! Помогите!

С дрожащими губами Павлик напряженно прислушивался, стремясь уловить хотя бы слабый отклик.

Пустое и страшное молчание по-прежнему окружало его со всех сторон...

Тогда он опять уронил голову на тело кашалота, закрыл глаза и горько заплакал...

Это длилось недолго – всего лишь одну-две минуты. Плач прекратился внезапно. Неожиданная мысль сверкнула так ярко, что, казалось, осветила тьму окружающих глубин.

Кашалот уходит от лодки все дальше и дальше... Это – гибель... гибель... И чем дальше, тем гибель вернее. Нельзя оставаться на нем. Надо уйти от него. Куда? Где подлодка? Где искать? Безграничные глубины вокруг. Без границ! Без края! Но кверху, кверху!.. Это совсем близко! Поднять-

ся вверх! Там спасение! Там проходят суда, пароходы. Его увидят, выловят, поднимут... «Откуда ты, мальчик? Какой чудесный скафандр на тебе!..»

Павлик чуть не закричал от острого приступа отчаяния.

Нельзя!.. Нельзя! «Откуда ты, мальчик?» – «Из СССР, из советской подводной лодки „Пионер“...» – «Ах, из СССР? Из советской подлодки?! Расскажи, расскажи». Нельзя! Лучше умереть А может быть, Плетнева не было сейчас в радиорубке? Может быть, он выходил и теперь вернулся?

– Виктор Абрамович!.. «Пионер»! Слушай, «Пионер»! Помогите! Это я! Павлик! Павлик! Помогите!

Ему стало так жалко себя, что губы опять задрожали и скривились, готовые к плачу, и глаза налились горячими, обжигающими слезами. Он всхлипнул, но сейчас же спохватился и напряженно прислушался.

Ответа не было.

Нет, радио совсем испорчено. Что же делать? Что делать? Остаться на кашалоте? Но куда он занесет? Остановить его? Как? Чем? Перчатки... Пистолет... Они бесполезны: фонарь потух, радио не действует – значит, нет электричества...

Навстречу, совсем близко, пронеслась огромная тень с двумя изогнутыми рядами горящих матово-желтых зубов. На мгновение осветились чудовищная дугообразная пасть акулы под длинным выступающим рылом и светлое шероховатое брюхо. Через минуту, такая же, а может быть, та же са-

мая акула появилась позади и сбоку, быстро догнала кашалота и, метнувшись кверху, изогнувшись дугой, описала вокруг него круг, прошла совсем близко от Павлика, пронеслась вперед и вернулась обратно. За первой акулой, из тьмы глубин, как будто порождаемые ею, появлялись одна за другой все новые и новые, с раскрытыми пастьями и тускло светящимися тупыми свиными глазками. Молчаливым хором они кружили вокруг кашалота и Павлика, все теснее, все ближе смыкая круги.

Стало настолько светло, что Павлик ясно видел позади себя огромный шестиметровый хвост, работающий плашмя вверх и вниз – совсем не так, как у настоящих рыб, у которых плоскость хвоста стоит ребром, вертикально, и двигается справа налево и обратно. Только теперь, увидев такую работу хвоста, Павлик понял, почему кашалот двигался какими-то резкими, порывистыми скачками.

Впереди Павлик едва различал небольшой плавник – всего метра в два длиной и около метра высотой, – смешно торчавший сбоку, как свиное ухо, посередине между спиной и брюхом. Павлик знал, что там, возле этих плавников, находились маленькие бычачьи глаза кашалота, начиналась его чудовищная голова и страшная пасть.

Кашалот как будто забеспокоился. Движения его огромного тела под Павликом стали резче, порывистей, могучий хвост заработал с новой энергией, и встречная струя ударила в Павлика с такой силой, что он с трудом мог пригнуться к

спине кашалота и спрятать голову за жировым бугром.

Акулы не отставали. Чувствовали ли они усталость гиганта или надеялись на свое численное превосходство, а может быть, эти глубоководные хищницы отличаются в повадках от своих родственниц с поверхности, которые никогда не осмеливаются нападать на кашалота, – но видно было, что преследование продолжается с возрастающей настойчивостью.

Кашалот переменял положение. Он слегка поднял переднюю часть тела, с головой, и по наклонной линии направился кверху, работая хвостом, как огромным винтом. Может быть, ему пора уже было подышать свежим воздухом, хотя возможно, что он стремился избежать нападения акул и выйти из этих опасных глубин.

Акулы, вероятно, поняли намерение кашалота. В первый же момент, когда он, изогнувшись, устремился к поверхности, одна из них, выплывая из-под него, слегка изменила направление, перевернулась на спину и, сделав скачок, вцепилась в плавник под глазом кашалота. Но в то же мгновение одним неуловимым движением гигант повернулся, и акулу, висевшую на плавнике, занесло по инерции вперед, прямо в его раскрытую пасть.

Миг – и ужасные челюсти сомкнулись, огромная акула была разрезана, как карандаш, и обе ее половины медленно поплыли ко дну. В этот же момент другая акула случайно попала под удар хвоста и с переломленным хребтом, изогнувшись, как сломанная кукла, тоже начала погружаться на дно.

Этих двух жертв было достаточно, чтобы отвлечь внимание всей стаи. Прожорливые хищники немедленно набросились на извивавшиеся еще тела своих погибших собратьев.

Кашалот между тем быстро шел на поверхность. Становилось все светлее и светлее. Внезапно раздвинулись, распахнулись воды, и двумя мощными ударами хвоста кашалот поднялся, как исполинская черная свеча, над поверхностью почти на две трети своей длины.

На короткое мгновение голова Павлика показалась над волнами, поднятыми кашалотом, и сейчас же скрылась под водой. Но и этого мгновения было достаточно, чтобы увидеть вокруг на поверхности несколько фонтанов, характерных для кашалотов, две шлюпки с людьми на воде и небольшой пароход под парами, шедший как раз в сторону Павлика.

Кашалот лежал почти неподвижно на поверхности, выпуская не вверх, как все киты, а вперед и вбок фонтаны распыленной воды и пара, словно высокие белоснежные страусовые перья. Вероятно, он очень устал, хотел отдохнуть и набраться сил. Шлем Павлика слегка поднимался над водой и с бьющимся сердцем мальчик повернул голову и краешком глаза посмотрел назад.

Пароход, сбавив пары, осторожно приближался. Павлик заметил на его носу гарпунную пушку.

Здесь, на поверхности океана, Павлик впервые смог наконец осмотреться и понять свое необычайное положение на

кашалоте. Вглядевшись, он вскрикнул от изумления.

Теперь Павлику стало понятно, каким образом он так крепко держался на кашалоте. Небольшой обломок гарпуна, торчавший в боку кашалота, случайно проскочил в кольцо, на котором висели у пояса ножны утерянного в борьбе с осьминогом кортика. Гарпун так плотно вошел в кольцо, что даже огромное сопротивление воды при яростном движении кашалота вперед не могло сорвать Павлика с места. Точно так же лишь теперь Павлик заметил, что крышка от щитка управления на поясе свисала, обнажив все кнопки и рычажки, которыми управлялись механизмы и аппараты скафандра. Очевидно, Павлик, еще находясь в трюме каравеллы, от нетерпения вгонял кортик не туда, куда следовало, и нечаянно нажал кнопку от крышки. Она упала вниз, открыв щиток управления. Машинально закрыв теперь крышку, Павлик сейчас же забыл о ней, занятый наблюдением за всем, что делается на поверхности океана. Оглянувшись, он увидел, что пароход продолжает неслышно подходить к кашалоту и что на его носу, возле гарпунной пушки, люди суетятся, готовясь, вероятно, к выстрелу.

Павлик замер, затаив дыхание.

Сейчас будет выстрел. Кашалот будет убит. Его, Павлика, снимут... «Откуда ты, мальчик?» Он не виноват. Это кашалот вынес его на поверхность. «Какой замечательный скафандр на тебе, мальчик!» Они его снимут. «Павлик, это измена! Это – подлость». Так скажет капитан и все... Все так

скажут... Но что можно сделать? Кашалот устал – он отдыхает, он спит, он не подозревает об опасности. Отцепиться от кашалота? Остаться одному? Но что он будет делать в глубинах без света, без оружия, без механизмов? Он погибнет! Лучше с кашалотом вместе: он его уже два раза спас. Только не отдавать скафандр, не выдавать...

– А-а-ах!

Не думая, не рассуждая, Павлик отчаянно вскрикнул и изо всех сил ударил кулаком по обломку гарпуна, на котором висел.

Кашалот вздрогнул, метнулся в сторону и, высоко подняв хвост, ударил им плашмя по воде с такой силой и громом, что, казалось, где-то рядом, над ухом, раздался оглушительный залп из нескольких орудий. В следующее мгновение, обезумев от боли, гигантское животное стремительно нырнуло в глубину, подняв над водой вертикально хвост и заднюю часть тела вместе с висевшим на ней Павликом.

В каком-то оцепенении, почти без чувств, Павлик лежал на боку кашалота, спрятав голову за жировым бугром.

Последняя, может быть единственная, возможность спасения исчезла! Он, Павлик, сам отказался от нее, сам убежал от нее. Куда несется сейчас полный ярости кашалот? Сколько может еще он, Павлик, держаться на нем? Надолго ли хватит ему воздуха в баллоне скафандра? А пища?

Мысль о пище неожиданно напомнила Павлику, что он голоден. Перед выходом из подлодки он вкусно и сытно по-

завтракал, но с тех пор прошло, вероятно, уже часов восемь. Его термос полон горячего какао. Надо растянуть этот запас на возможно большее время. Он сделает лишь три-четыре глотка – не больше. Надо экономить.

Кашалот стремительно несся на небольшой глубине. Он еще не успокоился и двигался резкими, порывистыми скачками, глубоко поджимая под себя огромный хвост и мощно выбрасывая его вверх. Было достаточно светло, как бывает светло днем в Саргассовом море на глубине ста – ста двадцати метров; стояли светлые ярко-зеленые сумерки.

Павлик открыл крышку на щитке управления, перевел и нажал кнопку от термосного аппарата. Сейчас же он почувствовал на губах прикосновение круглого и гладкого кончика трубки. Павлик с наслаждением сделал несколько глотков.

Ставя на место кнопку от термоса, Павлик вдруг застыл с открытым ртом. Какая непростительная глупость! Ведь он вызывал радиостанцию «Пионера», а между тем его собственный радиоаппарат настроен на волны зоолога, Скворешни и Марата. Ведь он только с ними поддерживал разговор возле затонувшего испанского корабля! Как он это упустил из виду?! Как он мог это забыть и вызывать подлодку, не настроившись на волну ее радиостанции?

Трясущимися руками Павлик пошарил по щитку управления – раз... потом еще раз... Рычажка от радиоаппарата не было на месте. В необычайном волнении Павлик согнулся и попробовал рассмотреть все, что находится на щитке.

Но свет, как будто достаточно яркий, оказался обманчивым: ничего нельзя было различить на расстоянии полуметра от щитка.

«Куда же все-таки делся рычажок? Неужели сломан и сорван с места? Как? Когда? Осьминог... Да, да, конечно... это он...»

Павлик медленно проводил металлическим пальцем по пустому месту между рычажком от винта и кнопкой осветительного фонаря. Вдруг сердце замерло. Стерженек, на котором держалась кнопка, был согнут, и кнопка прижата к щитку между позициями «вкл» и «выкл». Может быть, только поэтому и не горит фонарь? Павлик стал осторожно отгибать и выпрямлять кнопку. Потом с еще большей осторожностью начал переводить ее по вырезной щели на позицию «вкл».

Луч яркого света ударил из фонаря на шлеме. И одновременно, как будто слившись с ним, из груди Павлика вырвался крик радости.

Кашалот, испугавшись света, бросился в сторону, но Павлик даже не заметил этого рывка. Он громко и радостно смеялся.

Какое счастье – свет! Какая радость – свет! Как легко и весело на душе! Но ведь это значит, что есть электричество! Есть энергия для винта! Для радио! Ура! Ура!

Павлик опять залился веселым, счастливым смехом, но внезапно замер, и лицо его сделалось серьезным и озабоченным.

«Радио, вероятно, не будет работать, потому что нет рычажка управления и настройки. Надо попробовать винт. А куда плыть, если он даже и будет работать?.. Ну, об этом после. Сначала винт».

Павлик попытался перевести рычажок управления винтом по дужке на позицию «малый ход». Рычажок не тронулся с места.

Павлик нажал сильнее. Рычажок пошел гладко, без защелкивания и заскакивания в гнезда различных позиций. Сняв с пояса запасный фонарь, висевший на шнуре, Павлик нажал кнопку и направил его свет на щиток управления.

Присмотревшись, он увидел, что рычажок от радиоаппарата отведен далеко в сторону и задвинут под рычажок от винта, который поэтому высоко приподнят над дужкой с позициями, ходит свободно и не производит включений.

«Ах, проклятый осьминог! Вот что он наделал! И как он только умудрился?»

Через несколько минут осторожной, терпеливой работы оба рычажка били разъединены и поставлены на свои места.

Павлик хотел первым делом проверить работу радиоаппаратуры – и не мог. В решительную минуту, полный страха и надежд, он боялся этого последнего испытания. Наконец с замирающим сердцем Павлик чуть тронул рычажок радиоаппарата и перевел его на волну «Пионера».

– Говорит «Пионер!» Павлик! Отвечай, Павлик!

Все закружилось перед глазами Павлика. Он хотел что-то

сказать, крикнуть, но слезы хлынули из глаз, спазмы сжали горло и лишь хриплые, невнятные звуки вырывались из раскрытого рта.

– Отвечай, Павлик! Отвечай! Говорит «Пионер»!

– Это я! Это я, Павлик! Я здесь! Я здесь! Помогите!.. Помогите!..

Слезы текли по смеющемуся, радостному лицу, крики прерывались счастливым смехом:

– Я здесь, Виктор Абрамович! Я на кашалоте! Он несет меня куда-то! Где вы? Где вы? Помогите!

* * *

Подлодка вырвалась из темных глубин, волоча за собой короткий туманный, быстро таявший шлейф. Она беззвучно и легко неслась, как, вероятно, несутся планеты в безвоздушном мировом пространстве.

В паническом испуге, напрягая всю свою чудовищную силу, почти судорожными скачками кашалот ринулся обратно в глубину.

Под шлемом послышался голос капитана.

– Павлик! Эта погоня может продолжаться неизвестно сколько. Надо убить кашалота. Ты сможешь это сделать?

У Павлика сжалось сердце. Он помолчал, не находя слов, потом ответил:

– Смогу, товарищ командир! Только мне жалко его.

– Ничего не поделаешь, Павлик, – сказал капитан. – Не стрелять же нам в него из ультразвуковой пушки.

Вмешался взволнованный голос Марата:

– Разрешите, товарищ командир. Разрешите сказать...

– Говорите, Марат, говорите.

– Действительно, очень жалко. Кашалот дважды спас Павлика – от осьминогов и от акул. Пусть живет, товарищ командир. А Павлику прикажите запустить винт на полный ход и вперед вдоль тела кашалота. Павлик легко сорвется и уйдет от его хвоста.

Опять раздался голос капитана:

– Ты слышал, Павлик, предложение Марата?

– Слышал, товарищ командир. Это очень хорошо. Я сейчас так и сделаю...

Павлик открыл щиток управления и выдвинул наружу винт и рули. Потом нащупал рычажок от винта и резко передвинул его на крайнюю позицию слева – «десять десятых» – самый полный.

От неожиданного сильного толчка все потемнело и завертелось перед глазами Павлика. Потом он увидел стремительно уносившуюся в глубину огромную тень кашалота, а позади медленно надвигающуюся, как гора с массой правильных продольных морщин, подлодку.

С правого борта подлодки откинулась площадка, раздвинулись металлические двери. Перейдя на малый ход и изогнувшись дугой, как рыба, Павлик скользнул в широкое от-

верстие, ярко освещенное желтоватым светом электрических ламп.

Глава XIV

Бомбардировка глубин

Вцентральном посту вахтенный, лейтенант Кравцов, сидел перед щитом управления, задумчиво глядя на экран и его купол. В голубых сумерках экранного поля мелькали темные силуэты встречных рыб, головоногих, моллюсков самых разнообразных форм и размеров.

Подлодка шла на шести десятых хода; пятьдесят пять миль в час – средний крейсерский ход, при котором не перенапрягался материал взрывных дюз, не было надобности накаливать корпус и окружать его паровой оболочкой. Время от времени глаза лейтенанта пробегали по созвездиям маленьких зеленых лампочек, спокойно горевших на щите управления и на круглой стене центрального поста, успокоительно доносивших о ровной, ничем не нарушаемой работе всех механизмов и агрегатов подводного корабля.

Лейтенант вдруг очнулся, протянул руку к телефонному щитку, и спокойное лицо его оживилось. Он нажал кнопку под номером двенадцать, и сейчас же рядом со щитком осветился небольшой матово-серебристый экран. На нем появилось изображение госпитального отсека, несколько коек, двух лежащих на них фигур и зоолога в белом халате, рас-

смаатривающего на матовый свет лампы какую-то пробирку. Зоолог повернул голову и вопросительно вскинул глаза на экран.

– Простите, Лорд, – тихо, почти шепотом, произнес лейтенант, – не терпится узнать, что подделывает Павлик. Зоолог кивнул головой.

– Спит, – так же шепотом ответил он, подходя совсем близко к экрану и почти целиком заполняя его своей бородой. – Спит, но не очень хорошо. Должно быть, нервы разгулялись: вскрикивает, поднимается в полусне, что-то бормочет и опять засыпает.

– Ну, ничего... – начал было лейтенант, но не успел окончить.

Снаружи внезапно донесся глухой, но мощный удар, сопровождаемый коротким грохотом, вырвавшимся из рупора гидрофона. Ни лейтенант, ни зоолог не успели еще прийти в себя от этой неожиданности, как огромный подводный корабль взметнулся носом кверху, сейчас же нырнул вниз, потом, не замедляя хода, под непрерывные грохочущие удары судорожно заметался, точно бросаемый непонятной силой вверх, вниз, во все стороны.

Зоолог был отброшен от экрана на ближайшую койку. Лейтенант, инстинктивно схватившись рукой за ножку привинченного к полу стола, удержался на месте. Его глаза скользнули по большим круглым часам, висевшим на стене: было ровно восемнадцать часов. Машинально, не созна-

вая еще, что произошло, он нажал пальцем свободной руки кнопку тревоги: «Внимание! Все по местам!»

В мгновение все коридоры подлодки наполнились топотом бегущих ног, потом сразу наступила тишина, прерываемая лишь частыми глухими ударами.

Еще держа палец на кнопке тревожной сигнализации, лейтенант мельком взглянул на круговой экран и застыл в недоумении. В глубокой перспективе экрана, на той его полосе, куда со своих дальних дистанций посылали сообщения инфракрасные разведчики корабля, с необычайной быстротой неслась навстречу «Пионеру», клубясь и разрастаясь, огромная темная туча. Впереди тучи, словно настигаемые пожаром, мчались бесчисленные массы морских животных. Ближайшие к подлодке рыбы также стремительно поворачивали и в общей панике устремлялись ей навстречу.

– Простите, Лорд... сигналы... – торопливо проговорил лейтенант и выключил телефон и телевизор, оставив Зоолога в состоянии полного недоумения и растерянности.

Вслед за тем лейтенант повернул на щите управления навстречу друг другу два штурвала; на одном из них виднелась надпись: «Разведчик правого борта», на другом – «Разведчик левого борта».

Туча сразу закрыла узкую верхнюю полосу па передней части экрана и нижнюю часть его купола.

– Черт возьми! Что же это значит? Неужели подводное извержение? – вполголоса проговорил лейтенант, давая под-

лодке задний ход и сейчас же полностью останавливая работу дюз.

В центральную рубку поспешно вошел капитан и пошатнулся от резкой остановки движения корабля.

– В чем дело, товарищ лейтенант? – спросил он еще в дверях.

– По донесениям приборов, товарищ командир, впереди что-то непонятное и, во всяком случае, угрожающее. Поэтому я остановил подлодку до ваших распоряжений.

Капитан увидел на экране быстро надвигающуюся тучу. Глухие удары продолжали доноситься снаружи, сопровождаемые гулом из рупора гидрофона. Корабль мотало на месте, не переставая.

– Хорошо сделали, – одобрил действия лейтенанта капитан. – Какое расстояние до источника звуков? Их направление? – продолжал он отрывисто спрашивать, держась за стол и внимательно рассматривая клубящуюся мглу на экране и несметные стада несущихся перед нею животных.

– Тридцать восемь миль! Прямо по носу! – быстро ответил лейтенант, взглянув на приборы у гидрофона.

– Вызовите Арсена Давидовича сюда. Здесь очень много интересного для него, – сказал капитан и наклонился над картой; он провел на ней несколько линий, взглянул на приборы и сделал короткий подсчет. – Что такое? – выпрямился он вдруг, и лицо его сразу сделалось жестким, каменным. – Ведь это значит, что звуки несутся с нашей стоянки. С нашей

глубоководной станции!

В этот момент в центральный пост торопливо вошли зоолог и старший лейтенант Богров.

Услышав последние слова капитана, они быстро оценили положение.

– Нет никакого сомнения, товарищ командир, – сказал старший лейтенант, – удары несутся из района нашей стоянки. Все это очень похоже на подводное извержение вулкана с тучей поднятого со дна ила, пепла, размельченного туфа...

– Да, да... – подтвердил лейтенант Кравцов. – Это первое, что и мне пришло в голову.

Капитан с сомнением покачал головой и задумался. Зоолог молча, не отрываясь, смотрел на экран.

Первые отряды обезумевших обитателей моря приближались к подлодке, в двадцати километрах от нее встречаемые уже ультразвуковыми прожекторами, которые пересылали их изображения на нижнюю полосу экрана.

Впереди всех, поближе к поверхности, стрелой летели осторылые дельфины. Теперь им было не до игры. Лишь изредка они взмывали кверху, делали прыжок над водой, чтобы обновить запас воздуха в легких, и вновь стремительно неслись вперед. Следом за ними, не отставая, мчались такие замечательные пловцы, как золотая макрель, бониты, мечрыбы, барракуды, акулы, несколько крупных кальмаров. Вытянув в виде трубы все десять щупалец, они мчались задом наперед, всасывая своими воронками и выбрасывая затем

мощные струи воды. Стадо кашалотов, голов в тридцать, разбрасывая головами, словно таранами, окружавшую их мелочь, молотило ее затем позади себя своими мощными хвостами. За этими хищниками и властителями глубин, на некотором расстоянии, сплоченно или врассыпную, изо всех сил неслась остальная масса перепуганных животных, и грохот от каждого удара как будто придавал им новые силы и новую быстроту. Их последние ряды постепенно заволакивались грозovým фронтом настигавшей их тучи.

Проникшие уже далеко в глубины этой тучи разведчики посылали оттуда на экран смутные очертания множества тел погибших животных, плывших вверх брюхами или вертевшихся во все стороны под действием неожиданно возникших здесь невидимых струй, течений и подводных волн.

Капитан поднял наконец голову, приняв, по-видимому, какое-то решение.

– Нам во что бы то ни стало необходимо узнать, что там происходит, – обратился он ко всем находившимся в центральном посту. – Источник звуков остается на одном и том же месте. Мы должны, следовательно, приблизиться к нему, по крайней мере, еще на десять километров – на дистанцию, с которой можно будет при достаточной безопасности для корабля воспользоваться помощью наших разведчиков... Дайте три десятых хода вперед, Юрий Павлович, – приказал он лейтенанту Кравцову.

В непрекращающейся качке корабль тронулся с места и

вскоре вошел в гущу панически мчавшихся животных. Еще через несколько минут клубящаяся мгла заполнила весь круговой экран и его купол. Неисчислимыми массами проносились на экране трупы рыб, морских ежей, морских звезд, голотурий, офиур, морских лилий, крабов, рачков, медуз и сифонофор. Среди них в огромном количестве попадались исковерканные, разорванные тела глубоководных горгоний и морских перьев, пучки водорослей, сорванных и захваченных необычайной силой приведенных в движение вод.

«Пионер» медленно, под непрерывный гул ударов пробирался среди этого хаоса смерти и разрушения. С каждым километром мгла становилась все более густой, все более непроницаемой для инфракрасных приемников обоих разведчиков. Когда разведчики находились уже на расстоянии всего лишь двух километров от прежней стоянки «Пионера», удары внезапно прекратились. Все притихли на своих постах, напряженно прислушиваясь и выжидая, но тишина продолжала оставаться невозмутимой. С каждой уходящей минутой все более светлели лица людей, все спокойнее билось их сердца. Тишину нарушил лейтенант Кравцов.

– Я насчитал сто сорок два удара, – сказал он, обращаясь к капитану. – Первый последовал ровно в восемнадцать часов.

– Отлично, – ответил ему капитан. – Не забудьте занести это в журнал.

Разведчики между тем все ближе подходили к прежней стоянке корабля.

– Опустите правобортовой разведчик поближе ко дну, – приказал капитан. – Заставьте его хорошенько обследовать грунт.

Лейтенант Кравцов поставил правый штурвал на новую позицию.

Правая верхняя полоса экрана начала все больше и больше чернеть, и смутные тени, проходившие на ней, сделались едва различимыми. Наконец чернота настолько сгустилась, что все растворилось в ней и слилось в слепом однообразии. Качка на невидимых подводных волнах между тем постепенно стихала, и корабль спокойно шел, почти не выдавая себя.

Лейтенант не снимал теперь рук со штурвала, осторожно направляя разведчик то в ту, то в другую сторону. Все внимательно смотрели на экран, стремясь уловить хотя бы какую-нибудь слабую тень или признак движения. Но на общем черном фоне экрана не выделялось ничего, что мог бы заметить человеческий глаз. Ясно было, что инфракрасные разведчики в этой иловой мути совершенно бесполезны.

– Поднять разведчик на поверхность! – отдал команду капитан. – Идти под ультразвуковыми прожекторами!

– Есть поднять разведчик на поверхность! – повторил лейтенант Кравцов, поворачивая и поднимая кверху левый штурвал.

– Шесть десятых хода вперед!

– Есть шесть десятых хода вперед! – отчеканил лейтенант, нажав последовательно несколько клавишей на нижней кла-

виатуре щита управления и переведя красный рычажок над дужкой на три деления.

С удвоенной скоростью «Пионер» ринулся вперед. Через пятнадцать минут ультразвуковые лучи прожектора проникли в район бывшей стоянки подлодки. Нижняя полоса экрана получила свой обычный голубоватый цвет – правда, несколько более густой. По приказанию капитана скорость хода подлодки была вновь уменьшена до трех десятых, и прожекторы принялись тщательно обследовать дно океана. На экране появился совершенно незнакомый пейзаж. Там, где раньше дно покрывали заросли морских лилий, горгоний, светящихся морских перьев, глубоководных кораллов, среди которых ползали кроваво-красные или бледные крабы и раки, фиолетовые голотурии, синие и красные морские звезды, хрупкие офиуры, раки-отшельники, увенчанные целыми розетками из разноцветных актиний, там, где раньше неслышно кипела в темноте молчаливая своеобразная жизнь, – расстился теперь однообразный мертвый покров из ила, над которым поднимались порой небольшие бугры или отдельные полужасыпанные и обломанные кисти потухших морских перьев.

Нахмутив густые мохнатые брови и зажав в кулаке бороду, зоолог молча смотрел на эту безрадостную и безжизненную пустыню.

– Если здесь было извержение вулкана, – проговорил он наконец, – то где же лава! Где пемза и пепел? Почему на-

ружные термометры не показывают повышения температуры воды? И, наконец, где кратер?

– Вот кратер! И не один, а несколько! – сказал старший лейтенант, показывая на темные, со смутными очертаниями пятна, выступившие вдали, на экране.

– Смотрите, смотрите! Их здесь много! – воскликнул лейтенант Кравцов.

И действительно, по мере продвижения корабля вперед на экране появлялось все больше и больше пятен.

Приближаясь к переднему плану, их очертания делались немного яснее; но все же тучи не осевшего еще ила мешали работе ультразвуковых прожекторов. Однако было достаточно отчетливо видно, что края этих пятен представляли почти ровную окружность и что к центру пятна чернота сгущалась, как бы в глубокой воронке или колодце.

Скоро вся передняя часть экрана была покрыта пятнами, проходившими по экрану то густо, порой сливаясь и образуя огромные, с рваными, неправильными краями котловины, то рассыпано, словно горох, по глубокому полотну экрана.

– Как раз здесь находился наш «Пионер», – тихо сказал зоолог и, точно вспомнив что-то, быстро обернулся к капитану: – А Горелов так настойчиво требовал, чтобы подлодка осталась на месте... Какое счастье, что вы не послушали его!

Никто не ответил ему.

Капитан стоял у стола со сжатыми кулаками, подавшись вперед, к экрану, и не сводя с него глаз. Его ноздри раздува-

лись, побелев от скрытого внутреннего волнения. Наконец он резко и сухо стукнул костяшками сжатых в кулак пальцев по столу и повернулся к стоявшим позади него зоологу и лейтенантам.

– Вы говорите, вулкан? Извержение? – спросил он громким, звенящим от возбуждения голосом. – Здесь происходила бомбардировка! Вы понимаете? Бомбили нашу подлодку, нашего «Пионера».

И, словно сразу почувствовав себя в разгаре сражения, он отрывисто бросил лейтенанту Кравцову:

– Поднять оба разведчика над поверхностью океана! Пять подъемов в минуту! Высота подъемов – десять метров! Следить за небосклоном!

Пока лейтенант, едва успевая, быстро работал штурвалами разведчиков и клавишами щита управления, капитан повернулся к телефонному щитку и нажал одну из его кнопок.

На засветившемся экране телевизора появился отсек носовой пушки. Главный акустик Чижев сидел в своем кресле бледный, но спокойный, внимательно глядя на экран телевизора, где появилось изображение капитана.

– Изготовиться к бою! – донесся до Чижева властный голос капитана. – Цель – металл, органика, стекло. Самолеты или судно. Из водной среды – в воздушную. Расстояние и угол – по экрану. Ждать моих приказаний!

В этот момент купол экрана сразу просветлел, на нем показалось чистое голубое небо над спокойным океаном,

несколько разрозненных облачков в зените, лучезарное желтое пятно солнца, склоняющееся к западу, далекий круговой горизонт и чуть повыше его, на западе, три крохотных крестика, а под ними стелющаяся почти по самой линии горизонта волнистая дымная полоса.

– Неприятель на виду, – послышался с экрана телевизора спокойный голос Чижова: – три самолета, и под ними, очевидно, их база. Под данным углом ультразвуковая пушка не возьмет цель. Необходимо приблизиться.

Это было ясно и самому капитану. Однако никаких распоряжений о преследовании противника от него не последовало. После минутного колебания, в течение которого поверхность океана скрылась и вновь появилась на экране, он провел рукой по голове и произнес:

– Отставить ультразвуковую пушку!

Оба лейтенанта с недоумением смотрели на своего капитана.

– Товарищ командир! – произнес наконец старший лейтенант Богров, видимо с большим усилием стараясь придать своему голосу возможно больше сдержанности. – Нас бомбили. Нас хотели уничтожить... Без всякого повода с нашей стороны. И вы оставите безнаказанным это гнусное нападение? Нам достаточно получаса, чтобы от этих бандитов осталась одна пыль!

Капитан тепло улыбнулся:

– Я вас вполне понимаю, товарищи. Я полностью разде-

ляю ваше возмущение. Но для нас важнее всего не обнаруживать ни себя, ни нашего оружия до решительного момента, который, может быть, наступит, когда мы придем во Владивосток. Если неприятель думает, что он уничтожил нас, тем лучше: может быть, он успокоится и прекратит преследование. Наша задача, наш долг перед Родиной состоит в том, чтобы довести подлодку в полной тайне, в полной сохранности и к назначенному сроку до Владивостока. Тайну, очевидно, полностью соблюсти не удалось. Но каким образом наши точные координаты стали известны неприятелю, совершенно непонятно.

– Я знаю... – неожиданно послышался слабый голос.

Все резко повернулись к дверям и с изумлением увидели тонкую фигурку Павлика в белой длинной, почти до пят, рубашке. Опираясь о дверную раму, Павлик стоял с полуопущенными веками и как будто сонно смотрел вперед, сквозь капитана, сквозь стену центрального поста, сквозь толщу океанских вод – куда-то в непонятную, неизвестную даль.

– Я теперь понимаю, – повторил он тихо, как будто засыпая. – Он мне все объяснил. Координаты – это... это... определяют положение точки... точки в пространстве... Это мне объяснил...

Он говорил усталым, затухающим голосом, опускаясь все ниже, и когда, почти совсем уже соскользнув, падал на пол, грохот раскрывшейся рядом двери заглушил его последние слова. Из диспетчерской главного механика выскочил Горе-

лов и бросился к Павлику, громко крича:

– Павлик, голубчик! Как ты сюда попал?

Он подхватил падающего Павлика, поднял своими сильными руками и, прижимая к груди, понес его, погруженного в обморок, мимо своей диспетчерской, мимо диспетчерской главного электрика, через биологический кабинет в госпитальный отсек.

Следом за ним поспешил зоолог, первым пришедший в себя во время этой неожиданной сцены.

В центральном посту несколько мгновений царило молчание.

– Напугал же он меня своим появлением! – сказал наконец старший лейтенант Богров.

– Да... – медленно проговорил капитан, продолжая смотреть на дверь. – Но почему это вдруг понадобилось кому-то объяснять ему про координаты?

Он обернулся к лейтенанту Кравцову и деловым тоном продолжал отдавать распоряжения:

– Отвести подлодку на пятьдесят километров от места ее бывшей стоянки. На этом расстоянии крейсировать в разных направлениях, не останавливая корабля. Положение тревоги отменить. Обоих разведчиков оставить на поверхности. Прыжки – не чаще пяти в минуту, высота прыжков – не выше трех метров. При появлении чего-нибудь подозрительного осторожно следить при помощи разведчиков и вызвать меня. Имейте в виду, товарищи: мы должны теперь быть непре-

рывно настороже! Нас ищут. За нами каким-то образом следит хитрый, сильный и коварный враг. Ни на минуту мы не должны забывать, что где-то нас подстерегает этот враг, где-то готовит нам западню. Мы должны быть теперь особенно осторожны и ко всему готовы. Это необходимо передать всему экипажу подлодки, всем членам научной экспедиции. Через два часа, если все будет спокойно, я отправлю всех научных работников и часть команды собирать уцелевшее после бомбардировки имущество экспедиции. По окончании работ мы пойдем дальше своим маршрутом.

Часть вторая

Тайны океана

Глава I

Экскурсия

Если посмотреть на карту рельефа дна Атлантического океана, со светло-голубой каймой мелководья вдоль берегов трех континентов, с широкими синими полосами больших глубин и густо-синими пятнами самых глубоких мест океана, – сразу бросается в глаза длинная голубая лента средних глубин. Держась середины океана и почти в точности следуя извилистой линии берегов обеих Америк, эта лента непрерывно тянется от северных границ океана у острова Исландия до южных, где его воды сливаются с водами Антарктики.

На экваторе в нее врежется густо-синее продолговатое, как артиллерийский снаряд, пятно одной из самых глубоких впадин Атлантики. В вершине этой впадины находится знаменитая Романшская яма, которая как будто заставляет голубую полосу надломиться и круто повернуть с экватора прямо на юг. Эта голубая лента представляет известный Атлантический подводный хребет, или порог. На две-три тысячи метров возвышается он над ровным, чуть покатым дном

океана, лежащим по обе стороны хребта на глубине пяти-шести тысяч метров от поверхности.

Иногда в этих синих котловинах попадаются густо-синие пятна еще больших глубин – шесть, семь и даже выше восьми тысяч метров.

Что же представляет собой этот подводный горный хребет? В чем его сходство и различие с горными цепями континентов? Какое значение имеет он в распределении глубинной температуры и солености? Какое влияние оказывает он на направление поверхностных и придонных течений? Одинаковы ли условия глубинной жизни по обе стороны – восточную и западную – этого хребта?

На все эти вопросы наука о море могла ответить очень мало и очень неуверенно. Океан ревниво и упорно скрывал тайны своей жизни и своего строения. Они были недоступны взору человека. Чтобы узнать глубину океана в данной его точке, исследователь должен был осторожно разматывать с палубы судна километры стального троса глубинного лота с тяжелым грузом, с длинной трубкой на конце для захватывания образца грунта, с самозапирающимся батометром для получения образца придонной воды и с опрокидывающимся термометром для установления температуры воды у дна.

Эта операция длилась часами, требовала сложных специальных машин, длительной остановки судна, умелого маневрирования им и все же иногда оканчивалась разрывом троса и потерей лота из-за внезапно налетевшего шквала или

ошибки в маневрировании. Сколько же таких промеров могли произвести океанографические экспедиции всех стран, начиная от Кука и до наших дней? И какова точность и полнота этих промеров, если действительно надежные методы, машины и инструменты явились приобретением лишь последних пятидесяти – семидесяти пяти лет? Даже десять тысяч промеров для площади всего Атлантического океана в восемьдесят два миллиона квадратных километров являются ничтожной величиной, один промер на восемь тысяч квадратных километров! А между тем таких промеров во *всех* океанах и морях было произведено всего лишь полтора десятка тысяч. Это может дать такое же понятие о рельефе дна океана, как прогулка слепого великана, шаг которого равен несколькимстам километрам: он перешагнет через Уральский хребет, даже не заметив его, и будет продолжать думать, что гуляет по гладкой, как стол, великой европейско-азиатской равнине.

Лишь сравнительно недавно, с появлением эхолота, положение значительно улучшилось, но только в тех полосах океана, которые более или менее густо «прострочены» регулярными пароходными линиями. Остальные его пространства – необозримые и пустынные – еще ждут появления специальных экспедиций и исследователей. Скоро ли дождутся они этого – неизвестно. Капиталистические страны, владеющие берегами океанов, настолько заняты непрерывной подготовкой к войнам или участием в вооруженных «инцидентах»,

что на научные работы, не имеющие непосредственного отношения к военным делам, средств у них уже «не хватает».

Советская подлодка «Пионер» уже пятые сутки внимательно, шаг за шагом, идя на трех десятых своего максимального хода, изучает подводный Атлантический хребет по его большой дуге, идущей от Саргассова моря до Экватора. То поднимаясь над хребтом, то идя над его западными или восточными склонами, то описывая большие круги почти над самым дном океана на огромнейших глубинах в пять-шесть тысяч метров, подлодка видела при помощи своих ультразвуковых прожекторов и инфракрасных разведчиков много такого, о чем ученые-океанографы лишь смутно догадывались или имели совершенно искаженное представление.

Регулярно, через каждые шесть часов, подлодка приближалась ко дну или склону хребта, металлический борт подлодки раскрывался, и на грунт выходили профессор Лордкипанидзе и океанограф Шелавин в сопровождении своих помощников – добровольцев из команды подлодки. Они производили различные научные работы: Шелавин брал образцы воды и грунта, измерял температуру, изучал силу и направление течений; зоолог наблюдал жизнь придонных и глубоководных животных, ловил и собирал их. Иногда все объединялись и совершали небольшие прогулки по дну или по склонам хребта, вздымая на своем пути тучи легчайшего глобигеринового ила, который медленно – один сантиметр в тысячу лет – слагается здесь главным образом из известко-

вых скелетиков микроскопических животных – глобигеринид, из отряда фораминифер.

В дне океана нередко встречались узкие, длинные и глубокие провалы, хотя, в общем, установившееся мнение о его ровной поверхности на больших глубинах оказалось вполне правильным. Подводный хребет за миллионы лет своего существования в глубинах океана покрылся мощным слоем остатков мельчайших животных, сгладивших все его неровности, острые вершины, пропасти и ущелья и придавших ему вид возвышенности с плавными, незаметными для глаза склонами. Поэтому все были поражены, когда ультразвуковые прожекторы впервые отразили на экране оголенный пейзаж, напоминавший изрезанную ущельями горную страну. Чрезвычайно взволнованный этим открытием, Шелавин попросил капитана остановить подлодку недалеко от хребта и устроить здесь станцию.

Из выходной камеры появились семь человеческих фигур: зоолог, Шелавин, Марат, Павлик, Матвеев, Скворешня и Горелов. Каждый ученый имел теперь среди команды своих последователей: Матвеев и Скворешня увлеклись вопросами океанографии и сделали усердными учениками и помощниками Шелавина; не менее горячими поклонниками биологии и зоологии моря сделали Марат, Павлик и, к удивлению всех, Горелов.

Надо сказать, что почтенный зоолог был в немалой степени смущен тем вниманием к его любимой науке, которое

стал все явственнее обнаруживать Горелов. После ухода подлодки из Саргассова моря, на первой же глубоководной станции, когда зоолог вместе с Маратом и Павликом вышли из подлодки на придонную экскурсию, им встретился Горелов, возвращавшийся в подлодку после наружного осмотра дюз. Горелов коротко приветствовал зоолога поднятием руки и встал уже на площадку, намереваясь войти в камеру. Но, внезапно настроив свой радиотелефон на волну зоолога, он вызвал его и самым любезным тоном попросил разрешения присоединиться к его компании, объясняя, что сейчас у него много свободного времени и ему доставило бы большое удовольствие принять участие в такой интересной научной экскурсии.

Антипатия к Горелову установилась у прямодушного зоолога вполне прочно, и он старался лишь не выходить из рамок приличия в обращении с этим человеком, но отказать Горелову не было никаких оснований. Скрепя сердце, зоолог согласился на его участие в экскурсии.

Присоединившись к экскурсии и непрерывно восхищаясь своеобразием окружающего их мрачного ландшафта с мелькающими повсюду разноцветными огоньками рыб, Горелов усердно искал для зоолога новые экземпляры придонных животных. Он выдавливал столбики образцов грунта для океанографа, шутил с Маратом и Павликом и в конце экскурсии чрезвычайно обрадовал зоолога искусством, с которым поймал совершенно новый вид медузы, закапываю-

щейся в ил при первых признаках опасности и два раза упущенной самим зоологом. Ученый был в восторге от этой находки и горячо благодарил Горелова за нее.

С этого дня Горелов с нескрываемым интересом и удовольствием начал принимать участие во всех подводных экскурсиях зоолога. Мало того, он принялся даже изучать книги по вопросам зоологии и биологии моря, каждый свободный час проводил в биологической лаборатории, интересовался всем, над чем работал зоолог. Последний, видя веселые и дружелюбные отношения, установившиеся между Гореловым и Павликом, порой думал, не слишком ли он был поспешен в своих выводах относительно Горелова и его жестокости к детям.

«Мало ли что бывает! – говорил себе ученый. – Военные люди – твердые, прямолинейные. Они по-иному рассуждают. Для них важнее всего интересы дела, благополучие подлодки, а человек, даже ребенок, может иногда оказаться на втором плане. Такая уж профессия», – со вздохом заключал он.

В результате Горелов сделался не только терпимым, но и желанным участником подводных экскурсий зоолога. Сегодня, когда подлодка остановилась, – или, как говорят гидрологи, взяла глубоководную станцию, – у подводного хребта, изрезанного здесь ущельями и пропастями, участие Горелова в экскурсии оказалось не только желанным, но и спасительным.

В великолепном настроении все готовились к выходу из подлодки. Шелавин уже успел рассказать, какое большое научное значение имеет сегодняшняя экскурсия.

– Мы сможем доказать теперь, – говорил он, радостный и взволнованный, надевая скафандр в выходной камере, – что и на дне океана действуют силы разрушающие! Да, да! Можете ли вы себе представить? Морское дно есть царство отложения, а не разрушения, говорил старик Зупан. Категорически утверждал. Абсолютно! На дне морском, говорил он, царит вечный покой, неподвижность. Здесь нет, говорил он, движения воды, которая размывает и переносит целые горные хребты на суше. Придонные течения нельзя принимать во внимание из-за их медленности. Здесь нет и движения атмосферы, которая выветривает эти горные хребты. Здесь идет лишь спокойный, непрерывный в течение миллионов лет дождь из останков мельчайших растительных и животных организмов, обитающих в верхних слоях морей и океанов. И только этот процесс отложения характерен для морского дна, утверждал Зупан.

– А ведь, по существу, он прав, – заметил зоолог, нагнувшись соединяя электрической иглой верх тяжелого ботинка. – Стоит лишь выйти на грунт, как мы сейчас же убедимся в этом...

Еще не закончив своей реплики, зоолог немедленно пожалел о ней: на лице Шелавина он увидел яростное возражение:

– Да, да, да! Мы сейчас выйдем на грунт! Но в чем мы через полчаса убедимся, позвольте вас спросить? Мы убедимся, что морское дно есть не только царство отложения, но что в нем происходят и процессы разрушения! Мы уже видели это на экране, а сейчас увидим воочию. Да-с!

– Но кто же виновник этих процессов, если действительно на дне океанов нет ни ветров, ни рек? – спросил Горелов, проверяя кислородную зарядку своего заспинного ранца, прежде чем надеть жилет скафандра.

– Ветров нет, но вместо рек есть течения! – отрезал Шелавин, сшивая на себе электрической иглой штаны. – Вопрос только в их силе и постоянстве. Позвольте вам напомнить, товарищ Горелов, что океанография знает достаточно случаев, которые позволяют судить о влиянии глубоководных течений на рельеф морского дна.

Горелов с комической серьезностью поклонился, принимая это напоминание как знак уважения к его океанографической эрудиции, впрочем достаточно сомнительной для всех и для него самого. Зоолог улыбнулся, Марат тихонько приснул в сторону, но Шелавин, обращаясь к Горелову, продолжал с тем же азартом:

– В тысяча восемьсот восемьдесят третьем году Бьюкенен в проливах между Канарскими островами, на глубинах до двух тысяч метров, нашел дно, совершенно оголенное от ила, тогда как вокруг этих мест на глубинах в две тысячи пятьсот метров этот ил он находил везде. Здесь встречаются подвод-

ные пропасти и крутые скалы, точно такие же, как и на суше. В тысяча восемьсот восемьдесят шестом году подобные наблюдения были сделаны адмиралом Макаровым на «Витязе» в Лаперузском проливе. В Индийском океане, между Сешельскими островами и банкой Сайа-да-Мала, на глубинах до тысячи семисот метров дно также оказалось совершенно чистым от всякого ила, хотя в других местах поблизости он покрывал дно океана. Что доказывают все эти и многие другие наблюдения, позвольте вас спросить?.. Они доказывают, что в этих местах даже на таких глубинах работают какие-то течения: не поверхностные ветровые течения, а именно приливо-отливные, действующие и вверху, и в глубине, не случайные, а постоянные, вечные...

– Простите, что прерываю вас, товарищ Шелавин, – вмешался Скворешня, стоя у своего раскрытого ранца, висевшего еще на стене камеры. – На сколько часов ты зарядил кислородом скафандры? – обратился он к Матвееву, на обязанности которого лежало наблюдение за всем водолазным снаряжением подлодки.

– Как всегда, Андрей Васильевич: на шесть часов – шесть патронов.

– Сжатый, значит?

– Сжатый...

– Сменить! Зарядить каждый скафандр шестью патронами жидкого кислорода. Живо!

Матвеев хотя и удивился, но бегом бросился из выходной

камеры.

На Скворешню посыпался град вопросов:

– Почему, Андрей Васильевич? Зачем такой большой запас? Стоит ли из-за этого задерживаться?

Широким жестом Скворешня переадресовал эти вопросы к Шелавину.

– Пожалуйста, – прогудел он, усмехаясь в длинные усы, – за разъяснениями обращаться к Ивану Степановичу...

Шелавин, одетый в одни лишь металлические штаны, стоял, растерянно моргая светлыми ресницами:

– Не понимаю... Абсолютно! Почему ко мне?

– Позвольте, Иван Степанович! Ведь это же вы сейчас так горячо предупреждали, какие ожидают нас горные вершины, пропасти, скалы, ущелья! Надо быть готовым ко всему. В этих подводных Швейцариях и заблудиться, пожалуй, нетрудно. А? Как вы думаете?

Шелавин со своей обычной бледной улыбкой кивнул головой:

– Я вполне одобряю вашу инициативу, Андрей Васильевич.

* * *

Через пятнадцать минут все вышли на площадку, висевшую в десяти метрах над дном. Луч сверхмощного прожектора едва пробивался сквозь муть, поднятую со дна взрыва-

ми дюз при остановке подлодки.

Заработали винты, и все медленно поплыли над дном Океана, на одной десятой максимального хода. Муть скоро осталась позади. Фонари на шлемах яркими желтыми конусами освещали черное пространство на несколько десятков метров впереди.

Время от времени зоолог стремительно опускался ко дну, выхватывая что-то из ила и с торжествующими восклицаниями засовывал в свой огромный экскурсионный мешок добычу – извивающуюся, трепещущую или просто колеблющуюся, как желе.

Поодаль, справа и слева, чертили пространство звездочки Горелова, Марата и Павлика. Шелавин со Скворешней и Матвеевым ушли вперед и виднелись смутными желтыми туманностями.

Изредка слышались возгласы и вопросы помощников зоолога.

Вдруг Марат закричал:

– Асцидия, Арсен Давидович! Огромная белая асцидия! В первый раз вижу такую! Взять ее или не надо?

– Какая она из себя?

– Замечательно красивая! Похожа на греческий кувшин без горлышка. И на длинном стебле...

– Что ты говоришь, Марат? – взволновался ученый. – Если это «Гипобития каликода», то я тебя тут же расцелую за такую находку!

Он помчался к Марату, сопровождаемый смехом всех участников экскурсии.

– Полцарства отдаю, чтобы увидеть этот поцелуй, – засмеялся Горелов, – поцелуй сквозь два шлема!

– В крайнем случае, Марат мне поверит в кредит, – отшучивался зоолог. – За кубковидную, самую глубоководную асцидию, которую до сих пор находили только в северной части Тихого океана, мне даже не жалко полцарства... персидского царя. Ну конечно! – закричал он, приблизившись к Марату и опускаясь почти к самому дну. – Это она! Это она – красавица! От имени советской науки приношу тебе благодарность, Марат. Давай, давай ее сюда! Осторожно! Осторожней с ножкой, она очень хрупкая...

– Стоп! Стоп! – донесся в этот момент неистовый бас Горелова. – Держу за хвост! Скорее сюда, Арсен Давидович! Кажется, новинка! Зарылась в ил. Скорее...

Зоолог стремительно помчался в противоположную сторону, где торжествующий голос Горелова сулил ему новые радости.

В таком оживлении быстро и незаметно промелькнули два часа, и совершенно неожиданно прозвучал для них голос Скворешни:

– Что же вы так отстали, товарищи? Мы уже на хребте. Ну и диковины тут! Скорей сюда! Пеленгую направление...

Еще через полчаса все собрались на высокой круглой площадке, окруженной со всех сторон, словно часовыми, колон-

нами из какой-то твердой горной породы.

– Обратите внимание, товарищи, – объяснял Шелавин: – на площадке нет ила! Она ровна и чиста, как стол. Тут, на высоте тысячи пятисот шестидесяти метров над уровнем дна океана, несомненно, работает течение и сносит этот ил. И это, конечно, приливно-отливное течение, так как поверхностные течения на такой глубине уже незаметны, а глубинные течения слишком слабы для такой работы. Это оно промывает все пропасти, ущелья и лощины, омывает пики, вершины и скалы. Очень важно, товарищи, обследовать хорошенько эту местность. Я предлагаю разойтись в разные стороны – на север, юг и запад. На востоке осматривать нечего: мы оттуда пришли и ничего, кроме ровного морского дна, там не увидим.

Так и сделали. На запад, в глубину хребта, в лабиринт его проходов, пошли втроем – Шелавин, Горелов и Павлик; на север – зоолог и Матвеев; на юг – Скворешня и Марат.

Зоолог с Матвеевым тотчас же исчезли из виду, повернув в первый проход направо. Скворешня и Марат поднялись на несколько десятков метров вверх, вдоль отвесной стены, и вскоре тоже скрылись.

Шелавин медленно обошел площадку, выстукивая обушком топорика каменные колонны и стены.

– Интересно, – бормотал он, – интересно. Гм... Гм...

– Что вас тут заинтересовало? – спросил Горелов.

– Знаете ли вы, что это такое? – спросил Шелавин, от-

кальвая кусок горной породы и внимательно рассматривая его при свете своего фонаря. – Гранит, батенька! Абсолютно! Очевидно, хребет образовался в древнейшие времена в результате извержений магмы... Ну-ну... Очень интересно!

Он спрятал обломок гранита в сумку, висевшую у него позади, и двинулся вдоль ровной, матово отсвечивающей, словно полированной, черной стены.

Открылся широкий проход прямо на запад.

– Отлично! – сказал Шелавин. – Это то, что нам нужно. Пойдем по этому ущелью, пока можно будет. Смотрите под ноги – не провалиться бы...

Он первым вступил в проход, ширина которого достигала здесь примерно тридцати метров. С обеих сторон видны были черные гранитные стены – чистые, тускло поблескивающие крупинками светлого кварца. Над путниками изредка пролетали разноцветные огоньки глубоководных животных – рыб, рачков, мягкотелых. На оголенном от ила каменном ложе ущелья, на небольших выступах и неровностях стен встречались глубоководные актинии, медленно ползали, распластавшись, морские звезды, офиуры с густо разветвленными, словно кружева, лучами. Но ни голотурий, ни морских ежей, ни других любителей ила не было видно.

Иногда стены сближались, нависали над головами путников, сворачивали то в ту, то в другую сторону. Тогда становилось жутко в этих черных, мрачных теснинах. Дно ущелья, в общем, шло довольно круто под уклон, местами оно было

покрыто огромными обломками скал, и через них приходилось перелезать, цепляясь за выступы. Скалы перемежались глубокими оврагами или широкими ложбинами, в которые Павлик спускался со стесненным от невольного страха сердцем. Живые разноцветные огоньки мелькали все реже, ущелье становилось все более мрачным и пустынным.

Люди шли молча, разговаривали мало. Порой доносились отрывистые фразы, которыми обменивались зоолог с Матвеевым и Скворешня с Маратом. Лишь изредка слышались слова Шелавина, быстро шедшего спереди: «Осторожно! Спуск. Поворот. Порог». Через каждые двести – триста метров Шелавин останавливался, запускал вертушку для обнаружения течений, потом двигались дальше. Шли гуськом – впереди Шелавин, за ним Павлик; Горелов замыкал шествие. Перебираясь через один из невысоких порогов, Павлик вскарабкался на большой обломок скалы, лежавший на пути, и, оттолкнувшись, прыгнул вниз, за Шелавиным. Обломок покачнулся, и сейчас же позади послышался сдавленный крик Горелова:

– Ах, черт возьми!

Павлик обернулся. Со дна ущелья поднялась легкая муть.

– Что вы сказали, Федор Михайлович? – спросил он. В ответ он услышал пыхтение, неразборчивое бормотание.

– Что с вами, Федор Михайлович? – с тревогой спросил Павлик, поднимаясь обратно на бугор.

– Павлик! – послышался наконец задыхающийся голос Го-

релова. – Поди сюда. Помоги!

Павлик испугался. Цепляясь за неровную поверхность бугра, он быстро взобрался на его вершину. Большого камня, через который он только что перелез, не было. Внизу смутно виднелась его громада, под ним синевато отсвечивал металл.

– Что у вас случилось? Я вам не нужен? – послышался голос Шелавина.

– Ничего особенного, – ответил, задыхаясь, Горелов. – Меня сшиб скатившийся камень. Сейчас мне Павлик поможет. Павлик, скорее ко мне!

Павлик быстро сбежал с бугра и изо всех сил налег на камень, который придавил Горелова к стене. Соединенными усилиями они сдвинули тяжелый обломок, и Горелов, охая и кряхтя, поднялся со дна.

– Да! – проговорил Горелов, поправляя на себе снаряжение. – Хорош камешек!.. На суше осталось бы под ним от меня лишь мокрое место. Да и здесь, под водой, было бы мне плохо, если бы не скафандр. Ну спасибо, Павлик! Идем догонять Ивана Степановича.

Шелавин, очевидно, забрался уже далеко, так как огонек его долго не показывался. Горелов, должно быть, при падении ушиб ногу о свою металлическую оболочку и, прихрамывая, шел медленно. Однако он не жаловался на боль.

Время от времени по сторонам открывались боковые проходы, то широкие, то узкие, как щели. Неожиданно из одного из них выскочил огромный красный краб на высоких силь-

ных ногах, с поднятой кверху могучей клешней. Большое, покрытое панцирным щитком тело краба покачивалось на ломаных коленчатых ногах, как подвесная люлька. Черные, выступающие далеко вперед глаза смотрели пристально, как будто разъяренные появлением непрошенных гостей. Павлик от испуга застыл на месте, и в одно мгновение его нога ниже колена была зажата, словно стальными клещами, широкой и толстой клешней. Послышался резкий металлический скрежет и хруст. Казалось, скафандр затрещал. Краб уперся всеми своими восемью ногами и резко дернул ногу Павлика. Павлик вскрикнул и, потеряв равновесие, упал.

Горелов, успевший отойти на несколько шагов вперед, обернулся и, выхватив топорик, бросился на краба. Не выпуская ноги Павлика, краб поднялся еще выше на своих вытянутых ногах и угрожающе выставил навстречу Горелову вторую клешню. Топор с силой опустился и одним ударом начисто отсек ее. Лишь после этого краб выпустил Павлика и с неуловимой быстротой исчез в том же проходе, откуда только что так неожиданно появился. Вся эта сцена длилась не больше минуты, и, если бы не отсеченная клешня, валявшаяся на каменистом дне, она могла бы показаться Павлику лишь кошмарным сном.

– Какое чудовище! – пробормотал он побелевшими губами. – Он меня повалил... повалил...

– Пустяки, Павлик, – успокаивал его Горелов. – Я думаю, что ты упал скорее от неожиданности, чем от рывка краба.

Ну, как ты себя чувствуешь? Нам надо спешить.

– Смотрите, смотрите, Федор Михайлович! – испуганно закричал Павлик, прижимаясь к Горелову и показывая на проход, в который только что скрылся краб.

Среди обломков скал, нагроможденных у входа в узкое ущелье, Горелов увидел несколько пар сверкающих глаз и множество шевелившихся над ними клешней.

– Уйдем отсюда поскорее, Павлик, – сказал Горелов. – Их здесь, должно быть, немало, этих тварей. Лучше с ними не связываться.

– Ну, что вы там плететесь, позвольте вас спросить? – во-рвался вдруг в их разговор возбужденный голос Шелавина. – Какие там крабы? Не видели вы их, что ли, позвольте вас спросить? Идите скорее сюда! Я сделал тут замечательное открытие! Редкие по богатству золотые россыпи! Огромные, великолепные самородки. Я сообщу капитану и попрошу сюда людей с подлодки. Я на минутку выключу вас и соединюсь с центральным постом управления. А вы бегите ко мне...

– Но позвольте, позвольте! – закричал Горелов. – Иван Степанович! Далеко ли вы ушли от нас?

Ответа не было. Очевидно, Шелавин уже отключился и перешел на волну подлодки.

– Ну как же можно так! – негодовал Горелов. – А что, если он свернул куда-нибудь в боковой проход? Где его теперь искать?

– Подождите минуту, – послышался голос зоолога. – Он

поговорит с подлодкой и опять соединится с вами.

– Ну ладно, – сказал Горелов. – Пойдем потихоньку вперед, Павлик.

Они двинулись дальше. Павлик теперь едва поспевал за прихрамывавшим перед ним Гореловым. Он уже начал уставать.

Внезапно где-то впереди и справа послышался глухой короткий грохот, потом прокатился гул и быстро затих.

Горелов и Павлик в недоумении остановились.

– Что это может быть? – тихо произнес Горелов. Встревоженные, они двинулись дальше. Шли молча, невольно замедляя шаги, с опаской оглядываясь на черные каменные стены, на груды скал, казавшиеся обманчиво прочными, на нависавшие порой со стен утесы. Дно было каменистое, чистое от ила, но вода вокруг необъяснимым образом становилась заметно мутней. Золотистые облака ила волнами шли по ущелью навстречу Горелову и Павлику, гуще и гуще заволакивая все вокруг. Идти становилось труднее, на расстоянии двух-трех метров уже ничего нельзя было разглядеть...

Горелов остановился. Павлик в страхе прижался к нему.

– Почему молчит Иван Степанович? – тихо спросил Горелов. – Неужели он еще не кончил свой разговор с подлодкой? Я вызову его. Это безобразие – так затягивать!

Он нажал кнопку на щитке управления в своем патронташе и прислушался. Ответа не было. Горелов позвал к телефону зоолога и рассказал ему, что случилось.

– Что бы это могло значить? – задумчиво ответил зоолог. – Надо снести с подлодкой. Может быть, они еще разговаривают с Иваном Степановичем.

На вызов зоолога ответил вахтенный начальник, старший лейтенант Богров. Он сообщил, что разговаривал с Шелавиным минут десять назад и собирается послать к нему, по его требованию, пять человек из команды.

Узнав, что Шелавин не отвечает на вызовы и что именно минут десять назад раздался какой-то грохот, старший лейтенант приказал немедленно прекратить научные работы, всем участникам экспедиции собраться и начать поиски океанографа. При этом старший лейтенант добавил, что он ускорит выход из подлодки назначенного отряда и просит выделить человека для пеленгования ему с того места, где соберутся все участники экспедиции.

Вскоре на высоте, над ущельем, среди облаков ила появились два туманных оранжевых пятна. Они быстро опускались вниз, светлели, и через минуту на дне ущелья рядом с Гореловым и Павликом стояли зоолог с Матвеевым.

Как ни сильно был встревожен ученый, он несколько раз заставил Горелова и Павлика описать наружность, величину, окраску и строение краба, жалея, что ему не удалось лично видеть это чудовище.

– Ты говоришь, он был тебе по колено? Значит, примерно сорок сантиметров в высоту... Крупно, крупно... Правда, у берегов Японии водится крупный краб – высотой до мет-

ра. Но сила! Смелость! Нет, нет! Это совершенно необычайный случай! Ах, как жаль, что мне не пришлось его увидеть! Между прочим, это очень умные животные. Но самое интересное, что к этому смельчаку быстро явились его товарищи. Вы твердо уверены в этом? Вы не ошиблись? Может быть, вам это померещилось?

– Нет, нет, Арсен Давидович, мы оба ясно видели! – живо подтвердил Павлик.

Ах, как интересно! Как жаль!

В вышине показались еще два оранжевых пятна, и на дно опустились Скворешня с Маратом. Вскоре за ними показался отряд, высланный подлодкой, с комиссаром Семиным во главе. Отряд имел при себе кирки, лопаты, теренитные патроны, а также мощный вращающийся прожектор, могущий служить сильным маяком, и ящик с аккумуляторами к нему. Начальство над объединенным отрядом принял на себя комиссар.

Из сообщения Горелова можно было заключить, что за время, которое прошло, пока Павлик освобождал Горелова из-под обломка скалы, и которое затем потребовалось на борьбу с крабом, Шелавин не мог очень далеко уйти от своих спутников. Несомненно, он находился где-то поблизости – в главном или одном из ближайших боковых ущелий, к западу от сборного места.

Комиссар быстро организовал поиски. Десять человек должны были обследовать ближайшие боковые ущелья –

пять с правой стороны и пять с левой, в каждом ущелье по одному человеку. На себя комиссар взял осмотр главного ущелья дальше на запад. На месте для работы с прожектором и для пеленгации со сборного пункта должен был остаться Павлик.

Все быстро разошлись по указанным направлениям.

Глава II

Неожиданное нападение

Прожектор, на металлической колонке с широким основанием, равномерно вращался вокруг своей оси, и голубой сноп его лучей медленно передвигался, то скользя по черным стенам, то далеко проникая в пространство вдоль ущелья. Муть давно осела, и вода была спокойна и прозрачна, как великолепный чистейший кристалл.

Все кругом было тихо и пустынно. Лишь изредка мелькала тень глубоководной рыбы с рядами разноцветных огоньков или проносилась стайка светящихся рачков, и вновь воцарялось нерушимое спокойствие черных глубин.

Павлик сидел на одинокой скале, поднимавшейся почти посередине ущелья, над обломками, кое-где разбросанными по дну.

Настроение у него было неважное. При каждом появлении тени он вздрагивал и настораживался.

Прошло уже минут десять, как все разошлись на поиски

океанографа.

Павлик начал уставать от непрерывного нервного напряжения и ожидания чего-то страшного и угрожающего. Время от времени под его шлем врывались голоса старшего лейтенанта Богрова и зоолога, спрашивающих, все ли благополучно вокруг скалы, не вернулся ли кто-нибудь из товарищей. Но голоса раздавались все реже и реже: возможно, что дорога, трудности пути, беспокойство о Шелавине заставляли спрашивавших больше думать о поисках, чем о самочувствии мальчика, сидящего в безопасности на высоком уединенном утесе.

Когда усталость начинала особенно одолевать, Павлик схватывал своей металлической перчаткой колонку прожектора, и тогда становилось слышно ровное музыкальное гудение маленького мотора, вращавшего прожектор. Этот звук успокаивал и ободрял мальчика.

Вдали, в темноте, появилась небольшая, окруженная слабым фосфорическим сиянием тень. Это была какая-то рыба, обитательница больших глубин, медленно приближавшаяся по ущелью к скале Павлика. Она не внушала Павлику никакой тревоги, он с любопытством смотрел на ее скользящее без видимых усилий тело. Луч прожектора прошел под нею и на минуту поглотил ее слабое сияние рассеянным вокруг его конуса светом. Потом она вновь появилась, и стало видно мускулистое тело рыбы, около полуметра длиной, ее большие серповидные плавники и большой, мощный хвост. Те-

перь она оказалась уже в густой искристой туманности, состоявшей из массы каких-то глубоководных светящихся животных – не то рачков, не то моллюсков. С неожиданным проворством рыба бросилась в гущу этой стайки и принялась десятками заглатывать добычу, широко раскрыв пасть.

Внезапно, слово вынырнув из тьмы, показалась еще одна рыба бархатисто-черного цвета. Ее тонкое, сухое туловище с сильным широким хвостом, длинной, плоской головой и пастью, усеянной мелкими, загнутыми назад зубами, могло скорее соблазнить первую рыбу как легкая добыча, чем внушить ей какое-либо опасение. Однако, несмотря на то что вторая была в три раза меньше первой, она смело приблизилась и начала вертеться вокруг большой рыбы, извиваясь перед ней, описывая стремительные круги, появляясь то сзади, то сбоку, но чаще всего оказываясь перед ее пастью, как будто упорно и настойчиво заглядывая в глаза своего огромного противника. Большая рыба не обращала на нее внимания, продолжая заглатывать свою, очевидно, более легкую и вкусную добычу.

Павлик с возрастающим интересом наблюдал эту странную сцену, не понимая, чего хочет маленькая, юркая рыба.

И вдруг, в тот неуловимый момент, когда большая рыба, набив пасть добычей, замкнула ее, чтобы сделать глоток, маленькая вертунья очутилась как раз прямо против головы и одним стремительным движением вцепилась широко раскрытой пастью в переднюю часть морды своего противника.

Пораженный Павлик от удивления даже вскрикнул и вскочил на ноги. За всем, что последовало за этим неожиданным нападением, Павлик следил не спуская глаз, с раскрытым ртом и судорожно схватившись за колонку прожектора.

Большая рыба, оцепенев в первый момент от неожиданности, с силой тряхнула головой, словно собака, сбрасывающая с носа осу. Но маленький нахал, крепко вонзив свои кривые зубы в морду врага, не сдвинулся ни на йоту. Наоборот, Павлику даже показалось, что от встряски хищник надвинулся еще дальше на голову противника, помогая себе хвостом. Тогда большая рыба, лишенная возможности пользоваться своим единственным оружием – зубами, как будто немая, с висячим замком на пасти, завертелась в неистовстве, ударяя во все стороны хвостом, свиваясь в кольцо и распрямляясь. Она стремительно бросалась вниз, взмывала вверх, бешено мотала головой, силясь раскрыть свою пасть, но маленький бархатисто-черный хищник, как будто слившись с головой врага, висел не отрываясь. Мало того: на глазах у Павлика он все дальше и дальше налезал на эту голову, все шире разевая свою, словно каучуковую, пасть. Вот уже скрылись в этой ужасной пасти глаза большой рыбы, вот уже в глотку, раздувшуюся, как толстая кишка, прошла ее широкая, круглая голова. Точно упругая резиновая перчатка, растягиваясь и раздуваясь, маленький хищник надвигался на цилиндрическое тело добычи, и каждое яростное движение ее лишь

ускоряло его продвижение вперед. И чем дальше пролезала добыча в маленькую утробу хищника, тем все сильнее растягивалось его брюшко и, нарастая в объеме, опускалось все ниже и ниже.

Удивительная борьба приближалась к концу. Очевидно, лишенная притока свежей воды к жабрам, добыча задыхалась в брюхе врага и замирала. Из пасти хищника торчала уже только задняя часть добычи с слабо шевелившимся хвостом. Брюхо маленького разбойника раздувалось в огромный, в несколько раз больше своего владельца, мешок стойкими, просвечивающими стенками. В широком луче прожектора Павлик видел сквозь эту оболочку смутные очертания огромного тела добычи, свернувшегося кольцом, и ее большую голову с мертвыми, остекленевшими глазами. Через минуту в пасти хищника исчез наконец и хвост. Маленькая, тридцатисантиметровая рыба с непомерно огромным прозрачным брюхом медленно поднялась вверх и исчезла в непроницаемой тьме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.